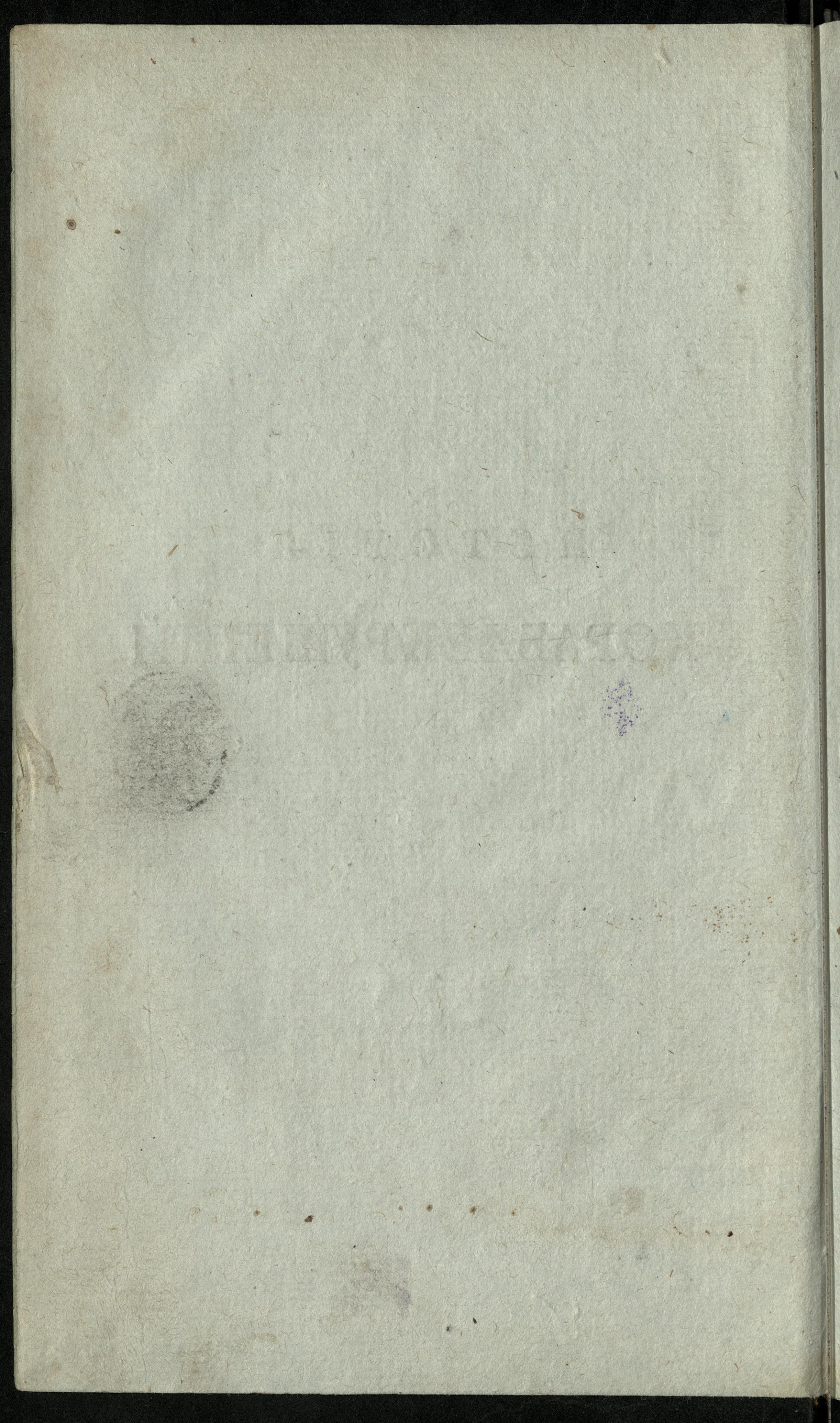

N 47.

2

ИСТОРІЯ
КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ

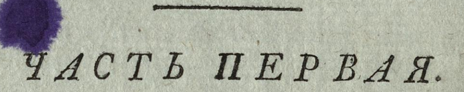

ИСТОРІЯ КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ,

ИЛИ

СОБРАНІЕ

Любопытнѣйшихъ Повѣствованій о Кораблекрушеніяхъ, Зимованіяхъ, Пожарахъ, Голодѣ и другихъ нещастныхъ Приключеніяхъ, случившихся на морѣ, извѣстныхъ свѣту отъ пятагонадесять вѣку до нынѣ.

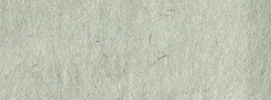

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Перевелъ съ Французскаго

МОСКВА, 1799.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

С҄ дозволенія Московской Цензуры.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

отъ Издателя.

Сіе собраніе есть плодъ двадцатилѣтнихъ трудовъ, чтенія и изысканій въ различныхъ библіотекахъ, а особливо въ той, какую имѣетъ самъ Авторъ, — самой обильнѣйшей изъ всѣхъ книгами, содержащими въ себѣ Описанія странъ отдаленныхъ, Путешествій и Мореплаваній.

Прежде нежели предпринято было издать въ свѣтъ сіе Собраніе, Издатель намѣренъ былъ расположить Повѣствованія по *хронологическому* порядку, и представить ихъ Публикѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ доселѣ были изданы или помѣщены гдѣ либо въ манускриптахъ или въ печати; но одинъ ученой и благомыслящій человѣкъ, съ которымъ Издатель посовѣтовался о семъ предметѣ, сообщилъ ему свои благоразумныя замѣчанія. Издатель ихъ уважилъ, и перемѣнилъ свой планъ.

Повѣствованія о Кораблекрушеніяхъ, Зимованьи и другихъ печальныхъ Приключеніяхъ, случившихся во время путешествій, предпринятыхъ за два вѣка передъ симъ *на Сѣверъ* для китовой ловли, или для отыска-

нія проѣзда въ *Восточную Индїю*, помѣщены будутъ особо, и составятъ **ПЕРВУЮ ЧАСТЬ** сего Собранія. Естьли бы сіи Повѣствованія помѣстить въ хронологическомъ порядкѣ, то надобно бы было разбросить ихъ между другими, что дѣлало бы видъ непріятный для Читателя. Подлинно, почти всѣ сіи печальныя приключенія, случившіяся на морѣ Сѣверномъ, были слѣдствіемъ одинакихъ причинъ: крайняя стужа, множество снѣгу, безпрерывныя громады льдовъ, густые туманы, вотъ почти всѣ причины тѣхъ нещастій! Но средства, употребленныя нещастными мореплавателями противъ таковыхъ бѣдствій, различествовали по различію тѣхъ препятствій и трудностей, какія имъ представлялись для ихъ существованія, а послѣ для ихъ возвращенія.

Прочія Приключенія, случившіяся въ различныхъ частяхъ земнаго шара, займутъ **ВТОРУЮ ЧАСТЬ** сего Собранія. Сія Часть, будучи гораздо обширнѣе первой, имѣетъ еще и ту выгоду передъ нею, что представитъ Читателю больше многоразличныхъ примѣровъ твердости, постоянства и трудолюбія человѣческаго, и слѣдовательно больше причинъ къ ободре-

нію для нещастныхъ. Сія - то Вторая Часть составитъ **ТОМЪ ВТОРОЙ** и **ТРЕТІЙ**.

Многія изъ сихъ Повѣствованій были не полны, не обработаны и писаны старинным штилемъ: Авторъ старался очистить ихъ и преобразовать такъ, что они сдѣлались отдѣльными Исторіями, полными и оконченными сами по себѣ, безъ непосредственной связи съ другими. При многихъ его изысканіяхъ, онъ въ состояніи былъ также удовлетворить Читателю обьясненіемъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, какіе могутъ возбудить его любопытство: въ иныхъ мѣстахъ прибавилъ подробныя описанія какихъ - либо обстоятельствъ, въ иныхъ дополнилъ нужное, въ иныхъ показалъ и обьяснилъ причины путешествія и возвращенія мореходцовъ, наконецъ пріобщилъ наставительныя замѣчанія, или описанія нѣкоторыхъ странъ, какъ - то: *Гренландіи, Бразиліи, островов Малдивскихъ, Готтентотовъ, мыса Доброй Надежды, Маратовъ*, и прочаго, и прочаго.

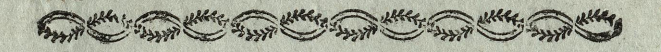
Число Повѣствованій, долженствующихъ составить сіе Собраніе, не было опредѣлено въ первомъ планѣ Автора; но многія причины побудили его ограничить себя на первой

случай не больше какъ сорокомъ. 1) Онъ изключилъ изъ сего Собранія многія Повѣствованія, не представлявшія Читателю ничего занимательнаго или наставительнаго для тонкаго вкуса, а единственно невѣроятныя подробности и противныя; такого роду есть Повѣствованіе о кораблекрушеніи Голландскаго судна *Ае-теръ Шеллингъ*, случившемся на берегу *Бенгальскомъ* въ 1661 мъ году, повѣствованіе скучное и такъ мало занимательное, что читая его, кажется не дождемся конца. 2) Онъ изключилъ изъ своего Собранія всѣ тѣ, которыя содержатъ въ себѣ много романическаго, или противнаго истиннѣ, или такія, о которыхъ онъ замѣтилъ, что они основываются на истинныхъ, съ нихъ передѣланы и только имена лицъ перемѣнены. Въ числѣ такихъ онъ почитаетъ особенно Исторію вымышленнаго кораблекрушенія, претерпѣннаго дѣвицею *Аделиною*, Графинею *де-Сентъ-Фаржетъ*, въ царствѣ Алжирскомъ, въ 1782 году; ибо сія исторія, напечатанная въ 1785 году, есть та же самая, что и исторія дѣвицы *Боуркъ*, которая содержится въ нашемъ третьемъ Томѣ. 3) Онъ опустилъ нѣкоторыя, правда занимательныя Повѣствованія, но столь

обширныя, что они одни могли бы составить цѣлые томы. Тому примѣромъ послужатъ Повѣствованіе о кораблекрушеніяхъ и приключеніяхъ *Фернанда Мендеца Пинто* въ моряхъ Индѣйскихъ, около середины XVI вѣка; Прибавленіе къ Путешествію *Адмирала Ансона*, или Повѣствованіе о кораблекрушеніи судна *Вагеръ*, на западномъ берегу *Патагоніи*, въ 1741 году, и Повѣствованіе о кораблекрушеніи *Петра Віодъ*, напечатанное въ 1770 году.

Естьли просвѣщенная и чувствительная Публика удостоитъ принять сіе сочиненіе въ такомъ ограниченномъ видѣ, какъ оно есть: то Авторъ посвятитъ себя новымъ изысканіямъ, и можетъ быть присоединитъ еще нѣсколько томовъ, которые постарается сдѣлать равномѣрно занимательными.

NB. Дабы не прервать вниманія читателей, и не ослабить того пріятнаго чувства, какое производится при непрерывномъ чтеніи занимательныхъ мѣстъ, за нужное сочтено, примѣчанія здѣсь присоединенныя, отнести на конецъ каждаго Повѣствованія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Человѣкъ не можетъ съ равнодушіемъ видѣть подобнаго себѣ человѣка, удрученнаго бѣдствіемъ, или подверженнаго великимъ опасностямъ, даже въ царствѣ воображенія, — при представленіи трагедіи, при чтеніи романа; — человѣколюбіе и сострадательность извлекаютъ слезы изъ очей его, и проникаютъ глубоко въ чувствительное его сердце.

Въ намѣреніи возбудить человѣколюбіе и сострадательность — сіи сладостныя чувствованія сердецъ добродѣтельныхъ, привязующія насъ къ человѣчеству столь тѣсными узами — въ семъ намѣреніи предлагаемъ мы здѣсь Собраніе нещастій, претерпѣнныхъ на морѣ. Чувствительныя души найдутъ въ нихъ множество картинъ трогательныхъ, разнообразныхъ и тѣмъ болѣе занимательныхъ, что истинна служитъ ихъ основаніемъ. Изъ нихъ нѣтъ ни одной, которая не подавала бы утѣшенія нещастнымъ; и сіе Собраніе, естьли будетъ увеличено, можетъ быть послужитъ нѣ-

когда магазиномъ тѣхъ пособій, какія умъ человѣческой изобрѣталъ противъ многоразличныхъ нещастій, и доставить страждущимъ средства къ облегченію подобнаго жребія.

Правда, Историкъ предлагаетъ Читателю важнѣйшія произшествія: судьбы Имперій, перемѣну правленій, законодательство, нравы и обычаи народовъ; но онъ почти всегда повѣствуетъ основываясь на вѣроятности другихъ, а не такъ, какъ очевидной свидѣтель. Напротивъ того Мореплаватель, будучи больше справедливъ, больше простъ въ своемъ ходу, и меньше славолюбивъ, предлагаетъ намъ только то, что онъ самъ видѣлъ, что самъ испыталъ. Читая его, мы чувствуемъ такое любопытство, такую привязанность, какъ будто бы мы сами были на его мѣстѣ: мы раздѣляемъ съ нимъ судьбу его, съ нимъ идемъ по стопамъ его, и не теряемъ его изъ виду; малѣйшее приключеніе трогаетъ насъ такъ же, какъ бы его самаго; съ нимъ дѣлимъ страхъ его и надежду. Въ опасности ли онъ? мы вмѣстѣ съ нимъ взываемъ къ Провидѣнію. Простираетъ ли Оно ему руку помощи? Находитъ ли онъ средства противъ бѣдствій, противъ

смерти? Спасенъ ли онъ? — слезы радости ліются изъ очей нашихъ; мы пристаемъ къ гавани вмѣстѣ съ нимъ; его веселіе, его восхищеніе проникаетъ также и въ наше сердце; мы хотимъ продлить сіи удовольствія, и только съ сожалѣніемъ его оставляемъ.

Нѣкоторыя изъ сихъ повѣствованій сообщены были моимъ друзьямъ, и произвели сіи внезапныя движенія, извлекли слезы нѣжнаго соучастія.... Да и кто будетъ такъ мало чувствителенъ, кто не станетъ проливать ихъ?...

видя ближняго своего угнетеннаго бѣдствіями, борющагося съ голодомъ и холодомъ, въ странахъ необитаемыхъ, приближенныхъ къ сѣверному полюсу; видя его сражающагося съ жестокими, кровожадными звѣрьми, едиными жителями, обитающими въ тѣхъ ужасныхъ странахъ, гдѣ лучи солнечные только наискось падаютъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лѣтнихъ, и послѣ скрываются за вѣчными льдами, загромождающими сію часть земнаго шара;

видя Элеонору Гарцію *Салу*, жену Эммануила *Созы*, Португальскаго Дворянина, бродящую съ мужемъ въ зе-

млѣ *Кафрской*, и погребающую себя живую въ пескѣ, отъ стыда;

воображая геройской подвигъ жены Дона *Бритто*, Губернатора *Поантъ де-Гальскаго*, которая, при нападеніи учиненномъ на сію крѣпость, спасаетъ жизнь своего мужа, подвергая опасности свою собственную, и избавляетъ гарнизонъ и жителей отъ кровопролитія;

читая трогательное увѣщаніе Г. *Боссордея*, Миссіонера Лазаристскаго, отдавщаго себя на смерть для спасенія молодыхъ неосторожныхъ Французовъ;

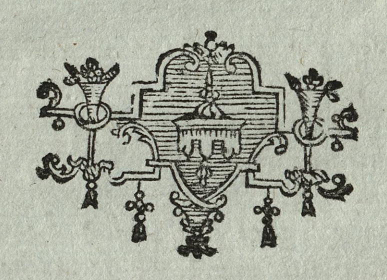
воображая ту благородную рѣшимость, съ какою дѣвица *Боуркъ*, будучи отъ роду не больше девяти лѣтъ, лучше захотѣла лишиться жизни отъ Африканскихъ Магометанъ, нежели отречься отъ своей религіи;

читая тѣ теплыя мольбы, какія возсылали двѣ молодыя дѣвицы и духовникъ къ Вышнему Богу, когда Французской корабль *ле Пренсъ* учинился добычею пламени, среди моря, за 200 миль отъ земли;

представляя въ мысляхъ страшное пробужденіе Гжи. *Деноаеръ*, Французской Креолы, когда при ея глазахъ умерщвляли ея мужа, и послѣ

сіи жестокіе убійцы оставили ее на открытомъ морѣ . . . .

Слезы нѣжнаго соучастія! какая награда лестнѣе? . . . . О естьлибъ мы получили ее отъ нашихъ Читателей! О естьлибъ мы узнали, что хотя одинъ безчувственный человѣкъ, прочитавъ сіи Повѣствованія, обратился къ человѣколюбію, и рѣшился умножить число людей добродѣтельныхъ и благотворителей страждущаго человѣчества!

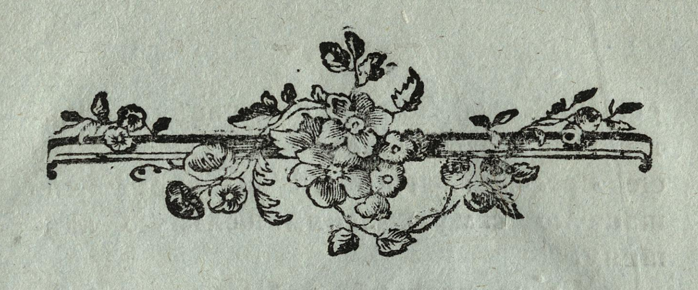

ОГЛАВЛЕНІЕ

Повѣствованій, содержащихся

Въ первой части.

I.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Голландцевъ, и зимованіе ихъ на Восточномъ берегу Новой-Земли, *въ 1596 и 1597 годахъ.*

Изъ всѣхъ путешествій, предпринятыхъ Англичанами и Голландцами по Сѣверному Океану съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ или чрезъ Сѣверо-Западъ или чрезъ Сѣверо-Востокъ открыть проѣздъ въ Китай, Японію и въ Восточную Индію, нѣтъ ни одного столько достопамятнаго, какъ путешествіе Голландцевъ въ 1596 году, подъ начальствомъ *Якова Гемскерка, Вильгельма Баренца и Іоанна Корнелиса Рипа.*

Искусство и опытность начальниковъ, ужасная бѣдность, до какой доведенъ былъ Гемскеркъ и его спутники во время своего зимованія на бе-

регахъ Новой Земли; наконецъ щастливое ихъ возвращенїе въ Голландїю: все сїе представляетъ любопытному читателю самую занимательную картину.

Мы не станемъ здѣсь описывать первыя два путешествїя на Сѣверо-Востокъ, предпринятыя изъ Голландїи, и оконченныя въ 1584 и 1595 годахъ Вильгельмомъ Баренцомъ, который былъ также однимъ изъ начальниковъ при третьемъ путешествїи; но предложимъ обстоятельнѣе главныя приключенїя сего послѣдняго, предпринятаго въ 1596 году.

Первыя два путешествїя, произведенныя, какъ мы уже сказали, Вильгельмомъ Баренцомъ, въ томъ намѣренїи, чтобы чрезъ Сѣверо-Востокъ найти проѣздъ къ Восточнымъ Индїямъ, кончились только нѣкоторыми открытїями. Сей знаменитой мореплаватель, по возвращенїи своемъ, подалъ такїя увѣрительныя доказательства, что можно найти желанный проѣздъ чрезъ проливъ Нассавской, что начальники того предпрїятїя еще болѣе воспламенились желанїемъ успѣть въ начатомъ дѣлѣ. Они не медля разсуждали о средствахъ, учинить третїй опытъ, ласкаясь наде-

ждою, что особая коммиссїя подкрѣпитъ ихъ въ намѣреваемомъ изыска-нїи. Но Генеральные Штаты, послѣ многихъ разсматриванїй, отвергли ихъ требованїе. Они только обнародовали, что естьли какїе города, общества, или даже частные люди захотятъ сдѣлать сїе путешествїе своими из-держками; то Штаты не только не будутъ тому противиться, но еще дадутъ знатное награжденїе въ случаѣ, естьли предприятїе удастся. И сумма была опредѣлена.

Совѣтъ города Амстердама тотчасъ воспользовался симъ позволенїемъ, и рѣшился снарядить два корабля. На выгодныхъ условїяхъ наняты были мореплаватели; но сколько можно было остерегались брать людей женатыхъ, дабы сїи, по любви къ женамъ и дѣтямъ, не захотѣли прежде времени возвратиться въ отечество. Гемскеркъ выбранъ Капитаномъ перваго корабля, а Баренцъ первымъ кормчимъ. Іоаннъ Корнеличь Рипъ назначенъ Капитаномъ другаго корабля. И оба они были готовы въ началѣ Мая 1596 года.

Они отправились 18 того же мѣсяца изъ Флиланда, гавани Нордголландской, а 30 го. находились уже на высотѣ 69 градуса 24 минуты. Сочи-

нитель Журнала замѣчаетъ, что не только у нихъ не было ночи уже перваго Іюня, но въ слѣдующій день по утру въ 10 часовъ съ половиною представилось имъ странное зрѣлище. Солнце имѣло на каждой сторонѣ парелію, или побочное солнце (parhélie) (1) и сіи три солнца разсѣкаемы были радугою. Въ то же время видны были двѣ другія радуги, изъ коихъ одна проходила чрезъ кругъ настоящаго солнца, коего нижняя часть была возвышена на 28 градусовъ отъ горизонта. Въ полдень, по измѣренію астролябическому, высота оказалась 71 градуса.

Іюня 5 го удивились они видя вдругъ множество льду, и сперва почли его за стаю плывущихъ лебедей. Но въ самомъ дѣлѣ оказалось, что то были огромныя льдины, отдѣлившіяся и плывшія по поверхности моря. 7 го числа находились они на 74 степени, и плыли между льдинами, которыя отъ стремленія корабля удалялись на нѣкоторое разстояніе, подобно тому, какъ бы плыть между двумя землями. Вода была такъ зелена, какъ бы отъ травы. Мореплаватели думали, что они не далеко отъ Гренландіи. Чѣмъ больше подви-

гались впередъ, тѣмъ чаще становились льдины.

Девятаго числа, на 74 градусѣ 30 минутѣ увидѣли островъ, которой казался длиною около 5 миль. Нѣкоторые изъ мореходцевъ сошли на берегъ 11 го числа, и нашли тамъ множество гагачьихъ яицъ. Потомъ они взошли на вершину горы весьма утесистой, откуда сойти было сопряжено съ величайщею опасностію: ибо они видѣли подъ собою утесы и стремнины, которыя могли бы раздробить ихъ тѣла на тысячу частей. Они принуждены были лечь на брюхо, и такимъ образомъ отважно спустились внизъ. Баренцъ, смотря на нихъ съ берегу, долго сомнѣвался въ ихъ жизни. Онъ ихъ тѣмъ болѣе упрекалъ, что они опасностію своею ничего болѣе не открыли, кромѣ стремнинъ и пустыхъ мѣстъ. Вскорѣ потомъ они убили бѣлаго Медвѣдя послѣ сраженія, продолжавшагося два часа; и сіе было причиною, что островъ тотъ названъ *Медвѣжьимъ* (Bären-Eiland); съ медвѣдя сняли кожу, и она была величиною не меньше 12 футовъ.

17 и 18 го чиселъ попадалось имъ множество льдинъ, между коими надобно было пробираться, чтобы до-

стигнуть южнаго конца того острова; но тщетно старались они его объѣхать.

19 го увидѣли другую землю, находившуюся по примѣчаніямъ на 80 градусѣ 11 минутѣ. Страна, представившаяся ихъ взору, была пуста; они направили путь къ Западу около берегу, и нашли весьма выгодную рейду; но Сѣверо-Восточный вѣтръ, вѣявшій съ земли съ великою силою, препятствовалъ къ ней приближиться. Заливъ съ моря простирался на Сѣверъ и на Югъ.

21 го бросили якорь въ виду нѣкоторой земли, на глубинѣ моря 18 саженей. Между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ экипажу Баренца отправились на Западный берегъ, чтобы взять балласту, бѣлой медвѣдь кинулся въ воду и плылъ къ его кораблю. Тотчасъ корабельщики оставили свою работу, бросились въ шлюпку и два бота, и пошли прямо противъ звѣря. Тогда онъ пустился въ открытое море, и плылъ больше мили. За нимъ не переставали гнаться. Почти всѣ оружія, которыми его ударяли, ломались на твердой его кожѣ. Наконецъ онъ такъ сильно ударилъ лапами по килю одного бота, что естьли

бы ударъ пришелся по срединѣ, то бы ботъ опрокинулся; но въ самое то время его убили и втащили на бортъ. Его кожа была длиною 13 футовъ (2).

Разстояніемъ на милю по тому берегу нашли они весьма удобную гавань, коей глубина была 16, 12, и 10 футовъ. Вдали видны были два острова, простиравшіеся на Востокъ. На противной сторонѣ, т. е. къ Западу, открыли большой заливъ, въ срединѣ коего былъ островъ, гдѣ водилось множество дикихъ гусей. Гемскеркъ и Баренцъ не сомнѣвались, что *это тѣ самые гуси, которые* каждой годъ прилетаютъ большими стаями въ Соединенныя Провинціи, а особливо въ Зюдерзее, Нордъ-Голландъ и Фрисландію, о которыхъ до того времени не извѣстно было, гдѣ они гнѣздятся.

Гемскеркъ и Баренцъ думали, что они находятся на берегахъ Гренландіи; но Издатель Журнала замѣчаетъ, что эта земля, въ которой тогда находились наши мореплаватели, какъ то послѣ открылось, былъ островъ, лежащій между Гренландіею и Новою Землею. Онъ прибавляетъ также, что сей островъ простирается отъ 60 го градуса даже выше 80 го, и лежитъ на Сѣверозападъ отъ Медвѣжьяго острова.

23 го Іюня нѣкоторые изъ мореплавателей сошли на берегъ, чтобъ замѣтить направленіе компасной стрѣлки. Въ самое то время они увидѣли большаго бѣлаго медвѣдя, который плылъ къ кораблямъ. Тотчасъ всѣ подняли страшной крикъ, и медвѣдь обратился въ другую сторону. Отклоненіе стрѣлки оказалось на 16 градусовъ. Послѣ того плыли они вдоль берега до 79 степени, и нашли другой заливъ.

28 го проѣхали мысъ западнаго берега; но 29 го принуждены были удалиться отъ берегу, чтобъ быть безопасну отъ льдинъ. Такимъ образомъ они спустились опять до 76 градуса 50 минуты, и перваго Іюля видѣли еще Медвѣжій островъ. Тутъ Корнеличь и другіе Офицеры съ его корабля перешли на корабль Баренцовъ. И когда послѣ долгаго совѣтыванія они не могли согласиться въ томъ, какую имъ избрать дорогу: то наконецъ положено, чтобы всякой отправился въ ту сторону, куда заблагоразсудитъ.

Корнеличь по предубѣжденію, котораго онъ никогда не оставилъ, возвратился къ 80 му градусу, въ той надеждѣ, что можно будетъ проѣхать

на Востокъ и миновать находящїяся тамъ земли, а послѣ объѣхать и Сѣверный мысъ.

Напротивъ того Баренцъ рѣшился спуститься къ Югу, чтобы избѣжать льдовъ. Одиннадцатаго числа онъ думалъ быть вблизи Кандиноеса, на восточной сторонѣ Бѣлаго Моря, которое оставалось у него къ Югу; а направивши путь къ Югу, а послѣ къ Юго - $\frac{1}{4}$ - Юго-Востоку, до 72 степени, онъ думалъ, что находится не далеко отъ земли Виллугби. 17 го находясь на 74 градусѣ 40 минутѣ, въ полдень узналъ *Новую Землю*, и заливъ ея Св. Людовика. 18 го проѣхалъ мысъ Адмиральтейскаго острова, а 19 го увидѣлъ Крестовой островъ, передъ которымъ бросилъ якорь на другой день, ибо ледъ препятствовалъ ѣхать далѣе. Восьмеро изъ его матросовъ сошли на землю, единственно въ томъ намѣренїи, чтобъ посѣтить кресты, и сѣли подъ однимъ изъ нихъ для отдохновенїя. Когда же они шли къ другому, вдругъ увидѣли двухъ медвѣдей, поднявшихся на заднія лапы, какъ бы для того, чтобъ за ними примѣчать. Тотчасъ всѣ пустились бѣжать; но одинъ изъ нихъ остановилъ всѣхъ, и грозилъ поразить багромъ перваго, кто обра-

тится въ бѣгство. Опытъ научилъ его, что надобно собраться толпою, чтобы устрашить медвѣдя крикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда они стали всѣ вмѣстѣ кричать, то медвѣди удалились.

21 го Іюля Баренцъ находился на 76 градусѣ 15 минутѣ, гдѣ отклоненіе стрѣлки было на 26 градусовъ. 6 го Августа онъ проѣхалъ мысъ Нассавской, а седьмаго приближился къ мысу Тротъ, котораго долго искалъ.

Густой туманъ принудилъ его привязать корабль къ огромной льдинѣ, которая будучи вымѣряна, оказалась толщиною въ 52 сажени, такъ что 36 саженей ея была въ глубинѣ воды, а 16 поверхъ оной. На другой день, какъ онъ ходилъ по палубѣ, а между тѣмъ корабль былъ все привязанъ къ льдинѣ, нечаянно услышалъ пыхтѣніе животнаго, и скоро потомъ увидѣлъ бѣлаго медвѣдя, подплывшаго къ кораблю, и искавшаго всползти на оной. Тотчасъ онъ закричалъ: ребята, сюда! Не успѣли матросы выбѣжать на палубу, какъ увидѣли уже медвѣдя вцѣпившагося когтями за корабль и ползущаго на верхъ. Тотчасъ всѣ подняли страшной крикъ, и

тѣмъ испугали медвѣдя; онъ удалился, но скоро потомъ показался опять изъ за льдины. Самые смѣлые изъ матросовъ приближились къ нему съ ружьями. Медвѣдь раненъ, и только частой снѣгъ помѣшалъ преслѣдовать ихъ добычу.

Въ слѣдующій день ледъ тронулся, и льдины стали плавать. Но съ какимъ удивленіемъ замѣчено было, что та льдина, къ которой прикрѣпленъ былъ корабль, не двигалась съ мѣста, хотя другія льдины объ нее ударялись. Баренцъ боясь быть захваченъ *такими громадами*, рѣшился наконецъ оставить свое прибѣжище. Опасность была уже весьма велика; ибо когда подняли парусы, то корабль часто набѣгалъ на льдины, которыя со всѣхъ сторонъ на него устремлялись. Наконецъ приближились къ другой огромной льдинѣ, гдѣ бросили поспѣшно якорь, и прикрѣпили къ ней корабль. Послѣ полудня льдины начали ломаться съ такимъ страшнымъ трескомъ, котораго Сочинитель не можетъ изобразить. Съ великою опасностію корабль пробирался между льдинъ, и надобно было великаго искусства въ маневрахъ, чтобы избѣгать всѣхъ трудностей. Они нащитали

больше 400 огромныхъ льдинъ, которыя были погружены въ водѣ больше, нежели на десять саженей, и только возвышались надъ поверхностїю на двѣ сажени. Оставалось одно средство, придерживаться льдинъ, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ привязывать корабль; между прочими усмотрѣли одну, которая возвышалась шпицею на подобїе башни; а приближась къ ней, нашли ее вышиною въ 32 сажени, изъ коихъ 20 были въ водѣ, а 12 поверхъ воды. Одиннадцатаго числа приближились къ другой льдинѣ, которая на 18 саженей была въ морѣ, а на десять возвышалась поверхъ воды. На другой день Баренцъ почелъ за нужное употребить всѣ усилїя, чтобъ приближиться къ берегу. Онъ боялся не только того, чтобы льдины не унесли корабля, но также думалъ, что когда случится ему быть на такомъ мѣстѣ, гдѣ глубина моря простирается не больше какъ на 4 или на 5 саженей: то большїя льдины не могутъ къ нему приближиться. Въ той сторонѣ берега, куда онъ хотѣлъ подойти, ниспадало съ горъ великое множество воды. Онъ не могъ плыть далѣе, но будучи принужденъ опять пристать къ льдинамъ, назвалъ сїе мѣ-

сто небольшимъ Льдянымъ мысомъ. 13 го увидѣли они бѣлаго медвѣдя, которой появился съ восточной стороны, и плылъ къ кораблю. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ раздробили ему ногу, но рана не помѣшала ему возвратиться на землю; многіе матросы сѣли въ шлюпку, погнались за нимъ и его убили.

15 го приближились къ острову Оранжу, гдѣ корабль вдругъ сталъ окруженъ льдинами со всѣхъ сторонъ, и находился въ великой опасности погибнуть. Однако имъ удалось наконецъ щастливо высвободиться, когда корабль приближился къ берегу. Между тѣмъ какъ корабельной экипажъ занимался сею работою, ихъ шумъ пробудилъ медвѣдя, которой спалъ недалеко оттуда. Онъ немедленно устремился на корабль, и люди оставили работать, чтобъ защищаться противъ звѣря. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ обратили его въ бѣгство, и онъ побѣжалъ на другую сторону острова, гдѣ и остановился на огромной льдинѣ. Нѣсколько человѣкъ его преслѣдовали, а какъ онъ увидѣлъ шлюпку, то бросился въ воду и хотѣлъ вплавь достигнуть берега. Но ему отрѣзали дорогу, и багромъ силь-

но ранили его въ голову; матросъ хотѣлъ повторить ударъ, но всякой разъ какъ онъ подымалъ багоръ, медвѣдь весьма удачно погружался въ воду и уклонялся отъ удара. Съ великимъ трудомъ наконецъ его убили.

16 го числа десять человѣкъ отважились сѣсть въ шлюпку въ намѣренiи пробраться къ Новой Землѣ между льдинами. На дорогѣ они взошли на самую высокую льдину, которая похожа была на небольшую гору, взобрались на самую ея вершину, чтобы обозрѣть мѣсто, гдѣ они находились. Сперва нашли, что твердая земля лежитъ отъ нихъ къ Юго-Юго-Востоку, а по вторичному наблюденiю замѣтили, что она находится къ Югу. Въ то же время усмотрѣли къ Юго-Востоку открытое море: почему нимало не сомнѣваясь въ щастливомъ успѣхѣ своего предпрiятiя, возвратились съ великою нетерпѣливостiю, и объявили открытiе свое Баренцу. 18 числа приготовились плыть, и даже распустили парусы; но послѣ многихъ тщетныхъ трудовъ принуждены были возвратиться опять назадъ. Однако 19 числа проѣхали Мысъ Желанiя, и надежда ихъ оживилась. Но скоро приперли опять льдины, и заставили ихъ

возвратиться назадъ. 21 го нашли они средство пробраться далѣе въ гавань льдяную, гдѣ и провели ночь спокойно на якоряхъ. На другой день, когда должно было оттуда вытти, встрѣтили огромную льдину и принуждены были привязать къ ней корабль. Нѣсколько матросовъ сошли на нее, и послѣ сдѣлали о ея фигурѣ странное описанiе. Она на вершинѣ своей покрыта была землею, и тамъ найдено около 40 яицъ. Цвѣтъ ея совсѣмъ не похожъ былъ на ледъ, а совершенно сходствовалъ съ лазурью неба. Вышина ея простиралась на 18 саженей подъ водою, и на 10 поверхъ воды.

25 числа, въ третьемъ часу послѣ полудня, когда стремленiе воды понесло льдины; то наши путешественники думали быть на Югѣ отъ Новой Земли къ Западу отъ Вейгата. Такимъ образомъ, когда они проплыли Новую Землю, и все еще не находили открытаго пути, то пропала наконецъ надежда проѣхать далѣе, и Баренцъ рѣшился уже стараться о томъ, какъ бы возвратиться въ Голландiю; но между тѣмъ корабль опять окруженъ былъ страшными льдинами, которыя заставили его отойти назадъ.

26 числа вошли они въ гавань льдяную, гдѣ и остановились посреди льдинъ, которыя со всѣхъ сторонъ плавали. Три человѣка спустились внизъ, чтобы открыть путь, но едва не увлечены были льдинами, и спасенїемъ своимъ обязаны помощи Вышняго. Не смотря на то корабль подвинулся далѣе еще въ тотъ же день къ вечеру на Западъ отъ льдяной гавани; но какъ ночью умножились льдины до невѣроятнаго количества, то не осталось путешественникамъ лучшей надежды, какъ зимовать въ сей ужасной странѣ. — Здѣсь-то начинается описанїе жалостнѣйшаго ихъ положенїя.

27-го льдины начали опять плавать, и вѣтеръ обратясь къ Юго-Востоку, гналъ ихъ съ такою силою противъ корабельнаго носу, что колѣбанїе корабля было весьма опасно. При семъ нещастномъ случаѣ путешественники спустили въ море лодку, какъ единое свое прибѣжище въ крайности. Льдины отдалились мало по малу 28 числа; но между тѣмъ, какъ осматривали вредъ, причиненный кораблю въ предыдущїй день, онъ вдругъ такъ сильно треснулъ, что всѣ почитали себя погибшими. Къ вечеру примѣче-

то, что льдины скоплялись одна на другую; а 29 го они совокупились въ такія громады, что ни крюками, ниже какими инструментами не можно было ихъ отдѣлить. Не оставалось уже надежды изъ нихъ высвободиться.

30 го умножались льдины болѣе и болѣе вокругъ корабля, и возвышались около него со всѣхъ сторонъ на подобіе шанцевъ, чему еще болѣе пособствовалъ густой снѣгъ, безпрестанно падавшій въ великомъ изобиліи. Корабль страшно трещалъ во всѣхъ своихъ связяхъ, будучи сжатъ льдинами. Поминутно *ожидали*, что онъ разсядется и раздробится въ куски. Сперва льдины скопились подъ кораблемъ гораздо болѣе съ той стороны, съ которой было стремленіе воды, и отъ того корабль сильно покачнулся; но послѣ они собрались и съ другой стороны, такъ что корабль сталъ прямо на льдинахъ, какъ будто нарочно поднятъ машинами.

31 го новыя льдины скопились спереди въ такомъ множествѣ, что подняли носъ корабля, и руль поднялся на 4 или на 5 футовъ выше прочаго, между тѣмъ задняя часть корабля опустилась въ льдины, какъ бы въ яму; по крайней мѣрѣ надѣялись, что чрезъ

то руль останется цѣлъ, ибо льдины не будутъ объ него биться; но и сїя надежда скоро пропала: руль былъ сломанъ. Въ такомъ нещастіи, когда всѣ поминутно ожидали, что корабль треснетъ, спустили они ботъ и шлюпку на ледъ, дабы туда удалиться. Четыре часа ожидали они, что съ ними случится; между тѣмъ вдругъ льдины опять тронулись и увлечены были стремленїемъ воды. Обрадованные мореплаватели принесли благодаренїе Вышнему, и всѣми силами старались починить руль. Но послѣ разсудили его срубить, боясь подвергнуться прежней опасности, когда льдины опять окружатъ корабль.

Перваго Сентября, льдины опять начали скопляться и подняли корабль на нѣсколько футовъ, не причинивши ему однако вреда. Путешественники начали дѣлать приготовленїя, чтобы втащить на землю ботъ и шлюпку. Втораго числа новыя льдины подняли корабль еще болѣе, отъ чего онъ сильно трещалъ, и разсѣлся во многихъ мѣстахъ; и тогда-то наконецъ рѣшились втащить ботъ на землю съ 13 бочками сухарей и двумя бочками вина.

3 го числа множество новыхъ льдинъ прибавилось къ тѣмъ, коими корабль былъ уже запертъ. Тогда якорной канатъ разорвался; привязали другой къ льдинѣ, но и онъ имѣлъ ту же участь. Удивительно казалось, какъ могъ еще корабль противиться такому множеству огромныхъ льдинъ, изъ коихъ нѣкоторыя, величиною съ небольшія горы, ударялись объ него съ великою силою. 5 го числа ввечеру они такъ его приперли, что онъ наклонился на одинъ бокъ и остался въ такомъ положеніи, будучи весьма много поврежденъ, однако все еще не разрушился. Но какъ всѣ думали, что онъ не долго можетъ противустоять въ цѣлости, то немедленно спѣшили перенесть на землю старой парусъ, порохъ и дробь, ружья, мушкеты и другіе инструменты для построенія палатки неподалеку отъ боту. Туда же отнесли сухари и крѣпкіе напитки, также плотническіе инструменты для починки судовъ.

7 го числа, нѣсколько матросовъ, прошедши мили двѣ внутрь той земли, нашли рѣку прѣсной воды и довольное количество наноснаго лѣсу. Они усмотрѣли также слѣды оленей и лосей. Это извѣстіе несказанно всѣхъ

обрадовало, тѣмъ болѣе, что на корабле начали уже примѣчать недостатокъ въ водѣ, и притомъ не надѣясь высвободиться изъ льдовъ при наступавшей зимѣ, всѣ страшились подумать, какъ проводить имъ сiе суровое время года въ такой странѣ, гдѣ не думали найти ни воды, ни дровъ. Но когда всѣ удостовѣрились въ томъ, что матросы объявили; то надежда ихъ ожила, и они предались волѣ Вышняго, который видимо подавалъ имъ средства, построить убѣжище, гдѣ могутъ они грѣться, и не погибнутъ отъ холоду и жажды. Такимъ образомъ всѣ твердо рѣшились зимовать въ той странѣ, надѣясь весною возвратиться въ отечество. Тотчасъ стали думать о томъ, какъ построить большую хижину, которая бы защитила ихъ отъ холоду и медвѣдей (*). Въ самомъ дѣлѣ нашли они на берегу рѣки цѣлыя деревья, которыя вѣроятно занесены туда изъ Татарiи, или изъ Россiи. Сперва начали дѣлать сани, чтобы возить лѣсъ.

15 го числа, между тѣмъ какъ всѣ заняты были работою, одинъ матросъ

(*) Хижина Голландцевъ построена была въ сѣверной части Новой Земли на 112 градусѣ 25 минутѣ долготы и 76 градусѣ широты.

увидѣлъ трехъ медвѣдей различной величины, изъ коихъ самый меньшій остался за льдиною, а другіе два продолжали приближаться. Между тѣмъ какъ матросы приготовлялись по нихъ стрѣлять, одинъ медвѣдь сунулъ носъ въ то мѣсто, гдѣ положено было мясо, и въ то же почти время мушкетной выстрѣлъ повалилъ его мертваго на землю. Другой, какъ казалось, пришелъ отъ того въ изумленіе, смотрѣлъ долго на своего товарища, видя его поверженна и недвижима, нюхалъ его, и потомъ, какъ бы узнавши свою опасность, возвратился назадъ своею дорогою. Его преслѣдовали глазами. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ опять воротился, и сталъ на заднія лапы, чтобы лучше разсмотрѣть матросовъ. Въ это время выстрѣлъ попалъ ему въ брюхо; онъ упалъ на ноги и съ великимъ ревомъ пустился бѣжать. Баренцъ велѣлъ открыть тѣло мертваго медвѣдя, вынуть изъ него внутренности, и поставить его на четырехъ лапахъ, чтобъ онъ въ такомъ положеніи замерзъ, имѣя намѣреніе привезти его въ Голландію, естьли Богъ приведетъ имъ возвратиться на кораблѣ.

16 го числа ночью вода въ морѣ, которая до тѣхъ поръ еще не теряла своего движенія между льдинами, замерзла на два пальца, а въ слѣдующую ночь еще на два. 21 го стужа была такая жестокая, что принуждены были перенести кухню на дно корабля, потому что все въ ней замерзало.

23 го лишились они плотника къ чувствительному для всѣхъ сожалѣнію. Его похоронили въ ущелинѣ одной горы не подалеку отъ водопада; тщетно употребляли всѣ усилія, дорыться до земли и выкопать ему могилу. Бревны для хижины притащены по льду или по снѣгу, и 25 го числа положено основаніе строенію.

Весь экипажъ состоялъ тогда изъ 16 человѣкъ, изъ коихъ многіе были не совсѣмъ здоровы. 27 го такой былъ морозъ, что естьли кому случалось во время работы положить гвоздь въ ротъ, то не можно было его вынуть не содравши кожи. 30 го снѣгъ выпалъ въ такомъ количествѣ, что не можно было выйти изъ хижины искать лѣсу. Развели большой огонь около зданія, чтобы растопить ледъ, въ намѣреніи сдѣлать ограду около хижины; но земля такъ оледенѣла, что огонь не могъ размягчить ее, и они принужде-

ны были оставить сïе предпрïятïе, боясь терпѣть недостатокъ въ лѣсѣ.

2 го Октября имѣли они удовольствïе окончить хижину. Передъ нею поставили высокой шестъ, или лучше сказать словами Журналиста, наклали большую кучу замерзлаго снѣгу, которой бы издалека былъ видѣнъ, и служилъ бы Фаросомъ для тѣхъ, которые бы по нещастïю заблудились въ сей пустой странѣ; но страхъ попасться медвѣдямъ удерживалъ и самыхъ смѣлыхъ въ хижинѣ. 5 го удивились они видя море открытое на такое *пространство*, на какое зрѣнïе могло проникнуть; но льдины около корабля не расходились. Казалось, говоритъ Гирардъ ле Фееръ, будто нарочно построена льдяная стѣна вышиною около трехъ футовъ, чтобы окружить корабль; и узнано было, что то пространство воды, которое онъ занималъ, замерзло даже до дна, т. е. на три сажени съ половиною.

Въ тотъ же день разобрали каюту въ передней части корабля, чтобы досками покрыть построенную хижину; къ вечеру работа сïя была кончана. Въ слѣдующïй день разобрали также каюту на кормѣ, чтобы досками обить окружность хижины.

Въ ночи съ 7 на 8 число вѣялъ жестоко холодной вѣтеръ, и цѣлой тотъ день продолжался вмѣстѣ съ густымъ снѣгомъ, такъ что не можно было выттии на воздухъ не подвергшись опасности задохнуться, и сверхъ этого жестокость мороза была несносна. 9 го погода была тише; люди начали выходить, и между прочимъ одинъ матросъ встрѣтился съ медвѣдемъ, котораго онъ увидѣлъ уже весьма недалеко отъ себя. Въ первомъ страхѣ пустился онъ бѣжать на корабль; медвѣдь погнался за нимъ, и конечно бы догналъ его, естьли бы не былъ удержанъ увидя убитаго медвѣдя, котораго поставили на воздухъ мерзнуть, какъ то выше было сказано. Онъ остановился на нѣсколько минутъ, смотрѣлъ на него, а между тѣмъ матросъ успѣлъ взбѣжать на бортъ. Ужасъ, которымъ онъ былъ объятъ, не далъ ему больше силы, какъ только закричать: медвѣдь, медвѣдь! Тотчасъ всѣ товарищи подняли громкой крикъ, и выбѣжали на палубу въ вооруженіи. Но какъ они прежде сидѣли въ большомъ дыму, которымъ наполненъ былъ весь корабль, то вышедши на воздухъ долго не могли ничего видѣть. Въ этомъ состояніи медвѣдь

могъ бы всѣхъ ихъ растерзать, естьли бы не былъ испуганъ ихъ крикомъ.

Гемскеркъ воспользовался ясною погодою, продолжавшеюся 10 числа, и велѣлъ вынесть на берегъ вино и другую провизїю. 12 го нѣкоторые изъ корабельнаго экипажу перебрались ночевать въ хижину, гдѣ принуждены были терпѣть жестокую стужу, тѣмъ болѣе, что трубы еще не было сдѣлано, и не можно было развести огня, иначе вся хижина наполнилась бы дымомъ. 13 го взвалили на сани двѣ бочки Данцигскаго пива, и отправили ихъ въ хижину; но во время дороги поднялась такая страшная буря съ метелью, что матросы принуждены были оставить сани съ пивомъ, и возвратились на корабль. На другой день нашли, что дно у бочки треснуло, и пиво замерзло. Бочку внесли въ хижину и поставили возлѣ огня, чтобы пиво растаяло; но оно потеряло уже свой вкусъ, и сдѣлалось водяно. Слѣдующїе два дня посѣщали ихъ много медвѣдей, отъ которыхъ они не иначе могли отдѣлаться, какъ крикомъ. 20 числа, возвратившись на корабль, когда хотѣли перевезти все оставшееся пиво, то нашли, что оно замерзло и расперло бочки, такъ что треснули и

многіе желѣзные обручи, которые набиты были на иныхъ бочкахъ. Въ этотъ день перебрались въ хижину и всѣ прочіе изъ корабельнаго экипажу, при чемъ употребили и ту осторожность, что туда же перетащили шлюпку съ корабля и якорь съ бота, предусматривая, что можетъ быть случатся еще непредвидѣнныя нужды, въ которыхъ сіи вещи будутъ для нихъ необходимы. До сего времени солнце было послѣднимъ ихъ утѣшеніемъ; но какъ и оно начало оставлять ихъ, то они до 25 числа употребили всѣ возможныя усилія, перевезти въ хижину на саняхъ всѣ съѣстные припасы и корабельныя снасти.

Еще они заняты были сею работою, какъ Баренцъ нечаянно примѣтилъ позади корабля трехъ медвѣдей, которые шли прямо на матросовъ. Онъ поднялъ громкой крикъ; они его поняли, и сами стали кричать; но три чудовища, можетъ быть надѣясь на свою силу и взаимную помощь, ни мало отъ того не устрашились. Тогда всѣ матросы стали приготовляться къ оборонѣ. По щастію на саняхъ случилось двѣ алебарды; Баренцъ взялъ одну, а Гирардъ ле Фееръ другую. Матросы побѣжали на корабль,

но бѣжавши по льду одинъ изъ нихъ упалъ въ ровъ. Всѣ отчаялись въ его жизни, и не сомнѣвались, что онъ первой будетъ растерзанъ медвѣдями. Но сїи погнались за тѣми, которые бѣжали на корабль; съ другой стороны Баренцъ и ле Фееръ обошли кругомъ, и сзади пришли на корабль. Тамъ къ своему удовольствїю нашли они всѣхъ уже собравшихся, кромѣ только того, которой упалъ въ ровъ и въ немъ скрылся. Между тѣмъ приближились разъяренные звѣри, и силились взобраться на корабль; тогда матросы, не имѣя никакого оружїя, стали бросать имъ на головы бревна и разныя снасти, и медвѣди всякой разъ кидались на сїи вещи точно такъ, какъ собака кидается за тѣмъ, что ей бросали бъ. Сперва хотѣли стрѣлять изъ ружьевъ, зажечь огонь, сжечь нѣсколько горстей пороху, но отъ страху или торопливости ничто имъ не удавалось. Между тѣмъ медвѣди нападали на нихъ съ большею яростїю, и уже не было почти бревенъ и снастей, которыми прежде ихъ останавливали. Наконецъ Голландцы обязаны стали своимъ спасенїемъ случайному щастїю. Баренцъ видя всѣхъ въ крайности, больше изъ отчаянїя, нежели съ намѣренїемъ, бро-

силъ свою алебарду въ рыло самому большему медвѣдю съ такою силою, что сей, будучи жестоко раненъ, побѣжалъ назадъ съ великимъ ревомъ, а два другіе, гораздо меньше его, немедленно послѣдовали за нимъ, хотя не скорыми шагами.

27 го убили они бѣлую лисицу, изжарили ее, и нашли, что она вкусомъ походила на кролика. Въ слѣдующіе два дня занимались приготовленіемъ разныхъ потребностей для той жизни, какую они по необходимости проводить должны были, какъ-то: поставили стѣнные часы и ихъ завели, приготовили лампаду, въ которую, вмѣсто масла, клали жиръ убитаго медвѣдя, навозили морской травы и накидали ее на парусы, которыми покрыли хижину для того, чтобы стужа сквозь щели менѣе проходила.

Перваго Ноября ввечеру увидѣли луну, на востокѣ и солнце поднялось еще на горизонтѣ столько, что могло быть видимо. На другой день оно взошло на Юго-Юго-Востокѣ, и закатилось близъ Юго-Юго-Запада; но кругъ его не былъ уже видѣнъ цѣлой на горизонтѣ. Третьяго числа оно явилось на Юго-$\frac{1}{4}$-Юго-Востокѣ, и скрылось на Юго-$\frac{1}{4}$-Юго-

Западѣ, слѣдовательно нѣсколько ближе къ Югу; въ этотъ день видна была только верхняя часть его круга на горизонтѣ, хотя на него смотрѣли съ мѣста довольно высокаго. Четвертаго числа не видѣли уже солнца, хотя погода была тихая и ясная.

Въ первые дни Ноября лѣкарь совѣтовалъ всему корабельному экипажу чаще мыться; изъ пустой бочки сдѣлана ванна: всѣ мылись въ ней одинъ послѣ другаго, что имъ придало новую крѣпость и свѣжесть.

Когда солнце оставило нашихъ бѣдныхъ *странниковъ*, то мѣсто его заступила луна, и въ то время, когда бывало наибольшее ея приращенїе, она видна была день и ночь, не заходя за горизонтъ. Шестаго числа случился такой мрачной день, что не можно было отличить его отъ ночи, а особливо когда и часы, по которымъ можно бы то развѣдать, по случаю остановились. Отъ того всѣ долго лежали въ постѣли, не воображая, что ночь прошла; когда же наконецъ встали, то никто не могъ отличить, дневной ли былъ то свѣтъ, или отъ луны. Журналистъ не упоминаетъ, какимъ образомъ наконецъ рѣшили они свое недоумѣнїе.

Между тѣмъ всякой ясно видѣлъ, что изъ тысячи нещастій, какимъ они были уже подвержены, или какихъ могли впредь страшиться, самое ужасное было недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. И для того 8 го числа освидѣтельствовали, сколько еще оставалось у нихъ сухарей, и положили каждому давать на восемь дней 4 фунта и 5 унцій, вмѣсто того что прежде эта порція опредѣлена была только на 5 или много на 6 дней. Рыбы сушеной и мяса было еще довольно, но за то недостатокъ въ винѣ былъ чувствителенъ, а оставшееся пиво не имѣло своей крѣпости. Вмѣсто медвѣдей, которые скрылись съ солнцемъ и болѣе уже не приходили, появились лисицы, къ великой радости для нашихъ странниковъ, которые скоро научились ихъ ловить. Баренцъ велѣлъ разложить сѣти на кольяхъ, куда лисицы часто забѣгали, и ихъ можно было втащить въ хижину вмѣстѣ съ сѣтьми. Послѣ прибѣгало ихъ такое множество, что стали ловить ихъ нѣсколько вдругъ.

12 го положено было давать вина каждому только по два стакана въ день, а впрочемъ снѣжная вода составляла ихъ единственное питье. 18 го

Баренцъ велѣлъ раздѣлить между всѣми кусокъ толстаго сукна, чтобы всякой могъ сдѣлать себѣ что нибудь въ защиту отъ холода. Въ бѣльѣ не терпѣли они недостатку, но трудность оказалась въ томъ, какъ его мыть. Лишь только вынимали его изъ горячей воды, какъ оно отъ стужи тотчасъ замерзало, и не было возможности его выжать; даже близъ огня оставалось оно замерзлымъ, по крайней мѣрѣ извнѣ; и самая тягостная была работа, ворочать его безпрестанно надъ огнемъ или снова мочить въ горячей водѣ, чтобы оно растаяло. 22 го числа осталось только 17 кусковъ сыру, и ихъ раздѣлили. 26 го и слѣдующіе два дня выпало такое множество снѣгу, что совершенно занесло хижину, и не возможно было изъ ней вытти; но 29 го погода выяснилась; они стали лопатами копать снѣгъ и сдѣлали сквозь него дыру, въ которую можно было ползкомъ вылезать. Сѣти были также завалены снѣгомъ; ихъ очистили и въ тотъ же день поймали нѣсколько лисицъ. Сія ловля была для нихъ тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что кромѣ мяса сихъ животныхъ, которое они съ жадностію ѣли, доставляла

имѣ и мѣхи, служившїе хорошою защитою противъ жестокости стужи.

Перваго Декабря хижину опять совершенно занесло снѣгомъ, и наши бѣдные странники принуждены были сносить сильной дымъ и мракъ, отъ чего ихъ состоянїе сдѣлалось гораздо жалостнѣе: цѣлые три дни лежали они въ постѣли, и единственная ихъ отрада была та, что они разогрѣвали камни и передавали ихъ другъ другу на постѣли.

Третьяго числа услышали страшной трескъ льдинъ на морѣ; неописанный ужасъ объялъ всѣхъ: всякой думалъ, что тѣ высокїя льдяныя горы, которыя они видѣли лѣтомъ, обрушились на ихъ хижину. Въ то же время, когда по причинѣ несноснаго дыму принуждены были уменьшить огонь, то внутри сдѣлалась такая стужа, что потолокъ и стѣны покрылись льдомъ на два пальца, и въ постѣляхъ находили ледъ. Наконецъ и стѣнные часы остановились, хотя и прибавлено вѣсу къ гирямъ, и для того Баренцъ самъ принужденъ былъ приготовить песочныя часы на полсутки: черезъ каждыя 12 часовъ ихъ

ворочали, и такимъ образомъ щитали время.

6 го былъ такой жестокой морозъ, что и самаго крѣпкаго сложенія люди не могли уже сносить стужи; всѣ смотрѣли другъ на друга томными и полумертвыми глазами, воображая, что естьли нещастіе ихъ хотя мало увеличится, то неминуемо всѣ погибнутъ. Самой сильной огонь уже не грѣлъ ихъ; все замерзло, даже и вино Ксереское, самое горячее изъ всѣхъ; надобно было его растаять, когда наступали дни раздѣлять его; а впрочемъ питье ихъ состояло изъ растаянной снѣжной воды, которая могла бы родить разныя болѣзни, и тѣмъ довершить конечное бѣдствіе отчаянныхъ странниковъ. 7 го числа новой случай, гораздо ужаснѣйшій, едва было не погубилъ вдругъ всѣхъ Голландцевъ. Разсуждаемо было о средствахъ, какими удобнѣе защитить себя отъ стужи, и положено, итти на корабль, взять оттуда земляныхъ угольевъ, отъ которыхъ огонь бываетъ сильнѣе и теплота продолжительнѣе. Сіе предпріятіе при несказанныхъ затрудненіяхъ было исполнено; а къ вечеру развели они такой большой огонь, что хижина дѣйствительно хорошо нагрѣ-

лась. Теплота сія столько имъ понравилась, что они не заботясь о слѣдствіи, старались всячески ее сберечь, и для того тщательно закрыли окна, и легли въ постѣли веселы и спокойны. Но скоро почувствовали онѣмѣніе членовъ и круженіе головы, такъ что никто не былъ въ состояніи двинуться съ мѣста. Однако нѣкоторымъ удалось дотащиться до дверей и ихъ отворить; но первый, которой хотѣлъ выйти на воздухъ, упалъ безъ чувствъ въ снѣгъ. Ле Фееръ, бывшій ближе къ дверямъ, услышалъ его паденіе, поспѣшно взялъ уксусу, и лилъ на лице того полумертваго, отъ чего онъ опять пришелъ въ себя. Какъ скоро двери были отворены, то холодъ, которой они почитали прежде величайшимъ своимъ нещастіемъ, послужилъ къ ихъ спасенію; четвертью часа пожже погибли бы они всѣ, и не могли бы подать себѣ нималѣйшей помощи.

Отъ 9 го до 12 го числа погода была ясная и небо блистало звѣздами; но стужа была такъ сильна, что не возможно описать ея жестокости. „Въ „самой хижинѣ, говоритъ Журналистъ, „кожа у башмаковъ примерзала къ но„гамъ, и такъ окрѣпла, что не можно

было ихъ надѣвать. Голландцы дѣлали себѣ обувь изъ шкуръ овечьихъ, которыя они съ собою принесли, и надѣвали ее на трое или четверо чулокъ. Ихъ одежда вся побѣлѣла отъ инею. Когда случилось имъ выходить на воздухъ, то показывались на губахъ, на лицахъ и на ушахъ маленькїе пупырышки, которые также замерзали. 14 го наблюденїе высоты показало 76 градусовъ. 18 го нѣкоторые пошли къ кораблю, единственно съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобы его посмотрѣть. Во время 18 дней, въ которые они не удалялись отъ хижины, ледъ поднялся на дюймъ. Хотя день былъ не ясный, или лучше сказать совсѣмъ не было дня, однако они замѣтили, что вдали море въ иныхъ мѣстахъ было открыто. Голландцы не сомнѣвались, что сїя перемѣна случилась тогда, когда они въ хижинѣ слышали страшной трескъ. 25 го услышали лисицъ въ западнѣ, но не нашли ни одной пойманной. „Казалось, говоритъ Журналистъ, будто огонь потерялъ свою „силу; по крайней мѣрѣ онъ не сообщалъ теплоты и самымъ приближеннымъ предметамъ. Надобно было сжечь „чулки, чтобы чувствовать малѣйшую „теплоту, да и того не льзя бы по-

„чувствовать, естьли бы не слышно „было смраду отъ сожженныхъ чулокъ.„ Таковъ былъ конецъ Декабря, и въ такомъ-то жалостнѣйшемъ находясь положенiи нещастные странники встрѣтили 1597 годъ.

Начало его было не менѣе сурово, но сiе не препятствовало матросамъ праздновать праздникъ Королей, чтобы тѣмъ хотя мало облегчить чувствованiе своихъ бѣдствiй.

Порядокъ празднества сихъ нещастныхъ, удаленныхъ отъ всего роду человѣческаго въ такой ужасной землѣ, будетъ конечно любопытенъ нашимъ читателямъ. Мы опишемъ его подробно, какъ-то находится въ Журналѣ.

Изъ оставшихся двухъ фунтовъ муки приготовили они блиновъ, и намазали ихъ постнымъ масломъ. Съ какимъ восхищенiемъ они ихъ ѣли! какъ были веселы! Ни самыя драгоцѣннѣйшiя кушанья никогда не бывали прежде столько имъ прiятны, какъ эта простая бѣдная пища. За такимъ пиршественнымъ обѣдомъ выпито было все вино, сколько кто сберегъ его изъ доброй воли для того дня. Наконецъ игра въ короли началась точно такъ, какъ будто каждой матросъ былъ въ

своемъ отечествѣ, въ дому своемъ, безъ всякой заботы.

Стали вынимать жеребьи: и судьба благопріятствовала пушкарю, „которой такимъ образомъ, по словамъ ле Феера, сталъ Королемъ Новой Земли, т. е. острова, имѣющаго можетъ быть 200 миль въ длину.„ Такъ-то среди всѣхъ бѣдствій и горести остается еще въ человѣкѣ естественная склонность къ удовольствіямъ.

10 го Генваря найдено, что вода вошла въ корабль почти на футъ, и тамъ замерзла. 12 го наблюденіе высоты по звѣздѣ, называемой глазомъ тельца, сходствовало съ первыми наблюденіями высоты солнечной, и потому они удостовѣрились вразсужденіи 76 степени. 13 го время было ясное, погода тихая, и потому замѣчено, что свѣтъ дневной увеличивается. Когда бросали шаръ, то онъ катился, чего до тѣхъ поръ не бывало. Съ того времени стали свободнѣе выходить на воздухъ и упражнялись въ бѣганьи, что весьма помогало ихъ ногамъ, которыя почти у всѣхъ онѣмѣли. Скоро потомъ замѣтили на небѣ небольшую багряность, и почли ее утреннею зарею, предшественницею солнца. Также и стужа примѣтно

уменшалась, особливо во время дня: ибо когда въ хижинѣ довольно было огню, то сосульки падали съ стѣнъ и таяли на полу, или на постѣляхъ; но во время ночи стужа была не меньше прежней. Принуждены были уменшить порцію сухарей и вина, потому что ловля лисицъ не столько была обильна: замѣчаніе тѣмъ болѣе прискорбное, что удаленіе сихъ животныхъ возвѣщало скорой приходъ медвѣдей.

24 го Гемскеркъ, ле Фееръ, и еще одинъ матросъ, захотѣли воспользоваться яснымъ временемъ, и пошли прогуляться на южной берегъ. Вдругъ совсѣмъ неожиданно ле Фееръ увидѣлъ часть круга солнечнаго. Радость ихъ была чрезвычайна. Они спѣшили въ хижину, сообщить сіе извѣстіе; но Баренцъ, коего искусство въ Астрономіи всѣмъ было извѣстно, никакъ не хотѣлъ тому вѣрить, ибо по всѣмъ его выкладкамъ еще нужно было 15 дней, чтобы солнце появилось на сей высотѣ. Но вѣстники стояли твердо въ томъ, что они видѣли. Споръ сдѣлался жаркой; наконецъ стали биться объ закладъ. 25 и 26 го чиселъ была метелица, и не позволила ничего видѣть: что самое утвердило Ба-

ренца въ его мнѣнiи. Но 27 го, когда погода выяснилась, весь корабельной экипажъ увидѣлъ дневное свѣтило во всей его окружности; по чему и не сомнѣвались, что 24 го числа можно было видѣть часть его (*).

31 го былъ прекрасной день, и всѣ странники восхищались наслаждаясь сiянiемъ солнца. Но послѣ цѣлые семь дней продолжалась сильная буря съ метелицею, и снѣгу выпало такое множество, что хижина окружена стала, какъ будто шанцами. Голландцы не заботились уже, откапывать две-

(*) Сiе открытiе подало поводъ ко многимъ спорамъ между Астрономами. Въ Атласѣ S. Blaeu находится пространное разсужденiе о семъ предметѣ. Но Кассинiй старшiй (отецъ), членъ Парижской Академiи Наукъ, кажется, всѣхъ лучше разрѣшилъ сiю трудность. Описавши парелiю (побочное солнце), имъ самимъ видѣнное, онъ присоединяетъ, что сiе самое явленiе можетъ удобно объяснить то извѣстное наблюденiе Голландцевъ на Новой Землѣ, что они видѣли на горизонтѣ солнце за 14 дней прежде того времени, въ которое оно могло быть видимо по вычисленiямъ астрономическимъ. Онъ думаетъ, что сiе солнце, видѣнное въ то время путешественниками, было не что иное, какъ парелiя или побочное солнце, каковое они замѣтили и прежде того перваго Iюня 1596 года, и какое онъ самъ описываетъ. Les Memoires de l' Académie des Sciences, année 1693 pag. 157 & 169.

ри, какъ то они прежде дѣлали; они вздумали вылѣзать въ трубу всякой разъ, когда была необходимая нужда. 8 го Февраля солнце взошло на Юго-Юго-Востокѣ, а закатилось на Юго-Юго-Западѣ, то есть судя по кадрану, поставленному возлѣ хижины, на полднѣ сей страны; ибо различіе отъ обыкновенныхъ компасовъ было покрайней мѣрѣ на два ромба.

Почти два мѣсяца съ половиной не видали уже медвѣдей наши странники, и потому объ нихъ забыли; но вдругъ 13 го числа, когда всѣ заняты были очищеніемъ западни лисичей, увидѣли пребольшаго медвѣдя, которой шелъ прямо къ хижинѣ. Одинъ матросъ такъ искусно помѣтилъ въ него изъ ружья, что выстрѣлъ попалъ въ грудь и пролетѣлъ насквозь тѣла. Звѣрь тотчасъ удалился, и отбѣжавши почти на 30 шаговъ, упалъ, однако нашли его еще живаго; онъ поднялъ голову, какъ будто искалъ глазами своего убійцу. Сила сего животнаго была уже довольно извѣстна, и по тому для осторожности за нужное почли сдѣлать въ него еще нѣсколько выстрѣловъ, пока онъ совершенно былъ мертвъ. У него разрѣзали брюхо, и вынули больше ста фунтовъ жиру,

которой и истопили для лампадъ: ибо уже давно лишились они и того утѣшенія, чтобы ночью быть освѣщену.

Остатокъ Февраля, Мартъ, и половина Апрѣля прошли въ безпрестанныхъ перемѣнахъ погоды хорошей и дурной, морозовъ и метелицъ, въ страхѣ отъ медвѣдей и въ веселіи, когда ихъ убивали. 6 го Апрѣля одинъ изъ нихъ сошелъ по ступенькамъ, сдѣланнымъ въ снѣгу, даже до самыхъ дверей хижины. Они были отворены, но Гемскеркъ, увидя по щастію сего звѣря, поспѣшно ихъ затворилъ, и самъ сталъ *изнутри* ихъ придерживать. Медвѣдь удалился. Но, спустя два часа возвратился опять, взлѣзъ на хижину, и поднялъ такой ревъ, что всѣ пришли въ великой ужасъ. Онъ силился сломать трубу, и всѣ уже думали, что онъ въ томъ успѣетъ; однако его усилія остались тщетны; наконецъ изорвавши парусы, которыми крышка была покрыта, удалился сдѣлавши страшное разореніе.

15 го Апрѣля, когда жестокость стужи уменьшилась, всѣ Голландцы пошли посѣтить корабль, и радость ихъ была чрезвычайна, какъ они нашли его въ томъ же состояніи, въ какомъ прежде оставили. Съ берегу

смотрѣли съ удивленіемъ на огромныя льдины, покрывавшія море; оно подобно казалось большому городу, гдѣ домы смѣшаны съ башнями, бастіонами и оградами. На другой день, взошедши на корабль, примѣтили, что вдали море открыто; нѣкоторые были даже столько смѣлы, что всходили на льдины, и переходя съ одной на другую дошли даже до воды, къ которой они уже мѣсяцевъ съ 5 или 6 не приближались. Подошедши туда увидѣли маленькую птичку, которая тотчасъ нырнула въ воду; а сіе и утвердило ихъ въ томъ мнѣніи, что море открыто на дальнее пространство, чего не было со времени ихъ пребыванія на Новой Землѣ.

Перваго Маія мясо стало оттаивать; они часть его ижжарили, и нашли, что оно ни мало не испортилось; одинъ только недостатокъ въ немъ замѣтили: ижжаривши не можно было долго его сберечь. Втораго числа сильной Сѣверо-Западной вѣтеръ очистилъ море и не оставилъ на немъ большихъ льдинъ. Тогда всѣ заговорили объ отъѣздѣ, и хотѣли возвратиться въ отечество самымъ кратчайшимъ путемъ. Третьяго числа унесены и остальныя льдины, выключая

тѣхъ, которыми корабль былъ окруженъ. Но послѣ такихъ благопріятныхъ предзнаменованій, съ какою печалію увидѣли они на другой день, что корабль отстоитъ отъ воды болѣе нежели на 500 шаговъ, между тѣмъ какъ онъ 16 Марта отстоялъ не болѣе какъ на 70 шаговъ.

7 и 8 го чиселъ выпало столько снѣгу, что не льзя было выйти изъ хижины; это привело иныхъ въ отчаяніе, и нѣкоторые матросы рѣшительно опредѣлили объявить Офицерамъ прямо, что весь экипажъ намѣренъ оставить сіе печальное мѣсто. Самая лучшая ихъ пища, какъ то: мясо и ячмень, начали истощеваться, а этотъ недостатокъ былъ очень чувствителенъ въ такое время, когда они наиболѣе имѣли нужду подкрѣплять силы для перенесенія тягостныхъ трудовъ. Даже сала осталось не болѣе, какъ на двѣ недѣли, щитая въ день на каждаго по двѣ унціи. Однако никто не смѣлъ говорить о томъ съ самимъ Гемскеркомъ, потому что онъ объявилъ, что не прежде пустится въ море, какъ въ концѣ Іюня. Открылись только Баренцу, коего добродушіе было всѣмъ извѣстно, и который едва могъ уговорить самыхъ упор-

нѣйшихъ, отсрочить свое намѣреніе еще на нѣсколько дней. 15 го онъ посовѣтовался объ этомъ дѣлѣ съ Гемскеркомъ, и сей обѣщалъ, что естьли корабль не будетъ освобожденъ къ концу того же мѣсяца, то станетъ старашься изготовить къ выходу въ море шлюпку и ботъ. Это показалось всѣмъ продолжительно, ибо всякъ предвидѣлъ, что очень не скоро можно починить и снарядить сіи два судна.

21 го Гемскеркъ, видя, что Сѣверо-Восточной вѣтеръ еще больше нанесъ льдинъ, позволилъ начать работу и изготовить сіи небольшія суда. Шлюпку не трудно было вытащить изъ хижины, гдѣ она находилась во все сіе время; но ботъ, лежавшій въ глубокомъ снѣгу, стоилъ столько трудовъ десяти человѣкамъ, которыхъ силы при томъ ослабѣли отъ ихъ бѣдной жизни, что они нѣсколько разъ принуждены бывали прерывать свою работу. Гемскеркъ ободряя ихъ говорилъ, что естьли они не хотятъ сдѣлаться гражданами Новой Земли, и быть тамъ погребены, то непремѣнно надобно изготовить ботъ; отъ котораго зависитъ надежда ихъ возвращенія.

Между тѣмъ какъ они работали со всѣмъ жаромъ, вдругъ увидѣли медвѣдя страшной величины. Тотчасъ всѣ побѣжали въ хижину, между тѣмъ лучшіе стрѣлки раздѣлившись стали въ трехъ дверяхъ, и ожидали звѣря съ ружьями; а одинъ изъ нихъ всползъ на трубу также съ ружьемъ. Медвѣдь шелъ прямо къ хижинѣ и гордо выступалъ; уже сошелъ почти со всѣхъ ступеней, и приближился къ дверямъ, не будучи примѣченъ стоявшимъ матросомъ; но какъ другіе стали ему кричать, то онъ, не смотря на свой первой страхъ, удачно выстрѣлилъ по медвѣдю. Всѣ почти отчаялись въ его жизни; ибо въ то время, какъ онъ по немъ стрѣлялъ, медвѣдь былъ такъ близко отъ него, что могъ въ минуту его растерзать; и естьли бы порохъ на затравкѣ съ перваго разу не загорѣлся, какъ то часто случалось въ такомъ суровомъ климатѣ, то бы онъ неминуемо былъ растерзанъ; даже сіе чудовище могло бы ворваться въ хижину, и сдѣлало бы тамъ страшное кровопролитіе. Но рана, которую онъ получилъ, не позволила ему бѣжать далеко; а между тѣмъ прочіе удобно могли его убить. Въ его желудкѣ нашли цѣлые куски тюленя съ кожею

и шерстью. Другїе медвѣди, посѣтившїе нашихъ странниковъ въ слѣдующїе дни, имѣли ту же участь. Казалось, будто сїи животныя чувствовали, что ихъ добыча скоро уйдетъ отъ нихъ, и для того усугубили свои усилїя, чтобы ее достать.

30 го всѣ способные къ тяжелой работѣ занялись съ жаромъ снаряженїемъ двухъ судовъ, а прочїе приготовляли парусы, и все нужное къ отъѣзду. Между тѣмъ, какъ они усердно работали, пришелъ къ нимъ медвѣдь. Всѣ поспѣшно побѣжали въ хижину; медвѣдь слѣдовалъ за ними, но залпъ выстрѣловъ повалилъ его мертваго на снѣгъ. Однако онъ стоилъ имъ дорого: ибо когда они его изрѣзали въ куски, ижжарили его печень, и съѣли съ удовольствїемъ, то всѣ сдѣлались отъ того больны; а особливо трое казались умершими около трехъ часовъ. Однако они выздоровѣли къ не меньшей радости для другихъ, какъ и для самихъ себя: только у нихъ слѣзла кожа съ ногъ до головы. — Потеря трехъ человѣкъ въ такое время была бы всѣмъ слишкомъ чувствительна.

3 го Іюня всѣ выздоровѣли, принялись опять за работу и продолжали ее безостановочно.

Шлюпка и ботъ были починены совершенно 7 го Іюня. Въ слѣдующій день поднялся сильной вихрь съ Юго-Запада, съ градомъ, снѣгомъ и проливнымъ дождемъ, и принудилъ всѣхъ скрыться въ хижинѣ. Но и тамъ не нашли они мѣста сухаго, потому что доски, которыми была покрыта хижина, употреблены на починку судовъ; при семъ неудобствѣ утѣшало ихъ только то, что они видѣли, что море начало очищаться отъ льдинъ. Однако надобно было тащить на берегъ суда, корабельныя снасти, товары и остальную провизію; снѣгъ размякъ и отъ того дорога была весьма тяжелая. Люди принуждены были оставить свои башмаки, сдѣланныя изъ мѣху, и опять надѣть коженыя, сколь онѣ не были худы.

12 го взяли они топоры, пики и лопаты, и принялись проложить способную дорогу даже до моря: трудъ несказанный! Не только надобно было отгребать снѣгъ полуистаявшій, но уравнять льдины, иныя срубать, иныя пригонять. Надежда подкрѣпила бы ихъ бодрость, естьлибъ ничто не мѣ-

шало имъ въ начатой работѣ; но часто они принуждены были сражаться съ большими медвѣдями, которые по морю приплывали къ нимъ на льдинахъ, и заставляли ихъ оставивъ работу защищаться. Наконецъ преодолѣны были всѣ сіи препятствія, и 13 го числа можно уже было спустить на воду два судна. Гемскеркъ, радуясь хорошей погодѣ и благопріятному вѣтру Юго-Западному, объявилъ наконецъ, что онъ рѣшился пуститься въ море. Съ радостію принято было сіе объявленіе, и тогда всѣ думали только о томъ, чтобы спустить суда на воду.

Между тѣмъ Баренцъ, коего здоровье давно уже стало ослабѣвать, собралъ всѣ свои силы и сочинилъ Журналъ, въ которомъ описалъ всѣ обстоятельства ихъ путешествія, прибытія ихъ въ Новую Землю, тамошняго ихъ пребыванія, и наконецъ ихъ отъѣзду. Сіи записки положилъ онъ въ ящичекъ, и повѣсилъ его въ трубѣ въ хижинѣ, чтобы они могли послужить въ наставленіе тѣмъ, которымъ случится пріѣхать послѣ нихъ въ сіе мѣсто: чтобы они знали, по какому случаю найдутъ остатки бѣдной хижины, служившей жилищемъ

отъ девяти до десяти мѣсяцовъ. А какъ можно было предвидѣть, что сїе ихъ плаванїе на двухъ малыхъ судахъ безъ покрышки, подвержено страшнымъ опасностямъ, то Гемскеркъ самъ написалъ два Меморїяла, которые были подписаны всѣмъ корабельнымъ экипажемъ, и положены одинъ въ шлюпку, а другой въ ботъ. Онъ описалъ въ нихъ все то, что Голландцы претерпѣли, ожидая пока откроется море и ихъ корабль высвободится изъ льдинъ; но что небо не услышало ихъ моленїй, и они наконецъ находясь въ крайности при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, не смотря на невѣрность хорошей погоды, которая вѣроятно скоро пройдетъ, принуждены были оставить свой корабль, и предпринять на двухъ малыхъ судахъ путь, преисполненный опасностями. Онъ прибавилъ также, что заблагоразсудилъ написать сїи двойныя записки съ тѣмъ намѣренїемъ, что естьли сїи два суда будутъ разлучены одно отъ другаго бурею, или естьли которое нибудь изъ нихъ погибнетъ совершенно, то можно бы было на другомъ найти описанїе всѣхъ нещастїй ими претерпѣнныхъ, и увѣриться въ повѣствованїи

тѣхъ, которымъ случится остаться въ живыхъ.

Послѣ сихъ печальныхъ предосторожностей потащили къ морю два малыя судна и сани, наполненныя товарами и провизїею. Весь грузъ состоялъ изъ шести кипъ сукна, одного ящика съ полотномъ, двухъ кипъ бархату, двухъ маленькихъ ларчиковъ съ деньгами, двухъ бочекъ корабельныхъ снастей и конопати, тринадцати бочекъ сухарей, одной бочки сыру, двухъ бочекъ съ масломъ, одной съ жиромъ, шести бочекъ вина, двухъ съ уксусомъ, и платье всего корабельнаго экипажа. Весь сей грузъ, вываленный на берегу, трудно казалось помѣстить въ два маленькїя суда, но для трудолюбїя и необходимости нѣтъ ничего невозможнаго. Въ тотъ же день оба суда были нагружены.

Наконецъ 14 го Iюня 1597 года въ шесть часовъ по утру подняли они парусы при западномъ вѣтрѣ. Оба судна еще прежде вечера приплыли къ Мысу Островов, гдѣ льдины еще не тронулись, и потому имъ не можно было подвинуться впередъ. Сїе нещастїе, постигшее ихъ въ первой день, сильно всѣхъ поразило. Четверо изъ нихъ

сошли на берегъ, но тамъ ничего не нашли, кромѣ крутыхъ скалъ, съ которыхъ убили нѣсколько птицъ каменьями. Почти не было надежды высвободиться изъ сего нещастнаго мѣста; однако 15 го числа льдины нѣсколько отдалились, и наши путешественники, проѣхавши мысъ Флессингской, приближились къ мысу Желанія.

16 го были они у острова Оранжъ, гдѣ нѣкоторые также сошли на берегъ, и развели огонь съ помощію найденнаго лѣсу. Начиная терпѣть великую нужду въ прѣсной водѣ, стали растоплять снѣгъ и снѣжною водою наполнили два боченка. Гемскеркъ и другіе два матроса перешли по льду на другой островъ, гдѣ поймали нѣсколько птицъ; но на возвратномъ пути Гемскеркъ упалъ въ провалъ, которой случился на льдинѣ, и спасеніемъ своимъ обязанъ помощи Божіей, ибо въ томъ самомъ мѣстѣ было сильное стремленіе воды.

Подняли опять парусы, и прибыли къ Ледовитому мысу, гдѣ можно было безъ всякой опасности соединиться обоимъ судамъ. Гемскеркъ, желая навѣстить больнаго Баренца, которой находился на другомъ суднѣ, перешелъ къ нему, и навѣдовался о его

здоровьи. Баренцъ, хотя и былъ очень слабъ, однако отвѣчалъ, что ему легче. Послѣ узнавши, что они находятся у Ледовитаго мыса, пожелалъ онъ, чтобъ его приподняли, и доставили бы ему удовольствїе видѣть еще разъ этотъ мысъ. Не извѣстно, было ли то предчувствїе близкой смерти; но онъ имѣлъ случай удовольствовать свое желанїе: ибо въ то самое время оба судна приперты стали льдинами и остановились неподвижно на одномъ мѣстѣ.

17 го поутру они вытерпѣли напоръ великаго множества льдинъ, и всякой уже думалъ, что погибель ихъ неизбѣжна. Скоро потомъ они были такъ приперты двумя громадами плавающихъ льдинъ, что всѣ стали прощаться другъ съ другомъ, какъ при послѣдней разлукѣ. Однако опять ободрившись, старались приближиться къ твердому льду, чтобы тамъ привязать суда, надѣясь тѣмъ избавиться отъ напору плавающихъ льдинъ. Они и дѣйствительно къ нимъ приближились, но надобно было привязать тамъ канатъ, что сопряжено было съ великою опасностїю, и никто не хотѣлъ подвергнуться очевидной погибели. Въ таковой крайности ле Фееръ, самой

проворной изъ всѣхъ, взялъ конецъ веревки, и перепрыгивая съ одной льдины на другую, щастливо достигъ до твердаго льду, на которомъ и укрѣпилъ веревку, привязавши ее около льдянаго холма. Тогда всѣ другïе вышли изъ судовъ, и сперва стали переносить больныхъ, а потомъ и весь грузъ, наконецъ втащили на льдину и самыя суда, и такимъ образомъ избавились отъ кораблекрушенïя, которое щитали неминуемымъ.

18 го числа старались починить свои суда, которыя много были повреждены; къ щастïю нашли тамъ нѣсколько лѣсу, развели огонь, растопили смолу, и замазали щели. Наконецъ пошли на землю, искать пищи для своихъ больныхъ, но не могли достать ничего, кромѣ птичекъ.

19 го еще больше наперло льдинъ; ни съ которой стороны не было видно ни одного мѣста открытаго на морѣ. Тогда-то всѣ въ отчаянïи думали, что только для того продлили свою жизнь, чтобы кончить ее въ тотъ день жалостнѣйшимъ образомъ; всѣ обстоятельства, казалось, утверждали ихъ въ сихъ печальныхъ мысляхъ. Ихъ состоянïе не перемѣнялось даже

до вечера, а въ слѣдующую ночь сдѣлалось еще ужаснѣе.

20 го въ девять часовъ поутру, ле Фееръ перешелъ съ боту на шлюпку, и увѣдомилъ Баренца, что Николай Андрисъ, одинъ изъ лучшихъ матросовъ, лежитъ при смерти. „И я отъ нее недалеко, отвѣчалъ спокойно Баренцъ.„ Прочïе видя, съ какимъ вниманïемъ разсматривалъ онъ карту, начерченную ле Фееромъ, представляющую всѣ тѣ страны, которыя они проѣхали, не могли вѣрить, чтобъ онъ былъ такъ слабъ. Но скоро онъ оставилъ карту, и сказалъ ле Фееру, что силы его ослабѣваютъ; послѣ чего глаза у него поворотились, и онъ не выговоря больше ни слова, умеръ такъ внезапно, что Гемскеркъ, въ то самое время пришедшïй на ботъ, не успѣлъ съ нимъ проститься; почти въ тужъ минуту умеръ и Андрисъ. Смерть Баренца поразила всѣхъ ужасомъ и жестокою скорбïю; онъ былъ, такъ сказать, душею всѣхъ трехъ путешествïй: всѣ его любили, всѣ равно увѣрены были въ его честности и въ его обширныхъ свѣденïяхъ.

21 го не послѣдовало никакой перемѣны въ ихъ положенïи; это былъ плачевной день, которой они провели скор-

бя о своей потерѣ, и ожидая сами подобнаго жребiя. На обоихъ судахъ осталось тогда только 13 человѣкъ.

22 го вѣтеръ вѣялъ съ Юго-Востока, и вдали видно было много мѣстъ открытыхъ. Но надобно было тащить суда больше 50 шаговъ по льду, спускать ихъ въ воду на нѣсколько минутъ, потомъ опять тащить больше 30 шаговъ, прежде нежели они достигнули до мѣста открытаго и удобнаго къ плаванiю. Послѣ сихъ трудовъ подняли парусы, и надежда ихъ ожила; но въ полдень окружили ихъ новыя льдины. Къ щастiю онѣ скоро разошлися, и оставили такой проходъ, какъ бы при открытыхъ шлюзахъ. Нѣсколько времени ѣхали вдоль берега, безпрестанно стараясь уклониться отъ льдинъ; но къ вечеру оба суда стали опять ими окружены.

28 го море открылось само собою, и они около девятаго часу утра прибыли къ Мысу Тростъ, гдѣ льдины снова ихъ окружили. Наблюденiе высоты показало 76 градусовъ 39 минутъ. Правда, Голландцамъ не можно было жаловаться на свѣтъ солнечной: ибо солнце было тогда въ полномъ сiянiи; но всего больше нуждались они въ прѣсной водѣ. Не прежде освобо-

дились отъ льдовъ, какъ 24 го числа въ полдень. Оба судна поплыли далѣе съ помощїю веселъ, и ѣхали благополучно даже до Нассавскаго Мыса, которой они усмотрѣли въ разстоянїи на три мили. Нѣсколько матросовъ пошли на берегъ, и нашли тамъ немного лѣсу; развели огонь и натаяли снѣгу; кромѣ сего питья употребляли еще теплыя кушанья, что и подкрѣпило нѣсколько изнуренныя ихъ силы.

25 го поднялась страшная буря съ Юга, и продолжалась почти цѣлые два дни; въ сїе время тронулся тотъ ледъ, къ которому привязаны были суда, и никакъ не можно было опять возвратиться къ твердой льдинѣ. Путешественники видѣли себя тысячу разъ въ ужасной опасности, а къ умноженїю ихъ нещастїй, оба суда отдѣлились одно отъ другаго; но Сѣверо-Западной вѣтеръ, случившїйся на другой день, возвратилъ тишину, и благопрїятствовалъ приближенїю ихъ къ твердой льдинѣ. Ботъ подошелъ къ ней прежде, и ле Фееръ, командовавшїй ботомъ, проплывши около мили вдоль льдины, и не видя шлюпки, думалъ, что Гемскеркъ совсѣмъ своимъ экипажемъ погребены въ волнахъ морскихъ. Туманъ былъ весьма густой,

и въ вечеру казалось еще болѣе умножался. Ле Фееръ велѣлъ дѣлать много выстрѣловъ, но тщетно; наконецъ имъ отвѣтствовано тѣмъ же, и сей сигналъ помогъ имъ опять соединиться.

Они плыли далѣе 27 го числа, и прошли на милю отъ Западной стороны Нассавскаго мыса. Между тѣмъ какъ подвигались вдоль берега, увидѣли на льдинахъ безчисленное множество моржей; появились также и птицы большими стаями; Голландцы убили изъ нихъ 12, и сдѣлали пышной пиръ. Но 28 го опять были такъ сперты льдинами, что принуждены выгрузить весь свой грузъ на твердой ледъ и туда же втащить обѣ судна. Тамъ сдѣлали палатки изъ парусовъ надѣясь по крайней мѣрѣ провести ночь спокойно; но около полуночи караульные примѣтили трехъ медвѣдей, и подняли громкой крикъ; всѣ выбѣжали съ оружїемъ, и дали залпъ; но первые выстрѣлы были безполезны; по крайней мѣрѣ они остановили медвѣдей и дали время зарядить въ другой разъ ружья; вторымъ залпомъ убитъ одинъ медвѣдь, а два другїе убѣжали. На другой день они опять появились, и подошедши къ тому мѣ-

сту, гдѣ лежалъ ихъ товарищъ, одинъ изъ нихъ схватилъ его въ пасть и поволокъ на самую высокую и бугристую льдину, гдѣ оба принялись его жрать. Голландцы, поражены равно удивленїемъ и ужасомъ, немедленно сдѣлали по нихъ нѣсколько выстрѣловъ, что побудило ихъ оставить добычу и обратиться въ бѣгство; четверо изъ экипажу пошли тотчасъ къ кадавру, и нашли, что онъ былъ уже половину съѣденъ въ такое короткое время. Видя его величину, они удивились тому медвѣдю, которой притащилъ тотъ кадавръ по такому трудному пути: ибо они четверо съ трудомъ могли дотащить до палатокъ оставшуюся половину. Въ слѣдующїе два дня видѣли еще четверыхъ медвѣдей: двухъ сперва, которыхъ всѣ признали за прежнихъ прогнанныхъ, а за ними непосредственно другихъ двухъ. Ни одного изъ нихъ не могли убить, однако не сумнѣвались, что которой нибудь былъ раненъ.

Первое Іюля замѣчено было печальнымъ происшествїемъ. Поутру часовъ въ девять плывущїя льдины съ такою силою приперли къ твердому льду, что онъ изломался въ томъ самомъ мѣстѣ, которое Голландцы из-

брали своимъ убѣжищемъ; кипы попадали въ воду, и хотя нужно было ихъ спасти, но еще нужнѣе казалось спасти шлюпку, которую надобно было тащить черезъ льдины ближе къ землѣ, гдѣ меньше было опасности, чтобъ ледъ изломался. Потомъ когда возвратились къ кипамъ, то нашли чрезвычайныя затрудненія ихъ спасти; ледъ ломался подъ ихъ ногами, чѣмъ ближе они подходили къ краю. Когда думали, что весьма легко захватить кипу, то она или уносима была льдиною, или скрывалась подъ нее, такъ что и самые смѣлые не знали что начать, желая спасти единственное свое сокровище не погубивъ самихъ себя. Еще труднѣе было спасать ботъ; ледъ подломился подъ нимъ, и сіе малое судно вмѣстѣ съ нѣкоторыми матросами унесено было льдиною, и во многихъ мѣстахъ повредилось, а особливо въ тѣхъ, которыя были перемѣнены или починены. Къ большему ихъ нещастію на немъ былъ одинъ больной; онъ былъ спасенъ, но съ крайнею опасностію для тѣхъ, которые отважились на сіе человѣколюбивое дѣло. Наконецъ льдины начали по малу расходиться, и ботъ перетащенъ на тотъ же ледъ, гдѣ была шлюпка. Сіе ихъ

бѣдствїе продолжалось отъ 6 ти часовъ утра до шести часовъ вечера. Они лишились тогда двухъ бочекъ сухарей, одного сундука съ полотномъ, бочки съ корабельными снастями, астрономическаго круга, одной кипы кармозиннаго сукна, одной бочки съ масломъ, одной съ виномъ и одной съ сыромъ.

2 го числа всѣ заняты были починкою обоихъ судовъ. Нашли нѣсколько лѣсу, и убили нѣсколько птицъ, которыхъ изжарили и съѣли. Два человѣка посланы были на другой день искать воды, и между тѣмъ какъ они ею запасались, нашли два потерянныя весла, шестъ съ руля на ботѣ, сундукъ съ полотномъ и шляпу; странной сей случай оживилъ ихъ бодрость, и утвердилъ въ надеждѣ на милость Божїю.

4 го числа былъ прекраснѣйшїй день, каковъ только можетъ быть въ Новой Землѣ; Голландцы старались высушить вымоченныя сукна. Въ слѣдующїе три дня былъ сильной напоръ льдинъ, и въ то же время умеръ Жанцъ де Гарлемъ, одинъ изъ матросовъ. 9 го твердая льдина отдѣлилась отъ земли и поплыла; тогда принуждены были Голландцы тащить оба суда въ воду, и волокли ихъ около 350

шаговъ; невообразимой трудъ, какого никто не предпринялъ бы ни за что въ свѣтѣ, развѣ только для спасенія своей жизни! Въ семь часовъ утра подняли парусы, но въ шесть часовъ вечера принуждены были опять возвратиться къ берегу и сойти на твердой ледъ, которой еще въ одномъ мѣстѣ не отдѣлился отъ земли.

10 го употребили они невѣроятной трудъ, пробраться между льдинами до двухъ пространныхъ льдовъ, коихъ поверхность была гладка подобно двумъ равнинамъ, и онѣ соединены были между собою какъ бы нѣкоторымъ перешейкомъ; нужно было разгружать оба судна, переносить сей грузъ, и даже самыя суда тащить по льду больше нежели 100 шаговъ до другаго краю, гдѣ опять спустили ихъ на воду. Потомъ пустились плыть, но очень тихо, чтобы пройти небольшое пространство, между двумя плававшими льдинами огромной величины, которыя могли бы разразить ихъ, естьли бы вмѣстѣ столкнулись. Когда они выбрались изъ сего пролива, то сильной западной вѣтръ, устремившійся прямо противъ судовъ, принудилъ ихъ поспѣшить къ твердому льду, хотя и весьма трудно было къ нему прибли-

житься. Втащили на него оба судна съ невѣроятнымъ трудомъ, которой всѣхъ привелъ въ отчаянїе. На другой день большой медвѣдь, весьма жирной, приближился вплавь къ палаткамъ. Нѣсколько выстрѣловъ изъ мушкатона свалили его; влажность, вытекавшая изъ его ранъ, не столько похожа была на кровь, сколько на масло. Нѣкоторые изъ матросовъ стали на льдину, и поплыли къ кадавру; накинули петлю на шею убитаго медвѣдя и приволокли его на твердой ледъ, гдѣ не мало удивились нашедши его толщиною въ 8 футовъ.

Трое изъ экипажу пошли на одинъ островъ, которой виденъ былъ съ той стороны, гдѣ стояли палатки; оттуда усмотрѣли островъ Крестовой на западѣ. Опасность не воспрепятствовала имъ достигнуть сего послѣдняго острова, дабы найти тамъ слѣды человѣковъ; но ихъ исканїе было тщетно. Семьдесять яицъ горныхъ утокъ принесли они своимъ товарищамъ, и это былъ единой плодъ ихъ отважнаго поиска, продолжавшагося 12 часовъ, и причинившаго всѣмъ оставшимся въ палаткахъ великое безпокойство о ихъ судьбѣ. Они разсказали, что переходя на островъ Крестовой, шли иногда по

Голландцы умерщвляютъ бѣлаго медвѣдя страшной величины близъ Крестоваго острова:

колѣна въ водѣ, выступившей на поверхности льда, находившагося между обѣими островами, и что взадъ и впередъ прошли около шести миль. Всѣ ужаснулись слыша таковую ихъ отважность, однако ради были утинымъ яицамъ. При семъ случаѣ раздѣлено остальное вино, и каждому досталось около шести пинтъ.

16 го увидѣли идущаго съ земли медвѣдя бѣлизны чрезвычайной; начали по немъ стрѣлять, и тѣмъ обратили его въ бѣгство; на другой день нѣсколько матросовъ посланные развѣдать, не открылось ли море, нашли его на одной льдинѣ изнемогающаго отъ ранъ. Онъ тотчасъ бросился бѣжать, какъ скоро ихъ послышалъ; но одинъ изъ матросовъ ударилъ его багромъ, отъ чего онъ упалъ на заднія лапы. Матросъ хотѣлъ ударить въ другой разъ, но разъяренной звѣрь поймалъ багоръ, изломалъ его въ куски, и повалилъ самаго Голландца. Между тѣмъ прочіе стали по немъ стрѣлять; онъ побѣжалъ, а упавшій матросъ тотчасъ вскочилъ, погнался за нимъ съ однимъ отломкомъ багра, и давалъ ему сильные удары. Медвѣдь оборачивалъ голову всякой разъ, и кидался на него три раза. Другой залпъ далъ ему мно-

го ранъ, и онъ не могъ уже бѣжать скоро. Третьимъ залпомъ удалось наконецъ его убить, и они по своему обыкновенію вырвали у него зубы.

19 го числа въ шесть часовъ утра пошли семеро изъ экипажу на островъ Крестовой, откуда увидѣли много открытаго моря на западѣ; съ великою нетерпѣливостію спѣшили они принесть сіе радостное извѣстіе своимъ товарищамъ, и для того не теряли времени, только набрали сотню яицъ, которыя и были съѣдены по ихъ возвращеніи. Это укрѣпило ихъ силы: ибо надобно было тащить суда по льду около трехъ сотъ шаговъ; всѣ вооружились бодростію, почитая сей трудъ послѣднимъ. Какъ скоро спущены оба суда на воду, тотчасъ подняли парусы, и ихъ плаваніе было такъ скоро, что въ шесть часовъ вечера находились они выше Крестоваго острова. Тамъ почти не видѣли уже льду, по крайней мѣрѣ тотъ, который былъ видѣнъ, не причинялъ имъ страху. Они проѣхали мысъ на Западо-$\frac{1}{4}$-Юго-Западъ при столь благопріятномъ Восточномъ и Востоко-Сѣверо-Восточномъ вѣтрѣ, что по ихъ мнѣнію совершили въ сутки не меньше осьмнадцати миль.

20 го въ девять часовъ утра проѣхали Черной мысъ (Cap Noir), а ввечеру въ шесть часовъ увидѣли Адмиральтейской островъ, который проплыли ночью. Проѣжжая довольно близко отъ острова, увидѣли около 200 моржей, и для помѣхи стали ихъ пужать, но скоро раскаялись въ своемъ неразумiи. Разъяренная толпа сихъ животныхъ, коихъ сила чрезвычайна, пустились плыть противъ судовъ, какъ будто въ намѣренiи отмстить за себя, и подняли такой ужасной ревъ, что Голландцы почитали уже себя погибшими. Спасенiемъ своимъ обязаны стали благопрiятному вѣтру.

21 го проплыли мысы Планчiо и Ланженъ. 22 го находясь близь мыса Кантъ, сходили много разъ на берегъ искать яицъ и птицъ. Гнѣздъ было множество, но на самыхъ утесистыхъ мѣстахъ; птицы не пугались увидя людей, и большая часть изъ нихъ пойманы руками. Въ каждомъ гнѣздѣ было не больше одного яица, которое лежало на голой землѣ на скалѣ, ничѣмъ не покрытое, безъ всякаго мху, безъ всякихъ перьевъ для ихъ согрѣтiя: чудное зрѣлище для Голландцевъ, которые не могли понять, какъ можно

высидѣть эти яйцы и произвесть птенцовъ при такой великой стужѣ.

Лишь только пустились они плыть далѣе, какъ поднялся вѣтръ со всѣмъ противной. Сверхъ того море стало опять покрыто льдинами, такъ что они плывши съ несноснымъ трудомъ, принуждены были возвратиться къ землѣ, щастливо вышли въ одну способную губу, гдѣ были прикрыты почти отъ всѣхъ вѣтровъ. Они сошли на берегъ, и нашли тамъ довольно лѣсу, развели огонь, и сварили яйцы и птицъ. Густой туманъ и Сѣверный вѣтръ задержалъ ихъ въ семъ мѣстѣ цѣлые три дня, въ которое время зашедши далѣ въ островъ, они нашли небольшіе камушки чистаго золота на 73 градусѣ 10 минутахъ. Но сохраненіе ихъ жизни было для нихъ дороже самаго драгоцѣннаго металла, и для того они не пропустили ни одной минуты, и какъ скоро ледъ тронулся, вышли изъ губы 26 го числа, и приплыли 27 го въ шесть часовъ вечера къ одному мѣсту, гдѣ было быстрое теченіе моря. Они думали, что находятся близь Костингсарта, и въ сихъ мысляхъ укрѣпляло ихъ болѣе то, что примѣтили большой заливъ, которой по ихъ догадкѣ простирался даже до

моря Татарскаго. Въ полночь думали они, что проплыли мысъ Крестовой, а вскорѣ потомъ прошли каналъ между однимъ островомъ и твердою землею. 28 го плывши вдоль берега, узнали въ три часа послѣ полудня заливъ св. Лаврентія и мысъ Бастіонъ; не успѣли проѣхать конецъ сего послѣдняго, какъ увидѣли двѣ барки, стоявшія на якорѣ и много людей на пескѣ.

Какое восхищеніе найти опять людей, которыхъ не имѣли удовольствія видѣть цѣлые тринадцать мѣсяцовъ! Но радость ихъ уменшилась, когда они вздумали, что сіи люди, коихъ было не меньше тридцати, можетъ быть были дикіе или непріятели ихъ націи. Они немедля къ нимъ приближились: это были Россіяне, которые подошли къ нимъ безъ оружія, и примѣтя ихъ бѣдственное состояніе съ перваго взгляду, смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ и жалостію. Вскорѣ они узнали нѣкоторыхъ Голландцевъ, коихъ имъ случалось видѣть въ прежнее путешествіе. Нѣкоторые изъ нихъ подошли къ Гирарду ле Фееру и еще къ другому матросу, и трепали ихъ по плечу, давая тѣмъ знать, что они ихъ прежде видали: и въ самомъ дѣлѣ только сіи двое путешествовали

уже въ другой разъ. Русскiе спрашивали ихъ, гдѣ ихъ *корабль*; по крайней мѣрѣ Голландцы такъ догадывались, и не имѣя переводчика давали имъ разумѣть знаками, что они лишились на морѣ среди льдовъ прекраснаго корабля, такого же, каковъ былъ и тотъ, которой прежде ихъ удивлялъ. Гемскеркъ страдая скорбутомъ, равно какъ и большая часть экипажу, и надѣясь, что Русскiе объявятъ имъ средство противъ сей болѣзни, показалъ имъ нутрь рта; но они его непоняли думая, что онъ терпитъ голодъ; тотчасъ двое или трое изъ нихъ удалились, и скоро опять пришли, принесли большой хлѣбъ вѣсомъ около осьми фунтовъ, и нѣсколько копченыхъ птицъ. Гемскеркъ благодарилъ ихъ, и взаимно подарилъ имъ полдюжины сухарей. Онъ пригласилъ двоихъ изъ нихъ главныхъ, войти къ нему въ ботъ, гдѣ поднесъ каждому по рюмкѣ вина. Подобныя учтивства продолжались во весь остальной день; но 29 го числа поутру Россiяне стали приготовляться къ отъѣзду, и перенесли на свою барку нѣсколько бочекъ китоваго жиру. Такой поспѣшной отъѣздъ возмутилъ Голландцевъ, ибо они не могли распросить ихъ ни о чемъ, и

для того рѣшились слѣдовать за ними; но къ нещастію день былъ весьма пасмуренъ, и они скоро потеряли ихъ изъ виду. Сіе печальное обстоятельство не препятствовало имъ продолжать путь. Они вошли въ одинъ каналъ между двумя островами, и проплыли его очень удобно; но скоро захвачены были льдомъ и лишились всей надежды изъ него выбраться: изъ чего заключили, что находятся при входѣ въ Вайгацкой заливъ, и что Сѣверо-Западной вѣтеръ нагналъ туда льду. 10 не оставалось инаго средства, какъ возвратиться къ двумъ островамъ. 31 го они пристали къ одному изъ нихъ, гдѣ увидя два креста получили надежду найти тамъ и людей: но островъ былъ пустой. Однако они не раскаявались въ своемъ трудѣ, ибо нашли тамъ множество ложечной травы, которая весьма цѣлебна въ скорбутѣ, и которой они давно искали. Цѣлыми горстьми стали ее ѣсть, и дѣйствіе было такъ скоро и удивительно, что въ два дня всѣ совершенно излѣчились отъ сей несносной болѣзни.

3 го Августа рѣшились плыть прямо въ Россію, и въ семъ намѣреніи, надѣясь вдругъ окончить всѣ свои не-

щастія, пустились на Юго-Западъ; но плывши симъ путемъ до шести часовъ утра, опять стали окружены льдомъ: новое нещастіе бѣднымъ странникамъ, которые того совсѣмъ не надѣялись, и для того самаго приняли послѣднее свое намѣреніе. Нѣсколько часовъ продолжалось безвѣтріе; Голландцы боялись, чтобъ льдины ихъ совершенно не окружили, и для того принялись за страшную работу, плыть съ помощію веселъ. Въ три часа послѣ полудня достигли открытаго моря, и плыли щастливо до девяти часовъ вечера. Потомъ опять наперли льдины, и тогда единственная ихъ защита былъ Богъ. У нихъ не было ничего, кромѣ малаго количества сухарей. Въ горестной крайности умереть отъ голода и жажды, или превозмочь всѣ препятствія, рѣшились они продолжать трудное свое плаваніе съ помощію веселъ и парусовъ. Странная перемѣна! Чѣмъ дальше подавались въ льдины, тѣмъ легче имъ было плыть.

Наконецъ достигли опять открытаго моря, и 4 го числа въ полдень увидѣли берегъ, и почли его тѣмъ самимъ, котораго они искали. Ввечеру, плывши вдоль берега, нашли бар-

ку, и закричали: Кандноесъ, Кандноесъ! Но съ барки отвѣтствовано было: Печора! Печора! Изъ чего они поняли, что находятся не такъ близко отъ Кандноеса, какъ воображали, и что сїя земля была Печора. Ошибка ихъ произошла отъ компаса, ибо стрѣлка обманула ихъ цѣлыми двумя ромбами. Узнавши сїе, они приняли намѣренїе дожидаться разсвѣту на якоряхъ.

5 го числа одинъ матросъ сошедши на берегъ нашелъ тамъ траву и нѣсколько кустарнику; онъ побудилъ и другихъ пристать туда и сойти на землю съ ружьями. Убили много птицъ, и это весьма помогло имъ въ нуждѣ, ибо они въ крайности находясь хотѣли уже оставить оба судна и итти на землю искать пищи. 6 го числа противной вѣтеръ мѣшалъ имъ плыть далѣе. 7 го вышли изъ залива но все еще боролись съ тѣмъ же вѣтромъ. 8 го и 9 го были также нещастны. Между тѣмъ голодъ становился несносенъ. Нѣкоторые матросы, посланные на землю, открыли проливъ между Кандноесомъ и твердою землею Россїи; изъ чего заключили, что по сему самому каналу поплыли Россїяне.

На возвратномъ пути нашли они тюленя, давно уже издохшаго и вонявшаго отъ сгнїенїя; они потащили его къ судамъ, чтобы утолить свой голодъ; но всѣ прочїе тому воспротивились, говоря, что такая вредная пища пагубнѣе самаго голода, и что находясь такъ близко отъ извѣстной имъ земли, могутъ надѣяться скорой помощи. Въ слѣдующїй день проѣхали они довольно много впередъ при попутномъ Южномъ вѣтрѣ, и на берегу нашли воду. Проливной дождь съ громомъ и молнїею умножилъ ихъ бѣдствїе, но по крайней мѣрѣ подавалъ надежду къ тихой хорошей погодѣ.

12 го числа въ 6 часовъ утра, всѣ ободрились увидя Русскую барку, которая плыла къ нимъ на всѣхъ парусахъ. Отъ находившихся на ней людей мало получили объясненїя о пути, какого имъ держаться должно; но Гемскеркъ за нѣсколько Голландскихъ монетъ получилъ отъ нихъ нѣкоторой родъ лепешекъ и 102 рыбы. Около полудня они разстались; Голландцы весьма были ради доставши сїе малое количество пищи, ибо уже съ давняго времени порцїя каждаго состояла изъ 4 унцїй хлѣба на день. Рыбы раздѣлены между всѣми по равну безъ различїя.

13 го въ три часа по полудни увидѣли мысъ, простиравшійся къ Югу, и больше не сомнѣвались, что это былъ мысъ Кандноесскій, откуда надѣялись переплыть Бѣлое море. Оба судна, соединившись вмѣстѣ, плыли такимъ образомъ съ начала весьма щастливо. Но около полуночи имѣли нещастіе быть разлучены бурею, поднявшеюся съ Сѣвера.

Тщетно экипажъ на ботѣ, гдѣ было больше здоровыхъ людей, старался въ слѣдующій день отыскать шлюпку: страшная вьюга, поднявшаяся прежде полудня, лишила его всей надежды; и 15 го числа благопріятной вѣтеръ пригналъ ботъ къ Кандноесу. Приближась къ землѣ, ле Фееръ, командовавшій ботомъ, увидѣлъ шесть Русскихъ барокъ, стоявшихъ спокойно на якорѣ. Онъ спросилъ у нихъ, далеко ли они находятся отъ Килдуина; Русскіе довольно его поняли, и взаимно дали знать, что онъ находится еще на восточной сторонѣ Кандноеса. Они протянули руки, и давали разными знаками разумѣть, что ему надобно еще переплыть Бѣлое море, и что сіе плаваніе опасно на такомъ маломъ суднѣ. Ле Фееръ сперва почти не могъ тому вѣрить; но скоро престалъ сомнѣ-

ваться, когда они и на поданной ландкартѣ показывали то же самое. Голландцы дали имъ знать, что у нихъ нѣтъ пищи, и получили хлѣбъ, которой хотя былъ очень сухъ, однако они съѣли его съ жадностїю.

Ле Фееръ поплылъ далѣе, досадуя, что онъ меньше проѣхалъ, нежели думалъ, и не зналъ, что случилось съ шлюпкой. Ввечеру, находясь близь нѣкотораго большаго мыса, онъ почелъ его Кандноесскимъ, и сталъ на якорѣ. 17 го увидѣлъ Русскую барку и поплылъ къ ней. Русскїе дали ему хлѣбъ, хотя онъ и не просилъ. Они старались дать ему знать, что видѣли его товарищей, числомъ семерыхъ, и имъ продали хлѣба, мяса и рыбы. Они поднимали семь пальцовъ и притомъ указывали на ботъ, давая разумѣть, что то малое судно, которое они видѣли, было похоже на ботъ. Но Голландцы едва поняли бы ихъ, естьлибъ не увидѣли у нихъ маленькаго компасу, которой они получили отъ экипажу, находившагося въ шлюпкѣ, вѣроятно въ замѣнъ за съѣстные припасы. Ле Фееръ распросилъ ихъ, въ которой сторонѣ оставили видѣнную шлюпку, и узнавши, немедленно поплылъ туда. Но послѣ долгаго тщетнаго

искания ввечеру возвратился опять къ берегу, гдѣ нашелъ прѣсную воду и много ложечной травы.

18 го плывши вдоль берегу даже до полудня, онъ увидѣлъ большой мысъ и на немъ множество крестовъ. Сіи примѣты и разныя другія, найденныя имъ на картѣ, увѣрили его наконецъ, что это мысъ Кандноесъ, находящійся при входѣ въ Бѣлое море, котораго онъ такъ долго искалъ. Въ самомъ дѣлѣ его легко узнать можно какъ по пяти крестамъ, издревле тамъ водруженнымъ, такъ и по виду его огромности, ибо онъ простирается съ обѣихъ сторонъ, на Юго-Востокъ и Юго-Западъ. Между тѣмъ какъ они готовились плыть на Западъ Бѣлаго моря къ Лапландскому берегу, примѣтили, что нѣсколько воды вытекло изъ бочекъ; хотя же имъ должно было плыть около 40 миль, и во все это плаваніе мало надѣялись они найти прѣсной воды, однако не хотѣли пропустить благопріятнаго вѣтра, и положась на помощь Божію, подняли парусы въ десять часовъ вечера. 20 го почти въ пять часовъ утра, т. е. послѣ плаванія, 30 часовъ продолжавшагося, увидѣли землю на Западѣ Бѣлаго моря; по шуму волнъ заклю-

чалъ ле Фееръ, что они отъ него не далеко. Трудно было приближиться къ берегу, и для того онъ направилъ путь между двумя скалами, откуда въѣхалъ въ хорошую рейду и нашелъ тамъ большую барку на якорѣ и нѣсколько домовъ на берегу. Тамъ жили тринадцать человѣкъ Русскихъ съ тремя женщинами и двумя Лопарями; они приняли Голландцевъ весьма учтиво, и потчивали ихъ рыбою и саламатою, которая варится изъ воды и муки, и служитъ вмѣсто хлѣба въ сей дикой странѣ.

Въ тотъ же день нѣсколько Голландцевъ пошли далѣе внутрь земли, искать ложечной травы, и во время исканія увидѣли двухъ человѣкъ на горѣ; изъ чего заключили, что эта земля болѣе населена, нежели какъ имъ сперва показалось. Они возвратились назадъ къ боту, не простирая далѣе своего любопытства; но тѣ два человѣка, какъ послѣ узнано, были изъ экипажу, находившагося въ шлюпкѣ, и они искали мѣста обитаемаго, гдѣ достать себѣ пищи. Они также не узнали своихъ товарищей, но сошедши съ горы и приближившись къ жилью, вдругъ узнали ботъ. Мы не станемъ описывать ихъ взаимнаго восхищенія

при семъ свиданіи. Шлюпка много претерпѣла: она присоединилась къ боту 22 го числа, и оба экипажа благословляли Небо, чудеснымъ образомъ ихъ соединившее. Они купили у Русскихъ разные съѣстные припасы, и щедро за то заплатили; но не разумѣя ихъ языка, мало получили объясненія о пути, какого имъ держаться должно.

Оба суда пустились въ море 23 го числа, а 24 го въ шесть часовъ утра приплыли къ семи островамъ, гдѣ нашли много рыбаковъ. Голландцы спрашивали у нихъ, далеко ли до Килдина или Комы. Русскіе рыбаки показали имъ на Востокъ, какъ-то думалъ и Гемскеркъ. Ввечеру встрѣтились съ другими рыбаками, которые разными знаками, и примѣшивая при томъ слова Кола и Брабантъ, давали знать, что въ Колѣ есть Голландскіе корабли. Сіи рыбаки бросили имъ треску рыбу, за которую Голландцы не могли заплатить, ибо въ то самое время вѣтеръ унесъ ихъ съ великою силою. Удивляясь такому благородному поступку, они благодарили Русскимъ разными жестами.

На другой день около полудня увидѣли Килдуинъ, а черезъ два часа достигли благополучно западнаго краю

сего острова. Гемскеркъ тотчасъ сошелъ на землю и нашелъ тамъ пять или шесть маленькихъ хижинъ, обитаемыхъ Лопарями, которые не только удостовѣрили его, что островъ называется Килдинъ, но еще объявили, что въ гавань Колу прибыли три Голландскiе корабля, изъ коихъ два готовятся къ отъѣзду. По сему извѣстiю оба суда немедленно пустились въ море, которое находится къ Югу отъ Килдина на Сѣверномъ краю твердой земли. Во время ихъ плаванiя сильной вѣтеръ принудилъ ихъ зайти за двѣ скалы и плыть къ берегу. Трое Лапонцевъ, жившихъ тамъ въ бѣдной хижинѣ, подтвердили имъ то же, что имъ объявлено на островѣ. Гемскеркъ предложилъ имъ, чтобъ они провели сухимъ путемъ одного изъ его матросовъ въ Колу, но не могъ склонить ихъ ни чѣмъ на свое желанiе. Однако они провели его самаго вмѣстѣ съ другимъ матросомъ за одну гору, гдѣ другiе Лопари обѣщали быть ихъ проводниками за самую малую плату. Одинъ изъ нихъ вооружился мушкатономъ, и пошелъ на разсвѣтѣ съ Голландскимъ матросомъ, у котораго не было другаго оружiя кромѣ крюка. 26 го оба судна втащены на землю и

разснащены. Гемскеркъ довольно уже испыталъ честность Лопарей и ни мало несомнѣвался, что находясь между ними не будетъ терпѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. У нихъ родилась такъ скоро дружба, что въ первые же дни стали ѣсть и грѣться вмѣстѣ. Голландцы пили у нихъ квасъ, Русской напитокъ, которой дѣлается изъ воды и солоду, и онъ имъ весьма понравился, а особливо послѣ снѣжной воды, которая была единственнымъ ихъ питьемъ съ давняго уже времени. Тѣ, кои страдали скорбутомъ, нашли въ сей землѣ нѣкоторой родъ ягодъ, и ими совершенно вылѣчились.

29 го возвратился тотъ Лопарь, котораго послали въ Колу; но какъ съ нимъ не было ихъ товарища, то всѣ пришли въ великое безпокойство о его судьбѣ. Тщетно допрашивали они своего провожатаго; онъ не отвѣчалъ имъ ни слова, а только требовалъ отдать принесенное имъ письмо самому начальнику. Надпись была къ Гемскерку; онъ спѣшилъ его развернуть: оно было писано на Голландскомъ языкѣ. Писавшій изъявлялъ въономъ крайнее свое удивленіе о его возвращеніи; увѣрялъ, что всѣ почи-

тали уже его мертвымъ вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ, и обѣщалъ прiѣхать къ нему на баркѣ, снабдѣнной всѣми нужными потребами, и взять съ собою какъ его, такъ и весь экипажъ. Письмо было подписано такъ: Iоаннъ Корнеличь Рипъ. Сiе извѣстiе произвело во всѣхъ крайнюю радость; но Гемскеркъ, ле Фееръ и всѣ другiе не могли понять, кто былъ тотъ Корнеличь, отъ котораго получено письмо. Они не могли надѣяться, чтобъ это былъ тотъ самой Корнеличь, которой прошлаго году оставилъ ихъ и поѣхалъ искать другой дороги на своемъ кораблѣ; воображая, что онъ еще больше ихъ претерпѣлъ, почитали уже его погибшимъ. Впрочемъ онъ ни однимъ словомъ не упоминалъ имъ о прежнемъ своемъ товарищеcтвѣ. Наконецъ Гемскеркъ нашелъ письмо, которое онъ прежде получилъ отъ Iоанна Корнелича Рипа; почеркъ былъ одинакой: всѣ перестали сомнѣваться и взаимно поздравляли себя съ окончанiемъ всѣхъ своихъ бѣдствiй. Проводникъ получилъ обѣщанную плату и сверхъ того подарили ему платье, чулки и другую одежду, и въ одну минуту онъ сталъ одѣтъ по Голландски.

Ввечеру на другой день увидѣли барку, какая у Лопарей обыкновенно называется Іолью, и на ней примѣтили Корнелича и того матроса, которой былъ къ нему посланъ. Они привезли съ собою Ростокскаго пива, вина, водки, разныхъ мясъ, свинаго сала, лососи, сахару и прочаго, что послужило къ удовольствію и укрѣпленію изнуренныхъ Голландцевъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій всѣ собрались къ большому пиршеству, къ которому приглашены были и Лопари изъ сосѣднихъ шалашей; радость и изобиліе на ономъ царствовали. Потомъ оба суда спущены на воду, и всѣ поѣхали къ Колѣ. Перваго Сентября, въ шесть часовъ утра, они прибыли къ рѣкѣ, и плыли по ней вверхъ съ помощію веселъ и парусовъ. На другой день, часовъ въ семь вечера, въѣхали въ городъ, гдѣ снова начались взаимные восторги между экипажами Гемскерка и Корнелича.

Гемскеркъ получилъ позволеніе отъ Россійскаго градоначальника, бывшаго тогда въ Колѣ, перенести оба его судна въ Россійской магазинъ, и посвятить ихъ потомству памятникомъ чудеснаго странствованія, какому подобнаго едва ли можно найти въ лѣто-

писяхъ человѣчества. Наконецъ всѣ Голландцы сѣли на корабль Іоанна Корнелича, и поѣхали 18 го числа въ обратной путь въ свое отечество. Ихъ плаванїе было благополучно. 29 го Октября они вошли въ рѣку Маасъ, а перваго Ноября отправились въ Амстердамъ, въ той же самой одеждѣ, какую носили въ Новой Землѣ, и въ тѣхъ же шапкахъ, подложенныхъ лисьимъ мѣхомъ.

Прибытїе ихъ привело всѣхъ въ удивленїе; ихъ почитали уже мертвыми: всякой хотѣлъ ихъ видѣть, всякой удивлялся не только чудеснымъ ихъ приключенїямъ, но также ихъ неустрашимости и терпѣнїю. Датской посланникъ при Генеральныхъ Штатахъ желалъ ихъ видѣть въ томъ нарядѣ, какой они носили находясь въ Новой Землѣ, и навѣдывался отъ нихъ самихъ о нѣкоторыхъ подробныхъ принадлежностяхъ сей страны (*). Тѣ, кои имѣли жилища въ Амстердамѣ, остались въ нихъ, а для другихъ нанятъ особой домъ, и они содержаны были на казенномъ иждивенiи до тѣхъ поръ,

---

(*) Описанїе Новой Земли находится послѣ описанїя Кораблекрушенїя Фрегата Англинскаго, Спидъ - Уелта, въ 1676. году.

пока опредѣлена была заслуженная ими награда, которую они скоро и получили. Ихъ было числомъ 12 человѣкъ. Сочинитель Журнала предалъ потомству ихъ имена, что послужитъ достойною наградою ихъ бодрости, вотъ они: *Яковъ Гемскеркъ*, Капитанъ; *Петръ Петерсонъ Фосъ, Жирардъ ле Фееръ*, *Іоаннъ Фосъ*, Лѣкарь; *Яковъ Янсонъ Штеренбургъ*, *Леонардъ Генри*, *Лаврентій Вильгельмъ*, *Іоаннъ Гиллебрантсонъ*, *Іансонъ Гохвутъ*, *Петръ Корнелій*, *Іоаннъ Бюиссонъ* и *Яковъ Эвертсонъ*.

Впрочемъ сіе нещастное путешествіе устрашило не меньше купцовъ, какъ и Штатовъ Голландскихъ, и потому намѣреніе, открыть проѣздъ чрезъ Сѣверо-Востокъ, было совершенно оставлено; равно и Англичане почти въ то же время послѣ третьей неудачной поѣздки Дависа, отказались отъ предпріятія, найти проѣздъ чрезъ Сѣверо-Западъ.

Повѣствованіе о такихъ опасностяхъ и трудностяхъ, коимъ подвержены были путешественники въ сей поѣздкѣ, безъ сомнѣнія возбудитъ любопытство читателя: онъ конечно спроситъ самъ себя, какая особая и важная выгода заставила Голландцовъ предпринять столь многотрудное пу-

тешествіе. Мы постараемся удовольствовать его любопытство нѣкоторыми краткими объясненіями.

Открытіе новаго проѣзда чрезъ Сѣверъ было по многимъ причинамъ весьма важно и нужно въ тѣ времена для Англичанъ и Голландцовъ, а особливо для послѣднихъ. Выгода купеческихъ націй требовала, чтобы найти, естьли можно, ближайшій и удобнѣйшій путь въ Индію, Китай и Японію, нежели тотъ, который извѣстенъ и до нынѣ единственный, а именно, около всей Африки и такъ далѣе. Неудобства сего послѣдняго весьма очевидны, а именно: чрезвычайная дальность: ибо такой путь можно окончить не меньше какъ въ девять или десять мѣсяцовъ, вмѣсто того что путь чрезъ Сѣверъ, естьли бы онъ открытъ былъ, можно бы было совершить въ шесть недѣль, или много въ два мѣсяца. Далѣе: нестерпимой зной на Экваторѣ, опасности у мыса Доброй Надежды или мыса Мучительнаго, страшныя бури на моряхъ Индѣйскомъ и Японскомъ: всѣ сіи и многія другія неудобства давно возродили желаніе въ Англичанахъ и Голландцахъ, предпринять открытіе новаго пути, гораздо удобнѣйшаго, бли-

жайшаго и меньшимъ опасностямъ подверженнаго. Но Голландцы, какъ уже сказано, имѣли кромѣ сихъ общихъ причинъ, еще другія особенныя, которыя побуждали ихъ всѣми силами, стараться открыть сей новой путь. Въ то время Голландія едва только получила видъ Республики и составило тѣло, изъ Соединенныхъ Провинцій состоящее: враговъ имѣла много сильныхъ и мстительныхъ, и должна была защищать противъ нихъ свою вольность. Ея возраждавшаяся коммерція ограничивалась тогда морями Европейскими; но и тутъ Испанцы и Португальцы всемѣрно старались ее разрушить. Сіи послѣдніе, имѣвшіе тогда одни въ своихъ рукахъ торговлю обѣихъ Индій, повсюду ловили корабли купцовъ Голландскихъ, и подъ разными подлогами предавали ихъ страшному суду Инквизиціи. Еще Голландцы не основались тогда въ Батавіи (3) и на мысѣ Доброй Надежды (4). И такъ неудивительно, что въ тогдашнемъ ихъ положеніи они старались избѣгнуть встрѣчи съ враждебными имъ сильными флотами. Для сего-то они приняли намѣреніе, искать новаго пути на Востокъ чрезъ Сѣверъ. Но какъ ихъ многократные опыты б-

ли безуспѣшны, и притомъ когда ихъ флоты, посланные въ то время въ Индїю обыкновенною дорогою, благополучно возвратились, то наконецъ рѣшились они оставить свое прежнее предпрїятїе.

Послѣ уже Англичане пытались нѣсколько разъ проѣхать чрезъ Сѣверо-Западъ, и даже чрезъ Сѣверо-Востокъ къ Восточнымъ Индїямъ. Россїяне начали также дѣлать покушенїе въ 1725 году въ томъ же намѣренїи. Мы будемъ имѣть случай говорить въ иномъ мѣстѣ и о тѣхъ и о другихъ.

Примѣчанїя.

1) *Парелїя*, Parhelie, (*παρα*, близъ, *ἥλιος* солнце) *побочное солнце.* Сїе воздушное явленїе есть ложное солнце, отмѣнно блестящаго виду; оно раждается отъ преломленїя солнечныхъ лучей на облакѣ, противустоящемъ въ извѣстномъ положенїи. Часто бываетъ много таковыхъ парелїй, и тогда видны многїя солнца въ одно время. То же самое бываетъ и при лунѣ, и Физики называютъ сїе *Параселене* или побочная луна (*παρα*, *σελήνη* луна.) Парелїи бываютъ обыкновенно окружены свѣтлыми кругами, подобными

радугѣ. Но иногда бываютъ они и безъ круговъ, равно какъ и круги безъ парелій. Славный Астрономъ Кассини описалъ сіе явленіе въ Memoires de l'Academie des Sciences; онъ присоединилъ тамъ же и ученыя замѣчанія о таковыхъ явленіяхъ. *См. томъ 1693 года, стр. 167.*

2) *Бѣлой медвѣдь.* Сила и смѣлость бѣлыхъ медвѣдей, живущихъ въ сѣверныхъ странахъ, показались бы невѣроятны, естьлибъ страшныя дѣйствія, ими производимыя, не подтверждались всѣми бывшими на сѣверѣ мореплавателями; приведемъ здѣсь одно сообщенное Герардомъ ле Фееромъ, въ журналѣ втораго Баренцова по Сѣверо-Востоку путешествія. Оно болѣе и болѣе познакомитъ читателей съ сими лютыми животными, въ продолженіи сей книги упоминаемыми. Мы соблюдемъ точныя слова путешественника.

„6 го Сентября 1595, говоритъ Герардъ ле Фееръ, нѣкоторые матросы возвратились на Островъ Штатовъ, чтобъ искать кристальныхъ камней, которыхъ нѣсколько они уже и собрали. Во время сего двое изъ этихъ матросовъ легли одинъ подлѣ другаго; бѣлой медвѣдь тихонько подошелъ къ нимъ и схватилъ одного за затылокъ. Мат-

росъ не опасаясь ничего, вскричалъ: кто это трогаетъ меня сзади? Товарищь, поворотя голову, сказалъ: ахъ братъ, это медвѣдь! и немедленно вставши убѣжалъ. Медвѣдь во многихъ мѣстахъ прогрызъ сему нещастному голову, и раздробивъ ее началъ лизать кровь. Прочїе матросы, бывшїе на землѣ, числомъ 20, тотчасъ прибѣжали съ ружьями и пиками. Медвѣдь ѣлъ еще тѣло, но увидя ихъ, побѣжалъ на нихъ съ неимовѣрною яростїю, бросился на одного, схватилъ и растерзалъ въ минуту на части. Страхъ и ужасъ, объявшїй всѣхъ, принудилъ ихъ бѣжать.

Остававшїеся на бортѣ видя ихъ бѣгущихъ къ морю, бросились въ лодки для перенятїя ихъ. Прибывши къ берегу и узнавши о семъ странномъ приключенїи, они стали ободрять прочихъ, чтобъ возвратиться съ ними назадъ и напасть всѣмъ вдругъ на сего яростнаго звѣря; но многїе не могли на сїе рѣшиться, говоря: „товарищи наши „умерли; уже не льзя возвратить имъ „жизни. Естьлибъ еще можно было „этого надѣяться, мы бы пошли съ „такимъ же жаромъ, какъ и вы; но что „намъ въ такой побѣдѣ, которая не

„принесетъ ни чести, ни пользы, и „для которой должно подвергнуться „ужасной опасности.“ Не смотря на сїе, трое изъ нихъ пошли, между тѣмъ какъ медвѣдь не переставалъ ѣсть своей добычи, ни мало не забошясь, что подлѣ него тридцать человѣкъ вмѣстѣ. Трое сїи были *Корнелисъ Якобсъ* кормчїй, *Гансъ фанъ Уффелинъ*, Баренцова корабля писарь, и *Вильгельмъ Гизенъ* Яхтской кормчїй. Оба матросы выстрѣлили не попавъ въ медвѣдя; писарь подошелъ нѣсколько поближе и выстрѣломъ попалъ ему въ голову подлѣ глаза. Но получивши даже рану, не оставилъ добычи своей и держа трупъ за шею, онъ имѣлъ еще силу приподнять его. Однакожъ началъ уже шататься; писарь съ однимъ Шотландцомъ пошелъ на него прямо; дали ему нѣсколько ударовъ саблею и ранили во многихъ мѣстахъ, не могши принудить его оставить добычу. Наконецъ Гизенъ такъ сильно ударилъ его въ рыло прикладомъ, что онъ упалъ на бокъ. Писарь вскочилъ на него и перерѣзалъ горло. Оба полусъѣденные матросы похоронены были на островѣ, а медвѣжья кожа привезена Амстердамской Компанїи.

3) *Батавія*, городъ пространной, прекрасной и весьма хорошо укрѣпленной, на островѣ Явѣ. Голландцы построили его въ 1619, вмѣсто города Гакатры, ими раззореннаго. Сей городъ служитъ центромъ ихъ коммерціи въ Восточной Индіи и мѣстопребываніемъ верховнаго Совѣта, правящаго всѣми владѣніями Голландцевъ въ Азіи. Генералъ Компаніи предсѣдаетъ въ семъ Совѣтѣ Онъ имѣетъ свой дворъ не меньше Величайшаго Монарха. Батавія возрастала мало по малу, и наконецъ въ 1650 году сдѣлалась уже прекраснѣйшимъ городомъ въ свѣтѣ. Онъ имѣетъ весьма хорошую гавань, и крѣпость его почитается непобѣдимою Жителей въ немъ щитается 150,000 душъ, изъ коихъ 10,000 Европейцовъ. Съѣстные припасы отмѣнно дороги. Голландцы имѣютъ въ своемъ владѣніи довольно обширную часть острова Явы.

4) *Мысъ Доброй Надежды*, важное мѣсто для Голландцевъ на Южномъ краю Африки. Они начали основываться тамъ въ 1650 году, но не прежде, какъ 1680 построили каменную крѣпость, защищаемую болѣе шестидесятью пушками. Всѣ корабли, идущіе въ Индію или оттуда возвращаю-

щїеся, останавливаются при семъ мысѣ, и запасаются тамъ съѣстными припасами и другими потребностями; а корабли иностранные платятъ тамъ положенную пошлину останавливаясь въ гаванѣ. Голландцы имѣютъ въ семъ мѣстѣ арсеналы, снабденные всѣмъ нужнымъ для мореплаванїя и для защиты. Городъ стоитъ недалеко отъ крѣпости: онъ населенъ отчасти Французскими Эмигрантами, которые туда удалились. Сїя страна въ нынѣшнїя времена находится въ самомъ цвѣтущемъ состоянїи, какъ по плодородїю земли, такъ и по трудолюбїю Колонистовъ. Тамъ растетъ прекрасный виноградъ, и дѣлается весьма вкусное вино, называемое въ Европѣ виномъ Мысовскимъ или Констанскимъ. Голландцы распространили свое владѣнїе во внутренности той земли болѣе нежели на 50 миль. Они живутъ въ мирѣ съ Готтентотами, природными тамошними жителями.

II.

ПРЕБЫВАНІЕ

Восьми Английскихъ матросовъ, оставленныхъ на берегу Гренландіи, въ 1630 году.

Въ 1630 году Английская компанія купца Рюсси, отправила три корабля къ берегамъ Гренландіи для ловли китовъ и морскихъ быковъ Одинъ изъ сихъ кораблей, по имени *ла Салютасіонъ*, при благопріятномъ вѣтрѣ прибылъ благополучно къ мѣсту своего назначенія, занимался ловлею нѣсколько дней, и послѣ послалъ на берегъ восемь человѣкъ на шлюпкѣ для охоты. Имъ дали двухъ собакъ, одно ружье, двѣ пики и огниво. Корабль находился въ то время за четыре мили отъ мыса Чернаго, и за пять миль отъ мѣста, называемаго Англичанами Maiden Pap, получившаго свое имя отъ множества прекрасныхъ дикихъ козъ, тамъ водящихся.

15 го Іюня день былъ весьма ясной, и шлюпка въ четыре часа времени достигла берегу. Люди сошли на землю, и въ тотъ день убили че-

тырнадцать дикихъ козъ; а какъ они весьма утомились и отъ охоты и отъ гребли, то рѣшились отдохнуть, и поѣсть того, что съ собой привезли; но какъ и ночь уже приближалась, то вознамѣрились тамъ переночевать, думая, что во тмѣ опасно ѣхать къ кораблю, и что легко могутъ они погибнуть.

На другой день поутру погода была весьма пасмурная, поднялся сильной вѣтръ съ Юга, и нанесъ множество льду между кораблемъ и землею: почему корабль принужденъ былъ отойти далѣе въ открытое море, такъ что и шлюпку потерялъ изъ виду. Сїе приключенїе привело нашихъ оставленныхъ охотниковъ въ немалое безпокойство. Они за лучшее почли плыть вдоль берега даже до Портъ-Верда, гдѣ одинъ изъ прочихъ кораблей стоялъ на якорѣ, и намѣрены были тамъ ожидать извѣстїя о своемъ кораблѣ, ибо думали, что онъ захваченъ льдомъ.

Производя въ дѣйство свое намѣренїе, они плыли вдоль берега, еще убили 8 козъ, которыхъ и положили къ себѣ въ шлюпку; но 17 го числа приплывши въ Портъ-Вердъ, увидѣли съ крайнимъ ужасомъ, что корабль

уже уѣхалъ. Сіе непредвидѣнное нещастіе тѣмъ больше ихъ поразило, что у нихъ не было довольно провизіи, дабы возвратиться на прежнее мѣсто. Однако имъ надобно было скоро рѣшиться, ибо оставалось только три дни сроку, послѣ котораго корабли должны отправиться въ возвратной путь къ Англіи. И такъ зная, что медленность имъ наиболѣе пагубна, рѣшились они какъ можно скорѣе плыть въ Беллъ-Зоундъ, гдѣ назначено было сбираться всѣмъ кораблямъ. А чтобы облегчить шлюпку, и сдѣлать ее легче на ходу, бросили въ море всю свою добычу. Отъ Портъ-Верда до Беллъ-Зоунда щитали они 16 миль разстоянія, и въ тотъ же вечеръ достигли Несскаго мыса, которой почитали половиною дороги. Тамъ принуждены были бросить якорь на мѣстѣ довольно безопасномъ между двумя скалами; ибо сдѣлался такой туманъ, что не льзя было видѣть впередъ себя ни на одинъ шагъ. На другой день погода выяснилась около полудня; они вышли изъ своей станціи, и продолжали грести, однако не находили Беллъ-Зоунда; ибо прошли его покрайней мѣрѣ на десять миль отъ Южнаго берега, къ мѣсту называемому Горнъ-

Зоундъ. Не льзя дивиться сей ихъ ошибкѣ, когда вспомнимъ, что у нихъ не было компасу, и никто изъ нихъ не зналъ хорошо сего мѣста, когда они его проѣжжали.

Послѣ нѣкоторыхъ совѣтываній, узнали они, что проѣхали слишкомъ далеко къ Югу, и не смотря на противное мнѣніе и упорность пушкаря *Вилліама Факели*, поплыли назадъ на Сѣверъ, какъ-то и должно было, и вскорѣ приплыли на двѣ мили разстоянія отъ того мѣста, котораго искали: но Факели, осмотрѣвши его внимательно, сказалъ имъ съ великимъ гнѣвомъ, что они вѣрно обманулись, и что это мѣсто, гдѣ они находились, совсѣмъ не похоже на Беллъ-Зоундъ. Наконецъ ему удалось уговорить всѣхъ, воротиться назадъ къ Югу, что и было причиною всѣхъ нещастій, которыя они послѣ испытали.

Плывши долгое время, увѣрились, что Беллъ-Зоундъ не можетъ быть къ Югу отъ того мѣста, гдѣ они находились, и для того рѣшились опять плыть на Сѣверъ, чѣмъ столько раздражили упрямаго пушкаря, что онъ отказался имъ помогать, и оставилъ первое весло *Эдуарду Пелгаму*.

Попутной вѣтеръ быстро несъ шлюпку, и наши плаватели 21 го числа увидѣли Беллъ-Зоундъ; но тутъ вѣтеръ перемѣнился, и повѣялъ съ Востока-Сѣверо-Востока, почему они принуждены были собрать парусъ и приняться за весла; а приближившись на двѣ мили отъ берегу, остановились, боясь, чтобы вѣтръ ихъ не унесъ.

Тутъ они совершенно увѣрились не только въ томъ, что это мѣсто есть дѣйствительно Беллъ-Зоундъ, но и въ томъ, что это самое то мѣсто, откуда они за нѣсколько дней передъ симъ удалились; самъ Факели принужденъ былъ съ ними согласиться. Тогда стали искать, гдѣ бы имъ безопасно поставить шлюпку, а между тѣмъ два матроса пошли по берегу къ палаткѣ Беллъ-Зоундской, навѣдаться, нѣтъ ли тамъ еще кого нибудь изъ корабельнаго экипажу. Но имъ мало было надежды, ибо вѣтръ для кораблей былъ попутной, и время ихъ тамошняго пребыванія совершенно кончилось. Матросы возвратились, и объявили, что не нашли никого. Это привело всѣхъ почти въ отчаяніе, однако они рѣшились не жалѣть трудовъ, и навѣдаться во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ корабли могли остановиться; и

такъ предприняли ѣхать въ Боттле-Кове, которой находится на три мили разстоянія отъ Беллъ-Зоунда съ другой стороны. Пріѣхали туда 22 го числа, но столько же имѣли успѣху, какъ прежде. И такъ не оставалось уже имъ никакой надежды въ бѣдственномъ ихъ состояніи.

Послѣ горестныхъ совѣтованій о своей судьбѣ, рѣшились наконецъ возложить все упованіе на промыслъ Вышняго, и съ бодростію сносить всѣ бѣдствія имъ грозившія. Положили искать всѣхъ возможныхъ средствъ, дабы защитить себя отъ суровости зимы и прочихъ неудобствъ, коимъ были подвержены, не имѣя ничего нужнаго для жизни. А какъ главная ихъ нужда была, достать довольное количество провизіи, то опредѣлили единодушно возвратиться въ Портъ-Вердъ, и тамъ запастись дикими козами и другими животными, годными для пищи.

25 го Августа, сѣли они въ шлюпку, и при попутномъ вѣтрѣ въ 12 часовъ достигли къ тому мѣсту, куда отправились. Тамъ воткнули свои весла въ землю, и на нихъ накинули парусъ, снявши его съ шлюпки, что служило имъ вмѣсто палатки,

гдѣ и проводили ту ночь. А какъ время было ясное, то они спали очень мало, и весьма рано пошли въ Коль-Паркъ, по совѣту Ѳомы Айреса, которой зналъ, что въ этомъ мѣстѣ водится много дикихъ звѣрей. — Въ тотъ же день убили семь козъ и четырехъ медвѣдей, намѣреваясь сохранить ихъ себѣ на пищу.

Потомъ погода сдѣлалась пасмурна и неспособна для охоты; они возвратились въ Портъ-Вердъ, гдѣ сдѣлали себѣ палатку, какъ и прежде, изъ веселъ и паруса, и спали покойно эту ночь. На другой день погода опять была прекрасная, и наши охотники сѣли въ шлюпку и поѣхали въ Коль-Паркъ на добычу; между тѣмъ *Іоаннъ Давесъ* и *Вилліамъ Факели* остались стеречь палатку, и приготовлять пищу до ихъ возвращенія. Въ короткое время убиты были шесть козъ, съ помощію собакъ; увидѣли и седьмую, которая паслась на холмѣ; но какъ время стало пасмурнѣе, то они не разсудили заходить далѣе и остатокъ дня бѣгали у подошвы горы, гдѣ удалось имъ убить еще шесть козъ. При наступленіи ночи, видя, что поднимается вѣтръ и время сдѣлалось дождливо, они поспѣшно возвратились въ

свою палатку, гдѣ и провели весь слѣдующій день, которой былъ весьма холоденъ, дождливъ и вѣтренъ.

На берегу нашли другую шлюпку, принадлежавшую кораблямъ компаніи, которая обыкновенно оставляетъ ихъ двѣ или три для предбудущаго времени. Они раздѣлили на обѣ шлюпки свою провизію, состоявшую изъ медвѣдей и разныхъ звѣрей, также изъ китоваго мяса, которое въ этотъ годъ было выпоплено. Сами раздѣлились на двѣ партіи, намѣреваясь отправиться въ Беллъ-Зоундъ, гдѣ рѣшились проводить зиму. Наступившая ночь препятствовала имъ ѣхать туда въ тотъ же день; а какъ слѣдующій день было Воскресенье, то они положили не начинать поѣздки, и провести сей праздникъ въ почтительномъ благоговѣніи. Въ понедѣльникъ поутру въ прекрасную погоду отправились въ путь, но не могли кончить больше половины дороги. Во вторникъ доплыли до Боттле-Кова; но какъ поднялся сильной вѣтеръ, то остались тамъ до слѣдующаго дня. Между тѣмъ вѣтеръ усилился и море такъ волновалось, что шлюпки скоро наполнились водою, и ихъ провизія не только вымокла, но даже часть ея

уплыла черезъ бортъ, унесена волнами. И такъ наши мореходцы принуждены были сойти съ шлюбокъ въ воду, и притащили ихъ руками къ берегу, гдѣ и привязали ихъ канатами. Надобно было ихъ тамъ оставить до того времени, пока вѣтеръ сдѣлается благопріятный, и можно будетъ продолжать путь въ Беллъ-Зоундъ. Наконецъ время перемѣнилось, и они достигли туда щастливо 3 го Сентября. Первое ихъ стараніе было, выгрузить провизію и положить въ безопасное мѣсто въ палаткѣ, тамъ находившейся, гдѣ намѣревались провести зиму. Читатель конечно разсудитъ, что эта палатка была совсѣмъ отлична отъ прежней, которую они дѣлали посредствомъ веселъ и паруса. Она похожа была на хижину, какую обыкновенно строятъ Фламандцы, пріѣжжая сюда для ловли. Построена изъ бревенъ, крѣпко сплоченныхъ, и покрыта черепицею; длиною была около 30 ти футовъ, а шириною въ пятьдесятъ. Она обыкновенно служила защитою бочарамъ, когда они дѣлали бочки для китоваго жиру.

Между тѣмъ наступило время весьма холодное и морозъ сильной; нельзя было и думать о томъ, чтобъ

ѣхать еще въ Портъ-Вердъ, ибо легко случиться могло, что море покрылось бы льдомъ, и не возможно бы было возвратиться назадъ водою. А дорога сухимъ путемъ была весьма гориста и неудобна; и такъ имъ нѣчего оставалось дѣлать, какъ итти стрѣлять дикихъ козъ, и употребить всѣ возможныя старанія, сдѣлать свое жилище теплымъ и удобнымъ, сколько то позволяли обстоятельства. И для того вздумали они внутри большой палатки построить еще маленькую, и на сей конецъ разобрали другую хижину, находившуюся вблизи, и служившую для поклажи жиру китоваго. Такимъ образомъ достали они еловыя доски, вереи и перекладины, которыя пригодились имъ для постройки. Также разобрали трубы и печки, и достали кирпичу; а къ щастію нашли еще четыре мѣрки хорошей извести, которую послѣ смѣшали съ приморскимъ пескомъ. И такимъ образомъ сдѣлали ее годною для употребленія.

Между тѣмъ какъ Факели и Пелгамъ строили стѣну, толщиною въ одинъ кирпичь, внутри большой палатки возлѣ внутреннихъ досокъ, другіе занимались также различными работами. Одинъ ломалъ трубу, дру-

гой очищалъ кирпичъ, а третїй носилъ его къ тѣмъ, которые клали стѣну. Изъ троихъ оставшихся одинъ приуготовлялъ известку, другой щекатурилъ стѣну, а послѣднїй очищалъ и приготовлялъ дичь. Кирпичу стало у нихъ только на двѣ стѣны, и такъ принуждены были сдѣлать остальныя двѣ изъ дерева. Они врыли бревна, которыя были четвероугольныя и толщиною въ одинъ футъ, въ пристойномъ одно отъ другаго разстоянїи, прибили доски съ обѣихъ сторонъ, и щели замазали известкой и пескомъ, стараясь сколько можно крѣпче ихъ набить. Такимъ образомъ воздухъ никакъ не могъ проходить, и въ хижинѣ было чрезвычайно тепло.

Сїю внутреннюю хижину покрыли досками, клавши досокъ пять или шесть одну на другую, такъ что не осталось ни малой скважины. Для трубы оставили въ большой палаткѣ отверстїе, которое служило имъ также вмѣсто окна, снявши нѣсколько черепицъ съ кровли, такъ что въ сїе отверстїе проходилъ и свѣтъ и дымъ. Дверь обили войлокомъ, такъ что онъ закрывалъ всѣ щели, когда дверь была затворена.

Потомъ сдѣлали четыре маленькія каюты, чтобы въ каждой могли спать двое; кожи дикихъ козъ служили имъ вмѣсто постѣлей весьма теплыхъ. Для топки печи изрубили семь ветхихъ шлюпокъ, негодившихся къ употребленію, найденныхъ ими на берегу; всѣ сіи дрова положили на чердакъ, что служило также защитою отъ снѣгу, естьли бы случилось, чтобы онъ пробилъ сквозь черепицу.

Между тѣмъ дни становились холоднѣе, а особливо ночи; солнце мало ихъ освѣщало. И такъ они развели большей огонь; а для сбереженія дровъ, когда ложились спать, то собирали уголья и пепелъ на вязовую доску, которая тлилась иногда часовъ шестнадцать, и производила большую теплоту. Такимъ средствомъ сберегли они дровъ на восемь мѣсяцовъ, и однако огонь никогда у нихъ не погасалъ.

12 го Сентября занесено было въ проливъ нѣсколько льдинъ, и на одной изъ нихъ они увидѣли двухъ морскихъ коней спящихъ. Тотчасъ спустили барку на воду, взяли старой крюкъ и веревку, и такъ тихо плыли, что животные не прежде пробудились,

какъ они уже очень близко подъѣхали. Тогда Виліамъ Факели такъ удачно ударилъ старѣйшаго крюкомъ, что онъ зацѣпилъ его крѣпко, и звѣрь никакъ не могъ высвободиться, а между тѣмъ другіе удобно умертвили его копьями. Точно также убили и младшаго, коего привязанность къ матери была такъ велика, что онъ плавалъ подлѣ шлюпки въ то время, когда втаскивали тѣло на бортъ, и совсѣмъ не старался себя спасти. Ихъ привезли къ берегу, изжарили и нашли ихъ мясо отмѣнно вкуснымъ.

15 го Сентября видѣли еще многихъ морскихъ коней въ проливѣ, но какъ они были осторожнѣе, то не льзя было поймать больше одного.

Около 10 го Октября стужа болѣе и болѣе усиливалась, и море покрыто было льдомъ на такое разстояніе, на какое можно проникнуть взоромъ. Платье у Агличанъ стало рваться; но какъ оно защищало ихъ отъ стужи, то они сдѣлали себѣ иглы изъ рыбьихъ костей, а нитки изъ разплетеной веревки, и сколько можно было старались починить свою одежду. Отломили отъ котла кусокъ свинцу, и сдѣлали изъ него родъ лампады, а изъ веревки надѣлали свѣтиленъ; так-

же нашли постнаго масла въ палаткѣ: все это годилось имъ для ночнаго ихъ освѣщенія, и доставило больше отрады.

Возлѣ хижины падалъ источникъ съ холма, и собирался, какъ бы въ нѣкоторомъ водоемѣ. Наши странники пользовались сею водою даже до Генваря мѣсяца, пробивая всякой разъ ледъ; но послѣ стужа сдѣлалась такъ сильна, что они лишились и сей отрады, и принуждены были прибѣгнуть къ снѣжной водѣ, которую доставали растопляя снѣгъ разожженнымъ желѣзомъ.

Въ концѣ Сентября увидѣли, что не было имъ надежды умножить свою провизію, развѣ изрѣдка случалось имъ убить медвѣдя, и такъ рѣшились сдѣлать раздѣлъ припасовъ, и ограничить ихъ употребленіе слѣдующимъ образомъ. Каждой довольствовался кускомъ мяса цѣлые четыре дни въ недѣлю, а середу и пятницу ѣлъ кости китовыя, на которыхъ обыкновенно оставалось нѣсколько мяса, когда истопляли жиръ. Такимъ образомъ они жили три мѣсяца, а послѣ еще убавили одинъ день въ недѣлю, въ которой не ѣли мяса, ибо его оставалось уже весьма не много; а боясь терпѣть

также недостатокъ въ дровахъ, они жарили каждой день половину козы и клали ее въ бочки. Однако четверть козы оставили нежареную, чтобы въ воскресные дни и въ другїе большїе праздники ѣсть ее горячую.

Отъ 14 го Октября до 3 Февраля не видали солнца; но ихъ освѣщалъ мѣсяцъ, которой сїялъ въ полномъ блескѣ весьма ясно, кромѣ только въ пасмурную погоду, какъ и вообще зимою въ сей странѣ по большой части время пасмурное и съ метелицами. Даже до перваго Декабря видѣли они нѣкоторой родъ багровой зари; но послѣ и она пропала совершенно, и мрачная ночь безпрерывно продолжалась до перваго Генваря, въ которое время опять стало примѣтно приближенїе дня.

Пелгамъ, коего журналу мы послѣдуемъ, говоритъ, что у нихъ небыло календаря, по которому можно бы было знать время; но они сколько можно старались различать дни и часы, прибавляя положенное число къ Эпактѣ, узнавали время лунныхъ перемѣнъ. Онъ увѣряетъ, что ихъ исчисленїе времени совершенно оказалось сходно съ настоящимъ исчисленїемъ,

когда наконецЪ прїѣхали корабли кЪ ихЪ спасенїю.

ВЪ концѣ Генваря замѣтили, что дни продолжались 8 часовЪ; но они пришли вЪ великое уныние видя, что у нихЪ осталось мяса не больше какЪ на шесть недѣль. 5 го Февраля день былЪ прекрасный, погода свѣтлая, и солнце блистало вЪ полномЪ сїянїи; тогда пришла кЪ хижинѣ медвѣдица сЪ медвѣженкомЪ, искать пищи. Нимало не устрашившись ихЪ, странники пошли на нее прямо, и ее убили, но медвѣженокЪ убѣжалЪ.

Это ихЪ весьма порадовало, особливо вЪ томЪ печальномЪ состоянїи, вЪ какомЪ они находились. МясомЪ убитой медвѣдицы питались 20 дней, и нашли его гораздо вкуснѣе козьяго. Достойно замѣчанїя, что вЪ сїе время поднялась у нихЪ на тѣлѣ тонкая кожа, которая скоро опала, и ПелгамЪ замѣчаетЪ, что это было для него весьма здорово. ОнЪ говоритЪ, что сЪ новою кожею онЪ получилЪ новыя силы, и ему казалось, будто освоб[о]дился отЪ жестокой болѣзни. ВЪ предыдущей повѣсти мы видѣли, что печень сихЪ животныхЪ производитЪ тоже дѣйствїе, но еще вЪ большей силѣ.

Въ послѣдствїи времени они убили еще нѣсколько медвѣдей, и между прочими одного вышиною покрайней мѣрѣ въ шесть футовъ. Ихъ мясо изжарили на вертелѣ, также часть сварили въ противнѣ, найденномъ въ палаткѣ. Это мясо показалось имъ такъ же хорошо, какъ самое лучшее бычачье. А какъ у нихъ было тогда весьма довольно провизїи, то они ѣли иногда раза по три или по четыре въ день, что ихъ гораздо укрѣпило и ободрило. Между тѣмъ дни становились продолжительнѣе, свѣтлѣе, и они стали ловить много птицъ; но 16 го Марта лишились одной собаки, которая послѣ не возвращалась, и не нашли слѣдовъ ея. Скоро послѣ того появилось множество лисицъ; для нихъ поставлены сѣти, и наши островитяне поймали ихъ около пятидесяти къ великому своему удовольствїю.

Самая обыкновенная птица въ Беллъ-Зоундѣ прилѣтаетъ туда вить гнѣзда весною; она питается рыбою, и бываетъ величиною съ селезня: у ней ноги такъ близко отъ крестца, что естьли случится ей упасть, то тяжесть тѣла мѣшаетъ ей опять встать. Вода кажется ея природная стихїя. Сихъ птицъ ловятъ силками

изъ китовой кости, покрытыми медвѣжей кожей, такъ чтобы мясистая оной часть обращена была наружу. Кожа сихъ животныхъ служитъ прекрасною приманкою для лисицъ.

Въ Маѣ погода стала весьма теплая, и Агличане всякой день выходили искать себѣ пищи; они не находили ничего хорошаго даже до 24 го числа, а въ сей день спугнули дикаго козла и пустили за нимъ собаку; но сїя сдѣлалась такъ толста и неповорна, что его упустила.

Въ тотъ же день нашли на вершинѣ одной горы множество яицъ; принесли домой 30, и намѣрены были возвратиться туда же на слѣдующїй день и взять тысячу; но время сдѣлалось такъ холодно, что они принуждены были сидѣть взаперти, и не могли уже по своему обыкновенїю итти на высокую гору, вблизи находившуюся, чтобы посмотрѣть, не тронулся ли ледъ въ проливѣ. Наконецъ они имѣли удовольствїе видѣть, что онъ тронулся и большая его часть унесена въ открытое море восточнымъ вѣтромъ.

25 го Мая холодъ удержалъ ихъ въ хижинѣ; между тѣмъ прїѣхали въ сей проливъ два корабля. Нѣкоторые

изъ экипажу знали, что прошлаго году осталось нѣсколько человѣкъ на земли; почему начальникъ тѣхъ кораблей послалъ на берегъ шлюпку, чтобы развѣдать о ихъ судьбѣ. Первое, что примѣтили сіи пріѣхавшіе, была шлюпка, которую бѣдные странники изготовили для ловли морскихъ коней, когда бы время позволило имъ отправиться на сей промыслъ. Новопріѣхавшіе удивились, нашедши ее въ такомъ хорошемъ состояніи; но они не имѣли почти никакой надежды увидѣть своихъ соотечественниковъ живыхъ. Однако пошли къ палаткѣ, и приближаясь къ ней прокричали нѣсколько разъ. Съ какимъ удивленіемъ и радостію услышали отзывъ на свой крикъ! То былъ Ѳома Айресъ, которой находясь въ сіе время во внѣшней окружности палатки, отвѣчалъ на ихъ голосъ.

Сіи нечаянные крики произвели не меньше замѣшательства, сколько и радости въ тѣхъ, кои были внутри хижины. Всѣ вдругъ вскочили, вломились въ дверь, а не отворили ее, и всѣ вмѣстѣ бросились вонъ изъ палатки. Ихъ видъ былъ самой жалкой и ужасной: всѣ выпачканы въ сажѣ и въ дыму, покрыты одними лоскутьями.

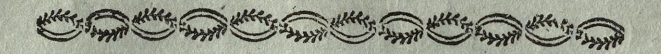
Послѣ перваго изумленія, экипажъ Гулловъ съ восхищеніемъ бросился ихъ обнимать; потомъ всѣ пошли въ островское ихъ жилище, и съ новымъ удовольствіемъ дивились найденному тамъ порядку. Имъ сдѣлали честь, потчивали кушаньемъ, какое тогда случилось; каждой изъ нихъ выпилъ стаканъ холодной воды, и съѣлъ кусокъ дичи, изжаренной за 4 мѣсяца передъ тѣмъ.

Проведши нѣсколько времени въ хижинѣ, и удовлетворивши любопытству, разбирая всѣ средства, какими ихъ соотечественники старались защитить себя отъ холоду и снабдить всѣмъ необходимо нужнымъ для жизни, наконецъ они всѣ вмѣстѣ поѣхали на корабль, гдѣ Пелгамъ и его товарищи были приняты съ равнымъ человѣколюбіемъ и сострадательностію. Спустя три дни пріѣхали въ проливъ и тѣ суда, коимъ они принадлежали, и всякой изъ нихъ заняль свое мѣсто. Одинъ изъ начальниковъ корабельныхъ, по имени *Масонъ*, изъ коего экипажу были Факели, Айресъ и двое другіе, имѣлъ столько жестокосердія, что принялъ сихъ нещастныхъ съ упреками и ругательствами, называя ихъ бѣглецами и непокорными. Напротивъ

того Капитанъ Пелгамовъ, по имени *Гулдеръ*, принялъ какъ его, такъ и другихъ со всѣми знаками заслуженной милости.

20 го Августа они отправились изъ сей стороны, и послѣ благополучнаго плаванія прибыли въ Англію. Компанія Рюссіева по условію дала имъ награжденіе, уваживъ тѣ нещастія, которыя они терпѣли чрезъ цѣлые 11 мѣсяцовъ, лишены будучи почти всѣхъ нужныхъ для жизни потребствъ. Скоро они укрѣпились опять здоровьемъ, но съ трудомъ могли привыкнуть къ хлѣбу и къ напиткамъ.

III.

ЗИМОВАНЬЕ

Англійскаго корабля, подъ командою Капитана Томаса Жамеса, на островѣ Шарлтонѣ *въ* Гудзонскомъ *заливѣ въ 1631 и 32 годахъ.*

После трехъ неудачныхъ путешествій, предпринятыхъ на сѣверъ Капитаномъ *Дависомъ* для открытія проѣзда въ Восточную Индію, упалъ было духъ у Англичанъ; однакожъ не совсѣмъ они лишились надежды, имѣть когда нибудь въ томъ успѣхъ. Нѣсколько лѣтъ были въ бездѣйствіи, но въ 1602мъ году опять приступили къ своему намѣренію съ новымъ жаромъ. Много дѣлали покушеній даже до 1616 го, употребивъ къ тому искуснѣйшихъ мореплавателей. Всѣ Историки отдаютъ Англичанамъ справедливость, что ни одна нація до сихъ поръ не показала такой ревности и не употребила столько издержекъ, какъ они, на открытіе проѣзда въ Восточную Индію, какъ по Сѣверо-Западу, такъ и по Востоку. Въ Исторіи ихъ мореплаваній читаемъ сіи славныя имена:

Веймутъ, *Гудзонъ*, *Бултонъ*, *Билевъ* и *Баффинъ*.

Судя по тому, что цѣлыя 15 лѣтъ они ничего не предпринимали къ открытїю сего проѣзда, должно думать, что общество, на сей конецъ собравшееся, потеряло бодрость или занималось другими планами. Однакожъ еще осталось въ Англїи впечатлѣнїе, здѣланное умствованїями Дависа, Гудзона и Баффина о возможности сего открытїя. Одинъ мореходецъ, по имени Лука Фоксъ, человѣкъ рожденный для моря, о томъ единственно и размышлялъ, имѣя непрестанное сношенїе съ бывшими въ прежнихъ путешествїяхъ. Онъ старался собирать всѣ карты и записки о послѣднихъ экспедицїяхъ. Наконецъ по чрезвычайной своей ревности сдѣлался извѣстнымъ нѣкоторымъ славнымъ Математикамъ, которые настоятельно убѣждали Короля Карла I. употребить его къ новому поиску. Предложенїе ихъ было принято благосклонно: Фоксъ сдѣланъ Коммандиромъ надъ Королевскимъ судномъ, *Карломъ*, имѣвшимъ экипажу 22 человѣка.

Около сего времени нѣкоторые Бристольскїе купцы, ревнуя по выгодамъ торговли, составили общество на сей

же самый конецъ. Слухъ о приготовленіяхъ, дѣланныхъ къ путешествію Фокса, дошелъ до нихъ; они предложили своимъ друзьямъ, соединиться вмѣстѣ съ такимъ условіемъ, чтобы отправивъ корабль съ тѣмъ же намѣреніемъ, имѣть имъ равную часть въ выгодахъ открытія, какимъ бы кораблемъ оное сдѣлано ни было. Предложеніе ихъ было принято. Англинской Король, увѣдомясь о ихъ добромъ расположеніи, изъявилъ имъ свое удовольствіе и подтвердилъ выборъ ихъ, падшій на Капитана *Томаса Жамеса*. О семъ мореходцѣ утверждаютъ, что онъ былъ неустрашимъ и испытанной честности, но что не столько опытенъ, какъ Фоксъ въ мореплаваніи по Сѣвернымъ морямъ.

Оба корабля пошли въ море въ началѣ Маія 1631 го, но не вмѣстѣ плыли. Жамесовъ корабль, съ 70 бочками грузу и 22 человѣками экипажа, отправился 3 го числа тогожъ мѣсяца, а Фоксъ тремя днями послѣ. Мы не будемъ описывать ходу экспедиціи сего послѣдняго, дабы не потерять изъ виду нашего предмета: но, храня обязанности наши къ читателю, представимъ ему главныя произшествія изъ журнала Жамесова. Ужасное изображеніе его зимо-

ванья на островѣ Шарлтонѣ приведетъ ему на память приключенія Гемскерка въ 1597 году въ Новой Землѣ. Оба сіи славные мороплаватели испытали нещастіе хотя съ разными обстоятельствами, но равное противоположили оному искуство и мужество.

Два дни спустя послѣ выходу Жамеса изъ Бристольскаго канала, вѣтръ сдѣлался противный и принудилъ его войти въ Мильфортскую пристань; тутъ сталъ онъ на якорь и пробылъ до 17 числа. Тогда возпользовавшись попутнымъ вѣтромъ, пошелъ опять въ море, направляя сколько возможно ближе къ Сѣверо-Западу. 4 го Іюня увидѣлъ берегъ Гренландіи, хотя погода была туманная; — остановился при немъ, чтобъ развѣдать направленіе сего берега.

5 го числа Англичане приведены были въ замѣшательство сильнымъ льдомъ, отъ котораго удалиться было очень трудно, поелику туманы, покрывавшіе тогда воздухъ, помрачали зрѣніе. Они для безопасности пристали къ большой льдинѣ и отталкивали прочія длинными шестами, которые тотчасъ переломились. На другой день опасность увеличилась; ледъ шелъ

на нихъ со всѣхъ сторонъ и притомъ съ такимъ стремленїемъ, что они непрестанно опасались, что корабль разобьется. Шлюбка ихъ была разбита; но они собрали обломки ея помощїю барки и подняли ихъ на палубу, намѣреваясь опять ее построить при первомъ способномъ случаѣ. Съ величайшими затрудненїями проложили себѣ путь среди сихъ опасныхъ препятствїй, распустя всѣ парусы, которые только могли употребить. Однакожъ къ великому ихъ удивленїю имъ удалось освободить корабль, не претерпѣвъ ни малѣйшаго поврежденїя. 9 го числа пошли вверьхъ и находились на 59 ой степени Сѣверной широты. Они съ точными наблюденїями изслѣдовали, правда ли то, какъ говорятъ нѣкоторые путешественники, что на сей высотѣ находится потокъ, стремящїйся къ Сѣверо-Западу, но не нашли никакого къ тому признака. Глубина моря была неизмѣримая: въ немъ не было никакихъ рыбъ, даже китовъ, и вѣтеръ былъ чрезвычайно перемѣнчивъ съ весьма густымъ туманомъ, который мочилъ, какъ дождь.

10 го, во время сильнаго волненїя моря, они видѣли льдины выше боль-

шой ихъ мачты; барка разбилась о корму; съ величайшимъ трудомъ могли ее вытащить: двое изъ служителей были раздавлены почти до смерти, они старались наиболѣе всего собрать обломки шлюпки. Въ восемь часовъ утра, увидя землю, съ одной стороны простирающуюся къ Сѣверу, а съ другой къ Востоку, примѣтили, что они были на высотѣ мыса Отчаянія (Desolation). Море вокругъ ихъ было черно, что они приписывали густымъ туманамъ, покрывавшимъ воздухъ; примѣтили также множество рыбъ.

Ночь на 17 е число была очень темна; туманъ такъ былъ холоденъ, что парусы и снасти покрылись льдомъ. По шуму волнъ думали, что *находятся подлѣ* берега, но днемъ узнали, что причиною сему былъ огромной величины ледъ. Издали примѣтили островъ Рѣшимости (Resolution), коего южной край силились проплыть. Они примѣтили, что приливъ и отливъ съ равною силою ихъ увлекалъ; иней и туманъ были столь пронзительны, что всѣ ихъ компасы повреждены и сдѣлались почти не годными къ употребленію.

Спустя нѣсколько времени, когда небо прояснилось, что продолжалось

очень не долго, они увидѣли, что проливы заперты были кучами льдинъ, чрезъ которыя пытались сдѣлать себѣ проходъ, но по тѣсности ихъ не могли въ томъ успѣть. Бросили лотъ, мѣрою въ 250 саженей, но не достали дна, бывъ на четыре мили отъ берегу. 20 го поутру проѣхали полуденной мысъ острова *Рѣшимости*; вѣтеръ, поворотивъ къ Западу, придвинулъ ихъ со льдомъ къ землѣ, которая на двѣ мили ничего не представляла, кромѣ малыхъ обломковъ кораблей и большихъ глыбъ льду, обмѣлѣвшихъ на пескѣ, глубиною на 40 саженъ. Они унесены были *сильнымъ потокомъ*, исходившимъ отъ стороны острова и увлекавшимъ ихъ корабль чрезъ безчисленное множество каналовъ, сдѣлавшихся между утесами и льдами. Должны были опасаться, чтобъ не потонуть; а чтобъ предупредить сїе нещастїе, бросили якорь и багоръ съ каждаго корабельнаго борта на льдяную глыбу, къ которой пристали: и тотъ и другой были въ водѣ на 10 саженей, такъ что служили вмѣсто лота, и что льдина тогда бы развѣ ихъ коснулась, какъ уже корабль былъ бы внѣ опасности по малости воды. Однакожъ Жамесъ разсудилъ, что сей предосторожности еще

не довольно, и для того спустили барку на море для поиску безопасной пристани; но ледъ шелъ на нихъ съ такою силою, что люди должны были оставить свое намѣренïе и возвратиться съ барокъ на корабль, переѣжжая отъ одной льдины къ другой. Едва только они пристали опять, какъ якорь и багоръ изломились, и барку опять спустили на море, чтобы ихъ вытащить. Якорь вынули съ великимъ трудомъ и взяли на корабль. Бывшïе на коряблѣ были тѣмъ довольны, потому что бросивъ другой на мѣль, которая была камениста, потеряли его изъ виду и принуждены были оставить.

Корабль при всемъ томъ находился въ опаснѣйшемъ положенïи; матросы бросили канаты на ближнïя скалы и каждой старался всѣми силами привесть его въ выгоднѣйшее мѣсто подъ прикрытïемъ льдяной горы. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ покоенъ до тѣхъ поръ, какъ приливъ пригналъ къ нему множество большихъ льдинъ, которыя подвергли его неминуемой опасности, хотя матросы и усильно старались отдалить ихъ. Когда море достигло до величайшей высоты; они пришли въ робость и отчаянïе, какъ тронулась боль-

шая глыба льда, ихъ покрывавшая и поплыла, но съ отливомъ она пришла въ прежнее положенїе, и стояла спокойно до другаго дня и слѣдующую ночь. Тутъ претерпѣли они сильной ураганъ, поднявшїйся отъ Запада съ необыкновеннымъ множествомъ снѣга, только безъ дальнѣйшихъ слѣдствїй. Они держались крѣпко за скалу, до тѣхъ поръ, какъ ледъ, неперестававшїй на нихъ итти, переломилъ у якоря зубцы, ручки у багра и причалы. Шлюпка разбита была почти на части, такъ что для поправленїя ея потребно было всевозможное тщанїе отъ всѣхъ находившихся на бортѣ.

Во время слѣдующаго прилива силою льдовъ нанесены они были на весьма острую скалу; послѣ отливу остались на такомъ возвышенїи, что не возможно было стать на якорѣ. Составлявшїе экипажъ сошли на большую льдину для молитвы, ненадѣясь когда нибудь избавиться отъ сей опасности; но вдругъ съ приливомъ корабль началъ подыматься и къ великой ихъ радости сталъ на ходу, и потому начали съ величайшимъ рвенїемъ стараться, чтобъ оттуда удалиться, хотя опасность все еще была ужаснѣйшая. Они сколько возможно усилива-

лись ледъ проводить между кораблемъ и скалами, потому что онъ для нихъ не такъ былъ страшенъ. Не смотря на то большія льдины должно было рубить топорами, копьями и другими острыми инструментами боясь, чтобъ не задавили. Капитанъ Жамесъ сошелъ на землю, что сдѣлать ему легко было; потому что ледъ такъ былъ стѣсненъ, что перескакивая съ одной льдины на другую, можно было дойти до берегу. Онъ поставилъ каменной знакъ съ крестомъ и наименовалъ сіе мѣсто пристанью Божескаго Провидѣнія (Providence divine). Къ вечеру пошелъ ледъ еще гуще, нежели прежде; отливъ его не относилъ, большая часть пристала къ землѣ и корабль былъ запертъ.

12 го Капитанъ пошелъ на баркѣ къ Восточной сторонѣ острова, взошелъ на нѣкоторое возвышеніе, чтобы посмотрѣть, не откроетъ ли какого мѣста, въ которомъ бы онъ могъ поставить корабль въ большей безопасности. Занимаясь таковымъ разсматриваніемъ, вдругъ услышалъ страшный шумъ, происшедшій отъ большей льдины, распавшейся на четыре части въ нѣкоторомъ разстояніи отъ корабля; но къ щастію сіе разстояніе бы-

ло довольно велико и корабль не претерпѣлъ никакого поврежденія.

Примѣтивши довольно способную пристань, Жамесъ послалъ барку къ кораблю, которой освободили ото льду и буксировали въ сію пристань, и привязали его крѣпко къ утесамъ. Капитанъ продолжалъ открытіе; онъ нашелъ только землю песчаную и каменистую безъ всякаго признака травы и какого нибудь растѣнія; всѣ озера и болота покрыты были льдомъ; не льзя было надѣяться, найти тамъ какую нибудь птицу и не видно было слѣдовъ ни медвѣдей, ни дикихъ козъ. Однакожъ онъ видѣлъ тамъ одну или двѣ лисицы, и судя по нѣкоторымъ костямъ сихъ животныхъ, видѣнныхъ имъ, по головнямъ и оставшемуся пеплу, полагаль, что дикіе недавно еще жили наономъ острову. Трудно было найти причину, какая ихъ привлекла сюда, потому что сей край былъ самой безплодной и въ морѣ не было никакой рыбы.

Капитанъ назвалъ сіе мѣсто пристанью Приса, въ уваженіе къ хозяину его корабля, который такъ назывался. Она лежитъ на 61 градусѣ и 24 й минутѣ широты и съ возвышеній можно видѣть острова Сира Томаса

Буттона. Они вышли оттуда 24 го; прошли между двумя льдяными горами, которыя касались землѣ на 40 саженей глубины, и увидѣли воду довольно открытую, разстоянїемъ отъ Сѣвернаго берега острова Рѣшимости около мили. Но поднявшїйся съ Востока сильной вѣтръ погналъ съ верьху ледъ съ такою силою, что они должны были безпрестанно бояться, чтобъ онъ не выломилъ досокъ изъ корабельныхъ краевъ. И такъ они безпрестанно плыли между льдомъ не могши далѣе видѣть, какъ на четверть мили, хотя смотрѣли съ самой большой мачты. Въ семъ состоянїи пробыли до 26 го; погода тогда прояснилась и солнце начало немного свѣтить. На днѣ былъ бѣлой песокъ на 140 саженей, но не видно было никакого признака рыбъ, хотя матросы безпрестанно держали уды съ прикормкою. Ночи продолжались чрезвычайно холодныя, снасти замерзали и льдины изъ прѣсной прудовой воды едва разбивать было можно.

Англичане продолжали плаванїе свое держась берегу до 5 Iюля; тогда погода сдѣлалась весьма ясная и видъ на всѣ стороны свободнѣе, какого они до сихъ поръ не имѣли: они увидѣли, что море совсѣмъ было по-

крыто льдомъ на великое пространство вся Сѣверная и Сѣверозападная сторона: изъ чего заключилъ Капитанъ Жамесъ, что тщетно онъ продолжать будетъ сей годъ, изыскивать проѣздъ по Сѣверо-Западу.

Гудзонскіе проливы имѣютъ длиною около 120 миль, начинаются отъ острова Рѣшимости, и кончатся у острова Диггеса: теченіе между симъ островомъ и мысомъ Карла по большой части наклонно къ Западо-Сѣверо-Западу и Востоко-Юго-Востоку; ширина ихъ вообще простирается на 20 миль, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе 15. Тамъ бываетъ нѣкоторой приливъ, но безъ сильнаго стремленія и Сѣверной берегъ наименѣе обезпокоивается льдомъ; съ Южной стороны есть большой заливъ и земля очень возвышена съ обѣихъ сторонъ.

16 го Іюля Капитанъ убѣжденъ будучи, что уже очень поздо предпринимать открытіе проѣзда къ Сѣверо-Западу пустился къ Западо-Юго-Западу къ острову Мансфильду. Онъ открылъ его на слѣдующій день въ 3 часа по полудни и получилъ на пути очень сильные удары ото льду. Экипажу тогда начали давать половину порціи хлѣба и двое сдѣлались больны; но скоро вылѣчились. Послали

барку для измѣренія глубины у берега, гдѣ нашли, что вода течетъ отъ Западо-Юго-Запада на три фута глубины, и что при наибольшемъ приливѣ вода не возвышалась выше двухъ саженей. По нѣкоторымъ видѣннымъ признакамъ узнали, что дикіе туда иногда пріѣжжали; но корабль преплылъ довольное пространство не видавъ ни одного плывущаго бревна, ни скота, ни рыбъ, ниже что нибудь такое, чемъ бы можно было попользоваться, изключая нѣсколькихъ птицъ, изъ которыхъ одну убили.

18 го поутру они направили путь къ Западнымъ сторонамъ къ 63 градусу широты или около того. Плывъ нѣсколько времени въ надеждѣ, что море сіе открыто, они зашли въ ледяные проливы; ледъ ихъ иногда останавлялъ, а иногда съ помощїю вѣтра находили свободной путь. Къ вечеру 20 го Августа стали на якорь у краю земли, простирающейся къ Югу, гдѣ усмотрѣли два острова. Они назвали сіе мѣсто новымъ Княжествомъ полуденно Валлїйскимъ, и пили за здоровье Карла, тогдашняго Государя Валлїйскаго. Время было очень тихо, ночью же поднялся вѣтеръ, и корабль былъ сорванъ, такъ что они думали, что потеря-

ли якорь. Тащили веревку посредствомъ ворота и нашли только, что якорь тамъ запутался. Волненіе моря такъ было сильно, что работавшіе были увлечены воротомъ такъ, что у нихъ тѣло было изломано и что у одного почти голову оторвало, потому что захватилъ ее канатъ. Присъ чуть было не переломилъ ногу, канонеръ вывихнулъ ногу о болтъ, такъ что принуждены были ему отрубить ее до колѣна, чтобъ избѣжать гангрены. Въ то же время они брошены были на мѣль, но утвердивъ хорошо якорь спасли корабль. 22 го еще стали на якорь, а 27 по утру, поелику глубина была только на 5 саженей, Капитанъ послалъ барку къ землѣ для извѣдыванія сей страны и далъ писменныя повелѣнія, какимъ образомъ поступать тѣмъ, которые выйдутъ на берегъ, присовокупя къ тому именно, чтобъ къ вечеру возвратились на корабль; но они этого не исполнили, что ему причинило великое безпокойство, которое еще болѣе увеличилось, когда на пушечные выстрѣлы и сигналы, такъ какъ согласились, отвѣтствовано не было. Онъ почелъ, что сіи люди пропали, или сдѣлались добычею дикихъ. Онъ тѣмъ болѣе имѣлъ

причины такъ думать, что виденной имъ на берегу огонь нимало не отвѣчалъ дѣланнымъ безпрестанно имъ самимъ. Потеря сія привела бы его въ величайшее замѣшательство, ибо не было на кораблѣ столько людей, чтобъ снять якорь и управлять онымъ; но къ великой его радости они возвратились: задержаны были нечаянными и не предвидѣннымъ отливомъ и принуждены дожидаться приливу, чтобъ барку спустить на воду. Сказывали, что росли на семъ берегу нѣкоторыя дерева, и что волны выбрасывали много бревенъ на берегъ; что не видали никакого признака жителей, но только много птицъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ и убили; примѣтили также на снѣгу слѣды медвѣдей и козъ. Сказывали еще, что въ бродъ переходили двѣ рѣки; попытались было перейти также и третью, но эта была глубока.

29 го поутру Капитанъ усмотрѣлъ плывущій корабль почти за 4 мили. Тотчасъ узнали, что это былъ Королевскій, подъ начальствомъ Капитана Фокса; оба суда взаимно другъ другу салютовали. Въ вечеру Фоксовы люди пріѣжжали на бортъ въ баркѣ; на другой день Жамесъ отплативъ визитъ съ нѣкоторыми офицерами они и были,

сколько обстоятельства позволить могли, хорошо угощены. Въ слѣдующій день Фоксъ направилъ путь къ Юго — Юго — Западу и тотчасъ скрылся изъ виду (1).

Снѣгъ и градъ шли въ остальные дни мѣсяца, и холодъ такъ былъ жестокъ, какъ обыкновенно бываетъ въ Англіи въ самую холодную зиму.

Перваго Сентября Фоксъ ѣхалъ около берега по мѣлководью. Погода была прекрасная; они ею воспользовались и старались усильно выйти изъ сего опаснаго залива. Отъ 2 го да 10 го время было перемѣнчиво, и они не теряли землю изъ виду; но 4 го и 6 го стужа была столь пронзительна, что они боялись, что не въ силахъ будутъ продолжать пути. Тутъ поднялся сильный ураганъ, сопровождаемый снѣгомъ и градомъ, волны возвышались подобно горамъ, подымались выше палубы, наполнили низъ корабля и прошли въ кладовыя, гдѣ повредили почти всѣ припасы.

11 го, они нашли островъ на 52 градусѣ и 45 минутѣ широты. Капитанъ сошелъ на твердую землю и послалъ нѣсколько человѣкъ въ другую сторону; но ни онъ, ни тѣ не нашли никакого растѣнія, даже ни щавелю,

чтобъ подать какую нибудь помощь больнымъ на бортѣ находившимся. По утру 12 го, при сильномъ Юговосточномъ вѣтрѣ корабль попалъ на скалы по нерадѣнію бывшихъ на палубѣ. Кораблекрушеніе казалось неизбѣжно; отданъ былъ приказъ, съ великимъ тщаніемъ выгружать сбруи плотничьи, бочки съ хлѣбомъ и пороховыя, шесть мушкетовъ, ящикъ съ ружьями, съ фитилями, уды, лоты, смолу, и прочее, что могло быть имъ нужно.

Между тѣмъ какъ нѣкоторые занимались снабдѣніемъ себя нужнѣйшими вещами, другіе собирали парусы, бросили якорь для освобожденія носу, покидали въ море все уголье, и трудились всѣми силами надъ насосомъ, чтобъ облегчить корабль. Они хотѣли было также бросить и пиво, но наконецъ корабль, цѣлые 5 часовъ битый волнами, и притомъ съ такою силою, что каждую минуту должно было страшиться, чтобъ дно не было вскрыто, сошелъ со скалы; хотя очень былъ поврежденъ, но они успѣли его починить ставши на якорь, какъ скоро спустился на глубину. Потомъ вѣтеръ поворотился съ стремленіемъ къ Западо-Юго-Западу, и естьлибъ сія перемѣна случилась въ то время

какѣ они были на скалѣ, то бы корабль неминуемо погибѣ.

15го Жамесѣ съ экипажемѣ своимѣ снялся сѣ якоря и поплылѣ кѣ Западу; но не находя нигдѣ безопаснаго для себя мѣста, поворотилѣ кѣ Гудзонскому заливу; они надѣялись, да и не безѣ причины, найти тамѣ проѣздѣ вѣ Канаду, или естьли вѣ томѣ не успѣютѣ, рѣшились лучше зимовать на твердой землѣ, нежели продолжать мореплаванїе по толь опасному морю, среди камней, мѣлей и острововѣ. Кѣ вечеру 14го вѣтерѣ былѣ сильной, море вѣ величайшемѣ волненїи; шлюбка ихѣ, привязанная кѣ кормѣ двумя веревками, ударилась о корабль, и потонула на дно, такѣ что у нихѣ осталась одна барка, и та вѣ очень худомѣ состоянїи. Кѣ вечеру нашли они хорошее якорное мѣсто вѣ маленькомѣ зашейкѣ, коего одна сторона была отѣ острова Лорда Вестона, гдѣ они нѣсколько успокоились, пробывѣ тутѣ до 19го. А какѣ тогда дулѣ безпрестанно сильный вѣтерѣ и шелѣ снѣгѣ, то они не смѣли спустить барку на море, но держали ее на палубѣ.

19го вѣтерѣ оборотился кѣ Сѣверо-Востоку и они направили путь кѣ Юго-Западу, но около полудня вѣтерѣ

подулъ на Югъ и они бросили якорь подлѣ острова Бристольскаго. Во время ихъ тутъ пребыванія плотникъ починилъ барку и Капитанъ сошелъ на берегъ, но не нашелъ никакого признака, чтобъ когда нибудь живущая тварь приходила на сей островъ. Видя, что вѣтеръ дулъ на Сѣверъ, и не было надежды доѣхать до краю Гудзонскаго залива, они только думали, гдѣ бы выбрать зимнюю квартиру. Нѣкоторые предлагали ѣхать въ Портнельсонъ; но Капитанъ на то не согласился, какъ по тому, что мѣсто было очень опасно, такъ и по тому, что трудно было туда доѣхать между льдовъ: и такъ онъ рѣшился искать маленькаго залива на Южной сторонѣ.

22 го, Жамесъ сошелъ на островъ, лежащій на 52 градусѣ и 16 мин. широты; онъ наименовалъ его островомъ Ѳомы Рове. Въ то время, какъ онъ былъ на землѣ, вѣтеръ перемѣнился и ему весьма трудно было возвратиться на корабль; во все время его пребыванія погода была перемѣнчива и холодъ чрезмѣренъ; приливъ, пригоняя ботъ на мель, приводилъ ихъ безпрестанно въ страшную опасность: несмотря на то они остались на семъ мѣстѣ до 30 го.

1 го Октября, опять пустились въ море, но не долго могли плыть, по причинѣ множества встрѣчавшихся песчаныхъ мѣлей. 4 го Капитанъ сошелъ на островъ Графа Данби, гдѣ онъ не нашелъ ничего, кромѣ худыхъ зеренъ и ягодъ; корабль подвигался далѣе, но медленно, по причинѣ мѣлей и камней. 7 го снѣгъ шелъ въ такомъ множествѣ, что должно было его скидывать съ палубы лопатами; онъ такъ крѣпко присталъ ко всѣмъ частямъ корабля и такъ сдѣлался твердъ, что походилъ на ледъ. Въ слѣдующій день сіяло солнце, но не могло его разстаять, и холодъ былъ такой сильной, что не льзя было почти ничего сберечь отъ замерзлости, даже подлѣ огня; что касается до парусовъ, то они отъ льду такъ отвердѣли, что матросамъ не льзя было ихъ употреблять.

Сіи непреодолимыя препятствія не позволили имъ продолжать пути; они рѣшились сойти и зимовать на островѣ, лежащемъ неподалеку отъ острова Графа Данби. Жамесъ не описываетъ подробно въ семъ мѣстѣ, какой то былъ островъ; изъ всего нижесказаннаго имъ видно, что это тотъ самой, на которой онъ сходилъ 11 го Сентября. Ши-

рота, замѣченная 6 го Января слѣдующаго, разнится съ замѣчанною при первой высадкѣ; но онъ приводитъ на то Физическую причину.

Многїе изъ экипажу здѣлались опасно больны; плотникъ съ помощїю нѣкоторыхъ построилъ на берегу хижину, дабы ихъ туда положить и испытать, не получатъ ли они отъ того какой помощи. Капитанъ, въ сопровожденїи нѣкоторыхъ изъ спутниковъ своихъ, ходилъ по острову, не найдетъ ли какихъ жителей, но не нашелъ ничего такого, изъ чего бы можно было о томъ судить. Они возвратились въ великой усталости, шедши въ снѣгу по колѣни. Между тѣмъ какъ они дѣлали сей поискъ, остававшїеся на кораблѣ сняли брамселы, собрали ихъ и высушивши хорошенько положили между палубами.

12 го растаяли большой парусъ, который былъ принесенъ на землю для накрытїя новой хижины. Капитанъ приказалъ дать шести матросамъ двухъ собакъ для ловли медвѣдей, или другой какой дичи, и имъ позволено было пробыть цѣлую ночь на землѣ.

13 го нѣкоторые матросы просили позволенїя, пройти сїю сторону;

что имъ и было позволено подъ условіемъ, чтобъ не отходить другъ отъ друга и чтобъ искать годной пристани для постановленія корабля. Они возвратились 15 го и принесли маленькую худую козу, которую разрѣзали на четверо. Увѣряли притомъ, что видѣли многихъ животныхъ того же роду, каковой одинъ токмо глазамъ ихъ представился, но что сія сторона необитаема и не имѣетъ способной пристани. 23 Лейтенантъ *Вилгельмъ Климентъ* отправился въ путь для таковыхъ же поисковъ, но не получилъ изъ того никакой пользы, кромѣ усталости, и потерявъ еще одного изъ спутниковъ по имени *Ивана Бартона*, канонерскаго помощника, которой утонулъ, хотѣвъ лучше перейти черезъ замерзлой прудъ, встрѣтившійся имъ на дорогѣ, нежели обойти нѣсколько подалѣе.

1 го Ноября, Капитанъ повѣрилъ щетъ провіантмейстера, которой онъ нашелъ весьма исправнымъ и усмотрѣлъ, что припасъ тщательно сберегается. Придвинули къ землѣ барку, хотя съ великимъ трудомъ по причинѣ снѣгу и льду; на ней привезли бочку полпива, которое совсѣмъ замерзло; ставили его подлѣ

огня, отъ чего оно получило весьма дурной вкусъ, что заставило Агличанъ прорубить ледъ на одномъ прудѣ, изъ котораго поднялся ядовитой запахъ; почему запрещено было брать оттуда воду, дабы не заразиться. Корабельщики вырыли колодезь подлѣ своего жилища и черпали изъ него воду, которая была очень хороша и показалась имъ такъ сладка и питательна, какъ молоко.

12 го, загорѣлся ихъ домъ, но пожаръ былъ потушенъ; послѣ сего они принуждены были поступать осторожнѣе не могши обойтись безъ большаго огня. 22 го канонеръ, которому отрубили ногу, умеръ; его бросили въ море на довольно большое разстоянїе отъ корабля. Передъ смертїю давали ему Гишпанскаго вина столько, сколько онъ могъ пить; но бутылка нѣсколько разъ замерзала подъ изголовьемъ его постели, такъ какъ лѣкарства, приложенныя къ его ранѣ, хотя онъ былъ весьма укутанъ и огонь ни на часъ въ хижинѣ не угасалъ.

23 го корабль былъ въ величайшей опасности, чтобы не стащило его съ якорнаго мѣста множество большихъ льдинъ; малѣйшая была въ четверть мили и канатъ былъ тянутъ съ та-

кою силою, что перервался. Въ сей крайности экипажъ давалъ знаки о своемъ жалкомъ положенїи, на которые и съ берегу отвѣтствовали, не могши подать никакой помощи. Какъ скоро день наступилъ, подплыли туда на баркѣ и рѣшились здвинуть корабль на берегъ для сохраненїя его сколько можно долѣе, потому что ясно было видно, что ни канаты, ни якори не могутъ его спасти ни ото льду, ни отъ дурнаго времени.

Рѣшившись на сїе, корабль подвинули какъ можно ближе къ землѣ; порохъ и запасъ перевезли на баркѣ въ хижину. Корабль стоялъ въ пескѣ глубиною на два фута; море и ледъ еще ударяли въ него, такъ что Капитанъ приказалъ плотнику буравомъ провертеть на днѣ дыру. Вода вошла въ него въ 6 часовъ и онъ сталъ покойно; но чтобъ еще лучше его установить, набросали на дно веревокъ, якорей и множество другихъ снарядовъ, въ числѣ которыхъ былъ и сундукъ лѣкарской. 29 го они пустились въ баркѣ въ числѣ 17 человѣкъ, но снѣгъ, замерзшїй въ водѣ, сдѣлалъ ее такъ густою, что съ величайшимъ трудомъ можно было добраться до берега, хотя у нихъ было четыре весла и по

два человѣка на каждое, а четверо еще служили на перемѣну имъ; въ короткой этотъ переѣздъ столько напало на нихъ льду и снѣгу, что вышедъ на берегъ едва могли узнать одинъ другаго.

Уже въ самую полночь привели они свою барку въ безопасность и съ трудомъ могли найти дорогу къ хижинѣ. Первое ихъ попеченіе по прибытіи было то, чтобъ развесть большой огонь и поѣсть хлѣба съ водою, доставаемою изъ растаяннаго снѣга. Скоро завели они споръ въ разсужденіи ихъ положенія; плотникъ утверждалъ, что корабль совсѣмъ потерянъ, а естьли и нѣтъ, то не льзя его употреблять по причинѣ потерянія руля. Капитанъ былъ совсѣмъ другихъ мыслей и жаркою рѣчью ободрялъ сотоварищей своихъ. Онъ представлялъ имъ, что ихъ положеніе достойно конечно сожалѣнія, но что полагаясь на Провидѣніе, неоставляющее никогда уповающихъ на него, испытаютъ дѣйствія его; что бывали весьма многіе примѣры такихъ людей, которые доведены были до гораздо плачевнѣйшаго положенія, нежели они, и однако испытали помощь его тогда, когда казалось, не должны бы были ожидать

сной; что естьли нѣтъ другаго средства, то могутъ построить пинку изъ обломковъ корабля, предположивъ, что онъ погибъ невозвратно, и съ помощїю Божїею на ней возвратиться въ Англїю. Плотникъ отвѣчалъ, что онъ не пощадитъ ни трудовъ, ни искуства для освобожденїя ихъ изъ сего мѣста, естьли весь экипажъ захочетъ помогать ему, и что, поелику на семъ островѣ довольно растетъ лѣсу, то можно построить пинку не трогая корабля; ибо можетъ къ щастїю такъ случиться, что онъ принесетъ не предвидѣнную пользу. Всѣ составлявшїе экипажъ закричали, что они всѣми силами будутъ помогать ему въ предпрїятїяхъ его, клонящихся къ общему благу. Капитанъ обѣщался щедро наградить ихъ за труды, въ ободренїе же плотнику далъ серебряной посуды на 10 фунт. стерлинговъ, и увѣрилъ его, что естьли онъ состроитъ пинку, то подаритъ ему еще по прибытїи въ Англїю и дастъ болѣе 5 фунтовъ стерлинговъ.

30го лѣкарь отправлялъ должность цырюльника; онъ стригъ всѣмъ волосы и обрилъ бороды.

1 го Декабря нѣкоторые на баркѣ среди льдовъ прошли даже до корабля; ночь ихъ тамъ застигла и они должны были ее провести на бортѣ. Они претерпѣвали сильной холодъ, который на другой день такъ былъ великъ, что дорога до корабля была вся покрыта льдомъ. Они возвратились по льду и принесли съ собою 500 сухихъ рыбъ, нѣсколько одѣялъ и много постелей; отъ воды они сдѣлались почти не годны къ употребленію. Но въ такомъ недостаткѣ, въ какомъ Капитанъ и экипажъ находились, всякое покрывало, отъ котораго они могли ожидать хотя маленькое тепло, было для нихъ дорого.

3 го, время посмягчилось и нѣкоторые матросы съ трудомъ могли спастись отъ утопленія переходя по льду, который проламывался подъ ними. Западный вѣтеръ гналъ множество льдинъ, которыя проходя мимо корабля нѣсколько причинили ему вреда. Барку вытащили изо льду, ее окружавшаго, и попытались поднять на корабельную палубу, но всѣ усилія матросовъ были тщетны; они принуждены были повѣсить ее на веревкахъ подлѣ корабля на футъ, или два ниже поверхности палубы.

Съ 3го до 18 переносили въ хижину и въ магазинъ, подлѣ нее построенный, всѣ съѣстные припасы и снасти, оставазшїеся на кораблѣ, между тѣмъ какъ плотникъ съ помощїю нѣкоторыхъ собиралъ бревна для пинки. Нѣкоторые изъ работниковъ отморозили себѣ пальцы, носъ и щеки; они сдѣлались такъ бѣлы, какъ снѣгъ, не перестававшїй итти. Стужа умножалась каждой день, и на тѣлѣ тѣхъ, которые съ морозу вскорѣ садились грѣться у огня, вскакивали большїе пузыри.

Въ то же время замерзъ колодезь, и Англичане не находя ни въ одной ямѣ, ими выкапанной, воды, принуждены были необходимо пить растаянной снѣгъ; что весьма не здорово было для нихъ въ сей странѣ и причинило многїя болѣзни и затрудненїя въ дыханїи. Гишпанское вино, уксусъ, масло и спирты превратились въ ледъ, такъ что они для употребленїя должны были ихъ рубить топорами. Морозъ сдѣлался такъ жестокъ, что напитки замерзали даже на 3 фута разстоянїемъ отъ сильнѣйшаго огня, хотя хижина была и плотно затворена, и наконецъ сїе убѣжище было погребено въ снѣгу, который не преставалъ итти въ изоби-

ліи. Матросы принуждены были прочищать себѣ дорогу и откидывать его лопатами. Когда онъ окрѣпъ, то сіе пространство, возвышенное по крайней мѣрѣ на 3 фута отъ земли, было мѣстомъ прогулки для Капитана и больныхъ находившихся въ хижинѣ.

Жамесъ вспомнилъ тогда, что при первомъ своемъ сходѣ на сей островъ онъ нашелъ хорошій потокъ при подошвѣ ближняго вызвышенія, и дабы его узнать, велѣлъ срубить подлѣ сего мѣста два или три дерева. Онъ послалъ туда нѣкоторыхъ, которые безъ всякаго труда то мѣсто нашли; отгребли лопатами снѣгъ, нашли ручей и принесли ему воды, что послужило ему пріятнѣйшимъ прохлажденіемъ. Открытіе сіе весьма полезно было для всего экипажу; ручей текъ чрезъ весь годъ, и хотя отъ мороза замерзалъ, но какъ не очень толсто, то легко было его открывать.

Праздникъ Рождества Христова торжествованъ былъ съ обрядами вѣры, а въ день св. Іоанна они положили назвать сіе мѣсто ихъ пребыванія Рощею Винтера, въ честь Сиру Ивану Винтеру.

6 го Января 1632 Англичане вымѣряли высоту при очень ясномъ не-

бѣ, и нашли, что роща Винтера находится на 51 градусѣ и 52 минутѣ широты; сія разность произошла отъ великаго преломленія солнечныхъ лучей тогда бывшаго.

21 го солнце, выходя изъ подъ горизонту, показалось овальной фигуры, но по мѣрѣ, какъ возвышалось, принимало обыкновенную свою круглость.

30 и 31 го весь млечной путь, облако Рака и Плеядъ наполнены были маленькими звѣздочками и вся окрестная твердь равно была покрыта ими, чего, говоритъ Капитанъ Жамесъ, онъ никогда не видывалъ прежде; но больше четверти оныхъ потеряли свѣтъ отъ сіянія луны, которая взошла около 10 часовъ вечера. Въ началѣ сего мѣсяца море замерзло со всѣхъ сторонъ, и воды не видно было нигдѣ; вѣтеръ всегда почти былъ сѣверный и чрезвычайно холодной. Но когда онъ не столько былъ суровъ, тогда таскали лѣсъ для огня и для пинки, очищали дорогу къ хижинѣ и магазину занесенную льдомъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ такая была жестокая стужа, каковой Англичане со времени пребыванія своего на сей землѣ еще не чувствовали, и любопытство сихъ мореходцовъ было жестоко

наказано потерею зубовъ и опухолью десенъ. Они доведены были до такого скучнаго положенія, что не могли ничего ѣсть, и лѣкарь ихъ имѣлъ многіе случаи къ упражненію своихъ талантовъ и къ доказательству своего усердія.

Не возможно почти было сносить суровости воздуха внѣ хижины; самое теплое платье едва могло избавлять отъ жестокости мороза, и которые выходили на воздухъ, съ трудомъ могли спасаться, чтобъ не замерзнуть.

Постели, хотя весьма близко стояли отъ огня, покрыты были льдомъ; во время какъ поваръ спалъ, вода замерзла до дна въ кадкѣ, куда онъ клалъ солить кушанье, хотя она стояла на три фута отъ огня. Какъ ни старался лѣкарь сберечь свои сыропы и лѣкарства, однако они подверглись тому же жребію; часы остановились и земля замерзла на 10 футовъ глубины.

Не смотря на сію ужасную крайность, работали, сколько было можно, неутомимо. Сапоговъ у нихъ не было; снѣгъ и огонь сдѣлали ихъ негодными къ употребленію, что заставило обертывать ноги сукномъ и онучами самыми теплыми.

15го Марта одному изъ служителей показалась коза; онъ уговорилъ двоихъ или троихъ товарищей, съ позволенія Капитана, гнаться за нею. Но они возвратились къ вечеру не поймавъ ея, и такъ иззябли, что 15 дней были въ недвижимости: пузыри на рукахъ и ногахъ вскочили у нихъ величиною съ орѣхъ. Трое еще пошли съ тѣмъ же намѣреніемъ, но чуть было это не стоило имъ жизни. Величайшаго труда стоило доставать лѣсу для огня и строенія пинки. Топоры были изломаны или испорчены, а другихъ не было у нихъ инструментовъ для срубки и тесанія бревенъ. Дрова на топку употребляемыя весьма ихъ безпокоили; отъ сырыхъ шелъ дымъ, который душилъ ихъ, а изъ сухихъ выходящая смола причиняла такой же непріятный дымъ, который покрывалъ ихъ сажею, отъ чего они стали похожи на трубочистовъ.

Въ Апрѣлѣ, плотникъ и четверо другихъ, нѣсколько времени работавшіе, сдѣлались такъ слабы, что не могли ходить; боцманъ и многіе матросы сдѣлались больны въ то же время и только осталось пятеро, которые могли ѣсть. Капитанъ рѣшился съ помощію ихъ выкидать изъ корабля

ледѣ, какѣ скоро погода сдѣлается потише, чтобѣ приготовить его кѣ употребленїю, когда время позволитѣ. У нихѣ было только два рычага желѣзные, да четыре переломленыя лопаты. Намѣренїе Жамеса было сдѣлать изо льду бугорокѣ кѣ низу борта, дабы сїе служило преградою и препятствовало льду вредить корабль, ибо должно было опасаться, чтобѣ вѣ такомѣ состоянїи онѣ не былѣ раздробленѣ на части. 6 го Апрѣля снѣгѣ шелѣ еще вѣ большемѣ количествѣ, и сильнѣе, нежели какѣ до сихѣ порѣ: зимою былѣ онѣ мѣлокѣ, сухѣ и такѣ опасенѣ, что когда вѣтерѣ вѣялѣ имѣ вѣ лице, то глаза и горло подвергались опасности.

Англичане примѣтили, что вѣ пасмурное и облачное время они удобно усматривали сѣ самыхѣ низкихѣ мѣстѣ островѣ, который былѣ около четырехѣ миль растоянїемѣ отѣ рощи Винтеровой, а вѣ ясную погоду и при сїянїи солнечномѣ не могли его примѣтить, даже сѣ возвышенїй. Причина сего явленїя есть та, что легкїй туманѣ производитѣ то же дѣйствїе, какѣ и выпуклое стекло.

16 го день былѣ весьма ясный. Они очистили сѣ палубы снѣгѣ, на ней на-

ходившійся, и чтобъ высушить хижину, развели въ ней большой огонь. 17 го вытащили якорь, который былъ въ мѣли подъ льдомъ и положили на бортъ. Тогда они ясно видѣли, что въ ихъ положеніи корабль былъ послѣднимъ ихъ прибѣжищемъ: потому что барка ихъ изломалась, да хотя бы и осталась цѣла, однако негодилась бы для нихъ по своей малости. Въ ней не льзя было всѣмъ помѣститься и ѣхать по открытому морю; поелику же и плотникъ былъ такъ опасно боленъ, что выздоровленія его никакъ не льзя было ожидать, то пропала ихъ надежда на пинку. 19 го хозяинъ и нѣкоторые изъ корабельныхъ служителей вознамѣрились жить на бортѣ, чтобъ не слышать стону больныхъ ихъ товарищей, которые испускали пронзительные вопли; правда, отъ недостатку теплыхъ покрововъ, много должны были терпѣть всю зиму, но ихъ жребій не хуже былъ другихъ. 23 го они разломали бочку съ пивомъ, доставши ее со дна корабля, и хотя оно не лучше было таяной воды, однакожъ для всѣхъ показалось весьма пріятно. Большая часть мѣсяца проведена въ законопачиваніи отверстій, сдѣланныхъ въ кораблѣ, въ исправленіи другихъ по-

врежденій и въ скидываніи съ него льду и снѣгу; всѣ, которые могли работать, трудились съ величайшею дѣятельностію. 28 го поваръ, поливая безпрестанно кипяткомъ оба насоса, привелъ ихъ въ состояніе дѣйствовать. 29 цѣлой день шелъ дождь; чему они весьма обрадовались, ибо думали, что уже кончилась зима и настаетъ прекрасное время года. Однако 30 и 31 было еще весьма холодно и шелъ градъ и снѣгъ, но дождикъ такъ ихъ обрадовалъ, что наканунѣ 1 го дня Маія они обмакивали сухари въ лучшіе напитки, какіе только имѣли, и пили въ веселіи передъ большимъ огнемъ за здоровье своихъ любовницъ.

Мало по малу наступала оттепель, когда насталъ Май, хотя 2 го числа еще было такъ холодно, что даже тѣ, которые были въ силахъ, боялись выходить. Больные, лежавшіе въ постелѣ почувствовали большую боль, которая увеличила ихъ скуку. 4 го снѣгъ началъ таять, и показались журавли и дикіе гуси, но такъ пугливы, что не льзя было къ нимъ подойти. Капитанъ и лѣкарь тщетно старались два часа застрѣлить нѣкоторыхъ, и съ чрезмѣрною усталостію и съ великою болью возвратились съ охоты. Они

ходили по растаявшему снѣгу и Жамесъ говоритъ, что онъ боялся лишиться отъ того ногъ. 6 го, они похоронили Ивана Варде, перваго товарища хозяинова, на вершинѣ песчанаго холма, названнаго Брандонскою высотою.

9 го, они вытащили изъ низу корабля 5 кадокъ говядины и свинины, 4 бочки пива и одну яблочнаго квасу, который къ щастію почти ни мало не испортился.

12 го, вытащили сундукъ съ сапогами, которыя всю зиму были въ водѣ: однакожъ они годились; ихъ тотчасъ высушили, и всѣ обулись. Нашли еще третьную бочку вина, которое также совсѣмъ замерзло; но болѣе всего имъ причинила печали потеря руля, которой тщетно они искали во льду, окружавшемъ корабль.

14 го, боцманъ при помощи нѣкоторыхъ трудился очищая ото льду снасти и канаты; а обручникъ, хотя еще былъ слабъ, здѣлалъ и поправилъ нѣсколько кадокъ. Капитанъ намѣренъ былъ, естьли не льзя будетъ иначе освободить корабль, протянуть подъ исподомъ нѣсколько канатовъ и поднять его на бочкахъ. Онъ въ тотъ же день надѣлалъ нѣсколько пулекъ

изъ старой мѣдной посуды и крышекъ съ пушечныхъ отверстій и пошелъ стрѣлять птицъ для подкрѣпленія больныхъ.

15 го, вскопалъ нѣсколько земли, на которой не было снѣгу, насѣялъ на ней гороху въ той надеждѣ, что можно будетъ нарвать зелени для экипажу, ибо со времени ихъ пребыванія на семъ островѣ они не видали никакихъ овощей, ни травъ.

18 го умеръ *Вильгельмъ Коле*, плотникъ, который передъ смертію своею почти совсѣмъ додѣлалъ пинку, очень соразмѣрно расположеную; она могла поднимать грузу до 40 бочекъ; дно имѣла въ 27 футовъ, въ самой большой ширинѣ 10 футовъ, и 5 футовъ въ глубинѣ дна. *Коле* похороненъ былъ по сторону хозяйскаго товарища на Брандонской высотѣ. Въ тотъ же вечеръ нашли тѣло канонера, умершаго за 6 мѣсяцовъ прежде: голова его была во льду подъ самыми корабельными портами; капитанъ велѣлъ его вытащить и похоронить вмѣстѣ съ другими. Замѣчено, что тѣло его совсѣмъ не имѣло худаго запаху и пластыри еще были у раны, и не видно было никакой въ тѣлѣ перемѣны, кромѣ того, что плоть отстала отъ

костей. Снѣгъ день ото дня опускался, но еще не примѣтно было, чтобъ ледъ тронулся въ заливѣ, хотя время часто было очень жалкое. Наконецъ 24 онъ началъ ломаться съ великимъ трескомъ, и вскорѣ послѣ того тронулся весь и былъ унесенъ съ прибывшею водою. Тогда-то узнали всю пользу сдѣланнаго около корабля оплоту, и что безъ того онъ неминуемо бы разбитъ былъ въ куски. Въ тотъ же день матросъ, по имени Давидъ *Гармонъ*, колотя пикою по льду, по щастію нашелъ руль и его вытащилъ. 30, они сѣли на барку и увидѣли, что проѣздъ отъ земли до корабля былъ совсѣмъ очищенъ, а сіе причинило величайшую радость всему экипажу. Тотъ же вечеръ нашли нѣсколько сѣменъ гороху и сварили его для больныхъ; приготовили парусы и оснастки, насушили рыбы и провѣяли запасы. Только Капитанъ да хозяинъ могли тогда ѣсть соленое.

Въ началѣ Іюня стало опять такъ холодно, что все въ хижинѣ замерзло; однако сіе не долго продолжалось. 11 го, послѣ пятидневной или шестидневной работы, удвоили свои усилія, чтобы утвердить руль. Горохъ, сбираемый ежедневно, варили для боль-

ныхъ; они ѣли его съ масломъ и уксусомъ; сіе кушанье доставляло имъ такую отраду, какую едвали можно вообразить. Мало по малу они выздоравливали; зубы окрѣплялись и опухоль десенъ чрезъ нѣсколько времени прошла, и вскорѣ стали въ состояніи ѣсть говядину.

10 го тогожъ мѣсяца была молнія и громъ; погода настала такая теплая, что многіе матросы забавлялись купаньемъ. Они находили въ болотахъ множество лягушекъ, но не смѣли ихъ ѣсть, боясь не жабы ли это. Земля покрылась муравьями, воздухъ наполнился бабочками и другими летающими насѣкомыми, а особливо комарами, которые чрезмѣрно безпокоили Англичанъ. Капитанъ Жамесъ думаетъ, что сіи животныя вылетаютъ изъ согнившихъ деревъ, въ которыхъ зимній холодъ оставляетъ ихъ въ бездѣйствіи,

17 го, снявши все съ корабля, они старались приподнять его, чтобъ стащить съ того мѣста, которое имѣло не болѣе полутора фута глубины. Поутру 20, имъ удалось привесть его на то мѣсто, на которомъ онъ въ прошедшемъ году стоялъ на якорѣ, прилагая всевожное стара-

нїе защитить его со стороны моря. 25 го, переносили на корабль нѣкоторыя провизїи, принуждены будучи таскать ихъ къ баркѣ разстоянїемъ на ружейной выстрѣлъ. 24 го, здѣлали они крестъ изъ наибольшаго изъ всѣхъ деревъ того острова, поставили на немъ портреты Короля и Королевы Англинскихъ, очень хорошо написанные, положивши ихъ въ свинцовой ящичекъ, чтобъ они не повредились отъ воздуха, а внизу изобразили титулъ Монарха въ такихъ выраженїяхъ: „Карлъ, Король „Англїи, Шотландїи, *Францїи*, и „Ирландїи, также *Новой Земли* и всѣхъ „земель къ западу до новой Албанїи „и къ сѣверу до 80 го градуса широты.„

Они привязали шилингъ къ свинцовой доскѣ и другую малую монету, тиснутыя штемпелемъ Короля Карла; внизу поставили гербъ его и города Бристоля, хорошо выгравированные на свинцѣ. Украсивши такимъ образомъ крестъ, поставили его на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ товарищи были похоронены, т. е. на Брандонской высотѣ, и тогда же торжественно приняли обладанїе надъ сею страною именемъ Его Британскаго Величества.

25 го, Боцманъ съ помощїю еще нѣкоторыхъ другихъ придѣлалъ оснастки

и расположилъ на бортѣ провизіи и другія нужныя вещи. Около 10 часовъ утра тогожъ дня, Капитанъ Жамесъ, въ сопровожденіи матроса, взялъ копье, мушкетъ и нѣкоторыя горючія матеріи для разведенія огня подлѣ одного превысокаго дерева, которое Англичане наименовали *древомъ наблюденія*, потому что они обыкновенно взлѣзали на него и смотрѣли оттуда, ибо видъ съ него далеко простирался. Намѣреніе Капитана клонилось къ тому, чтобъ узнать, не будетъ ли ему отвѣтствовано на сей огонь другимъ огнемъ, или какимъ либо знакомъ, дабы изъ того можно заключить, не обитаема ли которая нибудь часть сей страны.

Лишъ только онъ взобрался на верьхъ обсерваторіи, какъ примѣтилъ, что товарищъ его по глупости своей зажегъ нѣкоторые терновые кусты противъ вѣтру, отъ чего загорѣлся хворостъ, находящійся между деревьями; пламя распространилось съ величайшею скоростію, объяло и то дерево, на которомъ былъ Капитанъ и притомъ съ такою силою, что онъ едва успѣлъ сойти. Онъ долженъ былъ спрыгнуть даже съ опасностію себя изувѣчить, и хотя онъ спасался съ ве-

ликою скоростїю; однакожъ казалось, будто пламя преслѣдовало его повсюду. Пожаръ продолжался во всю ночь, и какъ вѣтеръ къ утру сдѣлался сильнѣе, то загорѣлась маленькая деревенька (естьли можно ее такъ назвать) корабельнаго экипажа. Уже почти совсѣмъ вынесли все, какъ пламя объяло хижину и магазинъ, и обратило ихъ тотчасъ въ пепелъ. Сей пожаръ распространился съ великимъ трескомъ на цѣлую милю и продолжался цѣлые два дни истребляя все, что ни попадалось. Ввечеру 26 Англичане всѣ были на кораблѣ, и почитали себя щасливѣе, нежели были прежде.

27 го, 28 и 29, они носили на корабль воду и лѣсу для топленїя, которой частїю былъ изъ пинки, разломанной ими на части, потому что она была уже имъ не нужна. Въ заливѣ не видно было тогда совершенно льду; вѣтеръ унесъ его къ сѣверу. Сїе время года было самое нездоровое; въ день зной, примѣтно умножавшїйся отъ песчаной земли, былъ несносенъ, а ночью пруды замерзали толщиною на дюймъ. Но всего безпокойнѣе было кусанье комаровъ, отъ которыхъ почти не возможно было избавиться. Одна-

кожъ люди сдѣлали себѣ мѣшки изъ лоскутковъ знамя, которое они для сего изорвали; не смотря на сїю предосторожность насѣкомыя находили пролазъ; отъ кусанья ихъ вскакивали пузырьки, причинявшїе несносной зудъ.

1 го Iюля, что было въ воскресенье, Англичане выставили на кораблѣ флагъ и украсили его сколько можно наилучшимъ образомъ.

Потомъ весь экипажъ съ церемонїею пошелъ на то мѣсто, гдѣ поставленъ былъ крестъ, который не подвергся пожару, потому что онъ стоялъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ кромѣ песку ничего не было. Они совокупно молились; молитвы читалъ Капитанъ, а послѣ обѣдали и проводили остатокъ дня всходя на возвышенныя мѣста. Слѣдуя исправнѣйшимъ наблюденїямъ, огонь распространился на 16 миль. Къ вечеру нашли траву, похожую на ложечную; множество ея нарвали и сваривши прїятнѣйшее составили кушанье.

Наконецъ рѣшились оставить совершенно сїю землю; но прежде отъѣзду Капитанъ сочинилъ краткое описанїе всей экспедицїи въ видѣ письма для наставленїя всякаго, кому слу-

чится пристать къ тому мѣсту. Онъ положилъ его въ свинцовой ящикъ и привязалъ ко кресту по ниже герба Королевскаго. Наконецъ всѣ сѣли опять на барку и не ходили болѣе въ Винтерскую рощу, иначе названную островомъ Шарлтономъ, каковое имя дали они ему вмѣсто прежняго 25 го Мая въ честь Принца Валлійскаго, бывшаго потомъ Королемъ подъ именемъ Карла II го.

Прежде нежели опишемъ возвращеніе Англичанъ въ отечество, за пристойное почитаемъ въ нѣсколькихъ словахъ дать понятіе о свойствѣ сего острова, на которомъ они зимовали и подробно описать, какія предосторожности принялъ Капитанъ и его товарищи для сохраненія своей жизни.

Мы уже замѣтили, что островъ Шарлтонъ находится на 51 град. и 52 мин. широты; хрящь его песчаной, и вѣтеръ подымаетъ песокъ какъ пыль, что весьма обезпокоиваетъ. Онъ покрытъ нѣкоторымъ мхомъ весьма блѣднозеленаго цвѣта, кустами хворостника и другими безплодными кустарниками, нѣсколькими кустами можжевельника и соснами, изъ коихъ самая толстая въ діаметрѣ не больше полутора фута. Англичане по при-

бытіи туда убили козу и нѣсколько еще ихъ видали; но послѣ уже очень мало попадалось.

Видали также два или три сорта родовъ четвероногихъ животныхъ, кромѣ медвѣдей и лисицъ; нѣсколько дюжинъ изъ сихъ послѣднихъ убили или поймали живыхъ, и варили ихъ для больныхъ въ Маѣ мѣсяцѣ; видали также утокъ, дикихъ гусей и бѣлыхъ куропатокъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ убили, но только мало, потому что порохъ у нихъ истощился. Рыба повидимому совсѣмъ не водится въ семъ климатѣ и они не видали никакихъ ея признаковъ, кромѣ пустыхъ раковинъ.

Мѣсто, избранное Жамесомъ для зимованья, была рощица (естьли можно ее такъ назвать), состоящая изъ очень густыхъ деревъ, съ маленькимъ холмикомъ, защищавшимъ его отъ жестокости сѣвернаго вѣтра. Сперва встрѣтились ему великія затрудненія въ основаніи тамъ жилища; тщетно онъ покушался вырыть себѣ погребъ, ибо всегда находилъ воду на глубинѣ двухъ или трехъ футовъ. Онъ не могъ сдѣлать каменныхъ стѣнъ, потому что малое число камней, видѣнныхъ имъ съ начала на семъ островѣ, были

скоро занесены снѣгомъ; изъ земли же не льзя было ему сдѣлать кирпичу, потому что она, какъ сказано было, песчана. Англичане сколько можно помогли сему неудобству, вколотивъ бревны весьма часто и тѣсно съ очень частыми решетками, которыя служили стѣною и защищали отъ суровости времени. Сїе строенїе было вышиною около 6 футовъ и на обѣихъ краяхъ оставлено было отверстїе, которое проходило до верьху; оно служило къ пропущенїю свѣта, дыму и оставляло свободу для выходу и входу. Въ недальномъ разстоянїи вкопали еще нѣсколько столбовъ по 6 футовъ вышиною, съ шестью бревнами поперегъ ихъ, извнѣ и извнутри хорошо переплетенныхъ хворостомъ, а сверьхъ всего наложили маленькїе и большїе парусы, достававшїе до земли и споспѣшествовавшїе много къ удержанїю тепла. Сїя хижина была почти четвероугольная по 30 фут. длиною въ каждую сторону, очагъ былъ по срединѣ, а около огня поставили матросы свои кроватки на столбахъ вышиною въ футъ, гдѣ они разослали подставные парусы вмѣстѣ съ постѣлями и одѣялами. Они наклали на земли досокъ, чтобъ защитить какъ

нибудь внутренность своего жилища отъ сырости.

На 20 фут. разстоянія отъ сей хижины поставили они другую, не такъ обширную, изъ кучи ящиковъ отъ юга вмѣсто столбовъ; тутъ приготовляли кушанье, а низшіе изъ экипажу проводили тамъ большую часть дня.

На 20 шаговъ подалѣе былъ магазинъ, въ которомъ хранился хлѣбъ, рыба и другіе запасы: вышиною отъ земли на два фута, чтобъ ихъ держать всегда въ суши. Сіе послѣднее строеніе было сдѣлано изъ большаго дерева, поддерживаемаго решетинами и крѣпкими вѣтьвями, и все покрыто парусами.

Припасы ихъ состояли въ солонинѣ, свининѣ и рыбѣ, которыхъ у нихъ было покрайней мѣрѣ на 8 мѣсяцовъ, зберегая тщательно, такъ какъ они и дѣлали. Вотъ распоряженіе, которое наблюдалъ поваръ въ пищѣ.

Въ воскресенье давалъ онъ имъ свинины и гороху, къ ужину супу и говядины вареной и посоленой еще въ субботнюю ночь; разогрѣтая похлебка составляла прекрасное крѣпительное; потомъ блюдо рыбы. Равнымъ обра-

зомъ и въ прочіе дни старались готовить говядину наканунѣ въ ночь.

А тѣ, которые не могли ѣсть такого кушанья, по причинѣ боли во рту, ѣли овсяную кашу, или хлѣбъ тертой съ масломъ, къ чему иногда прибавляли гороховой жижи. Обыкновенное питье ихъ была вода; а больнымъ и слабымъ давали каждое утро по мѣркѣ Аликантскаго вина съ рюмкою водки. Сіи напитки потеряли почти весь свой спиртъ отъ морозу, отъ котораго уберечь ихъ не можно было. Когда они хотѣли повеселиться, то клали кружку вина въ 7 кружекъ воды и сей легкій напитокъ производилъ въ нихъ бодрость и возбуждалъ къ веселости.

Въ понедѣльникъ 2 го Іюля весь экипажъ былъ въ готовности весьма рано, и Капитанъ увидя, что все исправно, велѣлъ поднять якорь. Англичане отправились съ величайшею радостію и направили свой путь къ острову Данби при Сѣверо-Западномъ вѣтрѣ, чтобы тамъ запастись лѣсомъ. Корабль, будучи исправленъ во всѣхъ поврежденіяхъ, плылъ легко, и въ состояніи былъ совершить предпринятое путешествіе.

Между тѣмъ какъ матросы заготовляли бревна на островѣ Данби,

Капитанъ вытащилъ нѣсколько кольевъ, которые, какъ ему показалось, были обвострены топорами или другими желѣзными орудїями. Казалось также, что они вколочены были обухомъ сихъ орудїй, и на такомъ мѣстѣ, гдѣ находились видимые признаки огня.

Сїе открытїе возбудило въ Жамесѣ сильное желанїе, найти дикихъ и поговорить съ ними, надѣясь получить отъ нихъ свѣдѣнїе о свойствѣ сей земли, а паче чаянїя открыть и нѣкоторую торговлю, выгодную для отечества. Однакожъ онъ не могъ въ этомъ успѣть, и не нашелъ никакихъ жителей.

Въ 4 часа по полудни Капитанъ возвратился на бортъ, и какъ дулъ еще вѣтеръ ему противный, то онъ бросилъ якорь на эту ночь не подалеку отъ Шарлтона. На другой день поплылъ къ Западу. Къ полдню нашелъ въ сѣверной сторонѣ множество льду и чрезъ нѣсколько времени примѣтилъ, что вся земля къ Западу была онымъ покрыта. Каналъ, по которому онъ плылъ, былъ очень опасенъ, по причинѣ камней и мѣлей, которые принуждали непрестанно мѣрять глубину.

Съ 5 го по 21 Англичане очень мало переѣхали, будучи задерживаемы густыми туманами, которые почти ихъ ослѣпляли, и льдомъ шедшимъ такъ сильно, что они безпрестанно боялись, чтобъ корабль не разбило на части. Онъ преодолѣвалъ его своею легкостїю; слуховыя окны всегда были открыты, дабы матросамъ можно было смотрѣть безпрестанно во внутрь судна, и тотчасъ подать помощь, естьли что повредится.

22 го послѣ бурной ночи и густаго туману они увидѣли землю и узнали мысъ Марїи Генрїетты; стали тутъ на якорь, и Капитанъ въ сопровожденїи нѣсколькихъ служителей сошелъ на землю съ ружьями и собаками, въ надеждѣ поймать или убить нѣсколько козъ. Они видѣли многїя стада ихъ, но никакъ не могли ихъ подстеречь; сїи животныя всегда были далѣе ружейнаго выстрѣла и легко убѣгали отъ собакъ. Жамесъ оставилъ на островѣ привезенныхъ съ собою пару собакъ, почитая за безполезное держать ихъ на кораблѣ, ибо онъ взялъ ихъ только для охоты, къ которой они ни мало не годились, а сверхъ того часто таскали пищу, въ

которой сами путешественники имѣли недостатокъ.

Ввечеру Англичане возвратились на корабль и пустились опять въ море при попутномъ южномъ вѣтрѣ. Имъ повстрѣчалось много изломаннаго льду, показались мѣли, отъ которыхъ однако они удобно освобождались, уклоняясь нѣсколько на сѣверъ. Но болѣе всего безпокоилъ ихъ частой ледъ, на нихъ шедшій; всѣ матросы принуждены были войти на палубу съ шестами, довольно тяжелыми, такъ что четверо управляли однимъ: впрочемъ они защищались ими ото льду довольно хорошо, хотя онъ и превозмогалъ иногда силою своею совокупную ихъ силу и ударялъ въ бока корабля, и притомъ такъ шибко, что два шеста изломались. Въ этомъ положеніи находились они шесть недѣль и каждой день подвержены были жестокимъ нападеніямъ льда, отъ котораго иногда спасались помощію парусовъ, а иногда бросая якори, естьли были на чистомъ морѣ. Въ иной день они бывали окружены со всѣхъ сторонъ льдомъ, а въ другой подымался такой сильной вѣтеръ, что не могли надѣяться пробыть ни часа на открытой водѣ. Ночи такъ были темны,

что не удобно было управлять кораблемъ, да и днемъ не меньше находили въ томъ препятствій, по причинѣ густаго туману.

Ночи были очень долгія и такъ холодны, что почти не можно было дотронуться до парусовъ и канатовъ. Часто уносимы были силою вѣтровъ, которымъ не льзя было сопротивляться; одинъ разъ вѣтеръ чрезъ цѣлые три дни угрожалъ погубить ихъ каждую минуту. Зима, казалось, была еще во всей своей силѣ и море такъ наполнено льдомъ, что не оставалось другой надежды, кромѣ какъ опять войти въ Гудзонской заливъ, а для достиженія сего надобно было, чтобы погода сдѣлалась способнѣе и море свободнѣе, чего имъ не льзя было надѣяться. Корабль находился въ такомъ худомъ положеніи, что надобно было безпрестанно работать насосомъ, каковой трудъ былъ для нихъ чрезвычайно отяготителенъ; удары, полученные имъ отъ льду и камней, такъ его повредили, что за безразсудное казалось долѣе повѣрять ему жизнь свою.

Все сіе побудило Офицеровъ просить формально Капитана, обратить путь свой въ Англію, потому что

ясно было видно, что нельзя никакой получить пользы отъ дольжайшаго странствованія по симъ морямъ. 26 Августа они подали ему прозьбу за подписаніемъ всѣхъ. Въ слѣдствіе чего Жамесъ отдалъ приказъ кормчему сѣсть къ рулю и перемѣнить совсѣмъ свой путь.

27 го, вѣтеръ поворотилъ къ Сѣверо-Западу; настала самая суровая погода, и нападало много снѣгу; около корабля проходили такія огромныя льдины, что иныя вышиною равнялись съ большою мачтою.

31 го, они находились въ самой сторонѣ пролива и увидѣли землю, покрытую льдомъ, а особливо съ этой стороны, по которой плыли.

Первые дни Сентября они благополучно вышли изъ пролива, однакожъ вѣтры, всегда перемѣнные, не переставали дуть. Холодъ былъ такой рѣзкой, что матросы почти не могли поутру всходить на мачты и дѣлать повороты. 8 го, море весьма поднялось; они испытали тѣ порывы вѣтра, которые мореходцы называютъ шавалами, и корабль такъ былъ разстроенъ качаніемъ, что непрестанно боялись потерять мачты. Пазы со всѣхъ сторонъ открылися, и въ корабль столько

налилось воды, что не льзя было оставить насосу. Но по прошествіи сего дня они не видали болѣе льду.

Наконецъ вѣтеръ былъ попутный и корабль въ продолженіи своего пути не встрѣтилъ ничего достойнаго примѣчанія, и сталъ на якорь въ Бристольской рейдѣ. Прибытіе ихъ столько же причинило удивленія, сколько и удовольствія; всѣ весьма жалѣли о ихъ жребіи. Но удивленіе удвоилось, когда корабль введенъ былъ въ пристань и вытащенъ на берегъ. Не говоря о другихъ поврежденіяхъ, онъ потерялъ 14 футовъ килю, корму почти всю, большую часть дублюра, бока со всѣхъ сторонъ были вогнуты, а въ одномъ мѣстѣ на полтора дюйма ниже дублюровъ на сквозь пробиты. —

Путешествіе Капитана Жамеса не имѣло желаемаго успѣха, но онъ сдѣлалъ знатное присовокупленіе къ открытіямъ Буттона, Гудзона и Баффина; сверхъ того учинилъ много важныхъ наблюденій. За что Англійская нація поставила его въ числѣ славнѣйшихъ мореходцовъ по Сѣвернымъ морямъ.

Описаніе сего путешествія было издано вскорѣ послѣ его возвращенія и принято публикою съ величайшею жад-

ностію; но затрудненія, встрѣченныя имъ въ путешествіи, заставили его по видимому перемѣнить прежнія мысли, и онъ удостовѣрился, что не возможно найти проѣзда по Сѣверо-Западу. Въ этомъ съ нимъ не согласенъ Капитанъ Фоксъ, безъ сомнѣнія потому, что одинъ изъ нихъ дѣлалъ наблюденія болѣе въ Сѣверной части Гудзонскаго залива съ Западной стороны, а другой болѣе къ Сѣверо-Востоку и внутри залива. Жамесъ положительно объявилъ въ своемъ Журналѣ, что плодъ его трудовъ былъ только тотъ, что онъ узналъ или что нѣтъ никакого проѣзда, или ежели и есть, то долженъ быть въ такомъ неспособномъ мѣстѣ, что мало бы пользы было его *открывать*. Какъ бы то ни было, его свидѣтельство и описаніе всѣхъ ужасовъ, какимъ онъ былъ подверженъ, столько перемѣнили охоту къ открытіямъ въ Англичанахъ, что около 30 лѣтъ они были въ бездѣйствіи.

Къ наблюденіямъ Капитана Жамеса о Гудзонскомъ заливѣ присовокупимъ нѣсколько другихъ, въ разсужденіи дѣйствительнаго его состоянія:

они могутъ подать читателямъ общее понятіе о семъ заливѣ.

Гудзонской заливъ, самой важной изъ всѣхъ въ Сѣверной Америкѣ, исключая одного можетъ быть Баффинова, былъ такъ наименованъ Генрихомъ Гудзономъ (2) славнымъ и нещастнымъ Англинскимъ мореходцомъ, который открылъ его въ 1607 году. Сей заливъ простирался отъ Сѣвера къ Югу отъ острова Рѣшимости между 74 градусомъ полюснаго возвышенія и 51 мъ. Онъ простирается внутрь земли почти на 300 миль, ширина его не равна: при входѣ имѣетъ 200 миль, но далѣе внутрь уменьшается даже до 55 миль.

Окружности Гудзонскаго залива представляютъ ужаснѣйшій видъ; съ которой стороны на нихъ ни посмотришь, вездѣ видны необработанныя земли и неспособныя къ воздѣлыванію, высунувшіеся камни, возвышающіеся до облаковъ, наконецъ глубокіе рвы и безплодныя долины, въ которыя солнце не проницаетъ и которыя покрыты снѣгомъ и льдинами. Море въ семъ заливѣ почти никогда не бываетъ чисто, развѣ только съ начала Іюня, до конца Сентября; но даже и въ сіе время часто попадаются огромныя

льдины, приводящія корабль въ величайшія опасности.

По обѣимъ берегамъ землю населяютъ Дикіе, мало извѣстные. Полуденная сторона наименована землею Лабрадора, а Сѣверная имѣетъ столько названій, сколько проѣжжало тамъ мореплавателей, приписывающихъ себѣ честь ея открытія. На западной сторонѣ находится Портъ-Нельсонъ; Англичане построили тамъ крѣпость и всей землѣ дали названіе новаго Герцогства Валлійскаго.

Болѣе всего привлекаетъ Европейцовъ въ сію столь безплодную страну то, что ни въ одной землѣ, лежащей къ Сѣверному полярному кругу, торговля мѣхами не производится съ такою выгодою, какъ тутъ. Кромѣ того, что мѣхи тамъ самые лучшіе изъ всѣхъ привозимыхъ изъ Канады, они стоютъ дешевлѣ, по причинѣ бѣдности Дикихъ, особливо тѣхъ, которые приходятъ въ Портъ-Нельсонъ.

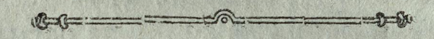
Лучшіе товары, привозимые въ Гудзонской заливъ Европейцами, суть ружья, порохъ, свинецъ, сукна, топоры и табакъ, на которые они вымѣниваютъ у Дикихъ разные мѣхи.

Не льзя оспорить той чести у Генриха Гудзона, что онъ открылъ

сей заливъ и далъ ему свое имя; однако и то довольно извѣстно, что онъ занимаясь единственно тѣмъ, какъ бы найти проѣздъ въ Восточную Индїю чрезъ Сѣверъ, никогда не думалъ тамъ поселиться. Уже въ 1667 мъ, по свидѣтельству самихъ Англичанъ, *Захарїй Жиламъ* построилъ на берегу Рюперта крѣпость, которую наименовалъ Шарлъ-Фортомъ. Таковое предпрїятїе Французы почли за насилїе; по чему дѣйствительно въ 1659 году одинъ Офицеръ, по имени Бурдонъ, былъ посланъ въ Гудзонской заливъ съ тѣмъ, чтобъ владѣнїе онаго оставить за Францїею. Селенїе, которое онъ тамъ основалъ, было поддерживаемо нѣсколько времени, но по нерадѣнїю ихъ Англичане завладѣли заливомъ и тамошнею торговлею. Однако въ скоромъ времени опять выгнаны были оттуда Французами, которые тамъ держались до 1714 году; но потомъ Утрехтскимъ миромъ сїя страна уступлена Англїи вмѣстѣ съ Акадїею и островомъ Терре-Невомъ.

Нынѣ имѣютъ Англичане въ Гудзонскомъ заливѣ четыре селенїя слѣдующїя: крѣпость *Іоркъ*, крѣпости *Чургилъ*, св. *Албана* и рѣку *Моозъ*; первое почитается важнѣйшимъ.

Вся торговля въ семъ заливѣ производится Англїйскою Компанїею, извѣстною подъ именемъ *Компанїи Гудзонскаго залива.* Она составилась въ 1670мъ году подъ покровительствомъ Карла IIго, Англїйскаго Короля. Сей даровалъ ей дипломъ 2го Мая тогожъ года. Первые барыши на капиталъ простирались по 300 на 100.

Примѣчанїя.

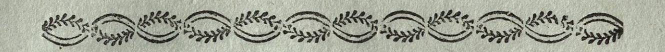
(1) Капитанъ Фоксъ находился въ сихъ водахъ еще цѣлой мѣсяцъ Сентябрь дѣлая наблюденїя; но при наступившей зимѣ, не имѣя надежды найти этотъ годъ проѣзду, возвратился благополучно изъ Гудзонскаго пролива въ началѣ Октября. Въ концѣ онаго же мѣсяца прибылъ онъ при попутномъ вѣтрѣ щастливо въ Дюны. Сей искусный мореходецъ тотчасъ по возвращенїи своемъ обнародовалъ описанїе своего путешествїя. Онъ за неоспоримое поставляетъ, что высокїе приливы, какїе онъ замѣтилъ при Велкомѣ де Томасъ Рое, или *Ne ultra de Button*, не могутъ никакъ приходить чрезъ Гудзонской проливъ, а должны происходить отъ какого нибудь восточнаго

моря или того самаго, которое называется Южнымъ. Онъ означаетъ съ великою вѣроятностїю ихъ теченїе. По наблюденїямъ своимъ Фоксъ увѣряетъ, что проѣздъ можно дѣйствительно найти; но онъ не можетъ положить точно той стороны, съ которой должно его искать. „Найдено будетъ, говоритъ онъ, широкое отвер„стїе въ умѣренномъ климатѣ.„ Сїе онъ основываетъ на собственномъ наблюденїи, замѣтивъ, что чѣмъ далѣе онъ подвигался къ Сѣверу Гудзонскаго залива, тѣмъ теплѣе примѣчалъ погоду и на морѣ меньше льду.

(2) *Генрихъ Гудзонъ*. „Никто ни„когда лучше не зналъ искуства море„плаванїя, говоритъ *Еллисъ* въ опи„санїи его путешествїя въ Гудзонской „заливъ: его мужество испытано сре„ди всякихъ нещастїй, а тщанїе было „неутомимо.„ Гудзонъ предпринималъ многїя путешествїя для изысканїя проѣзду въ Восточную Индїю чрезъ Сѣверъ, и въ сихъ различныхъ странствованїяхъ онъ здѣлалъ много открытїй и важныхъ наблюденїй. Въ 1610 году сей нещастный Капитанъ долженъ былъ зимовать на Югозападномъ берегу сего залива, которому онъ далъ свое

имя. По возвращеніи весны онъ располагался возвратиться въ Англію; въ сіе-то время сдѣлался добычею ужаснаго заговора составлявшихъ экипажъ. Злодѣи сіи, лютѣйшіе дикихъ звѣрей, оставили его въ корабельной шлюбкѣ съ сыномъ, молодымъ еще человѣкомъ, Г. *Вудгузомъ*, Математикомъ, который путешествовалъ волонтеромъ, съ плотникомъ и пятью другими, не давъ имъ ни оружій, ни припасовъ. Послѣ сего ничего о нихъ не извѣстно: вѣроятно, что они умерли съ голоду на семъ безплодномъ берегу, или умерщвлены Дикими.

IV.

ЗИМОВАНЬЕ

Седми Голландцевъ на островѣ Сентъ Морисъ въ Гренландіи, оставшихся на ономъ добровольно и умершихъ тамъ въ началѣ Мая мѣсяца 1634 года.

Гренландская Компанія Голландцовъ рѣшилась сколько возможно далѣе простирать свои открытія въ той странѣ, отъ которой она получила свое званіе, и дѣлать тамъ наблюденія въ разсужденіи перемѣнъ времени и другихъ частей, могущихъ споспѣшествовать успѣхамъ въ Астрономіи и пользѣ торговли; почему семеро Голландцевъ бодрыхъ и отважныхъ вызвались ѣхать туда на всю зиму и вести исправный журналъ всему тому, что тамъ замѣтятъ.

На сей конецъ оставили ихъ на островѣ Сентъ Морисъ (1) въ Гренландіи. 26 го Августа 1633 го, флотъ снялся съ якоря и отправился въ Голландію по Сѣверо-Восточному вѣтру и при возвышеніи моря, что продолжалось до другаго дня. 27 го, семеро оставленныхъ примѣтили, что ночью не было

ни малой темноты. 28 го шло много снѣгу; они раздѣлили на каждаго человѣка по полуфунту табаку, на цѣлую недѣлю. Къ вечеру вышли для наблюденій, но не видали ничего примѣчанія достойнаго.

29 го, день былъ очень ясной и свѣтило солнце; они усмотрѣли Медвѣжью гору, смотря съ вершины другой горы, на которую часто въ способное время всходили. Ночь 30 го была очень темна, а 31 свѣтла: звѣзды сіяли и вѣтеръ дулъ Сѣверо-Восточный. Съ 1 го Сентября до 7 го, время было довольно сносно, хотя и часто шелъ дождь и снѣгъ. 8 го, вѣтеръ поворотилъ къ Юго-востоку, и поутру шелъ сильной дождь, но послѣ полудня прояснилось и продолжалось сіе до ночи, которая была свѣтлая и звѣздная. Въ эту ночь они были испуганы страшнымъ шумомъ, произшедшимъ какъ бы отъ паденія чего нибудь черезмѣрной величины неподалеку ихъ; но сколько ни изыскивали причины сего явленія, однако не могли найти.

Объясненіе сего явленія, случающагося довольно часто въ ближнихъ къ полюсу странахъ, находится въ описаніи Гренландіи, обнародованномъ

Гм. Кранцомъ, Датскимъ миссіонеромъ, посланнымъ въ Гренландію. „Часто видимы бываютъ, говоритъ сей просвѣщеннѣйшій священникъ и искусный наблюдатель, величайшія громады льду, какъ бы висящія и прицѣпившіяся къ утесамъ. Когда сіи льдины съ исподи отъ теплоты земли весною или лучше сказать по той странѣ, лѣтомъ подтаиваютъ, тогда ледъ обрушиваясь отъ тяжести разламывается, падаетъ и катится глыбами съ страшнымъ трескомъ. Когда сіи громады, вися надъ пропастью, падаютъ въ оную или въ заливъ, въ которомъ разламываются на многія части, тогда слышимы бываютъ удары, подобные грому; даже на морѣ чувствуется колебаніе толь сильное, что малыя суда, находящіяся по случаю близко около береговъ, бываютъ иногда потопляемы вмѣстѣ съ Гренландцами, рыбу ловящими.„

9 го такъ солнце палило, что они для прохлажденія раздѣлись до рубашекъ: однакожъ поутру шелъ дождикъ и таковыя перемѣны часто случались до 17 го; въ сіе время собирали они травъ для саладу и видали много рыболововъ. Вѣтръ поворотилъ къ Юго-Западу, море покрылось пѣною; однако

ночь была очень тиха. 18 го, шло много дождя, и въ тотъ же день на каждаго дали по мѣркѣ водки на 11 дней.

23 го, воздухъ былъ очень сыръ и тяжелъ, хотя вѣтеръ дулъ съ востока. Они видѣли кита, игравшаго подлѣ берега и бросились для преслѣдованія его; но время скоро перемѣнилось; поднявшійся густой туманъ съ дождемъ воспрепятствовалъ имъ поймать его. 26 го, воздухъ былъ очень холоденъ, шелъ градъ и они не сыскали уже саладу; холодные дожди и сильные вѣтры, дувшіе съ разныхъ сторонъ, заставили ихъ сидѣть дома.

2 го, Октября они нашли прекрасный источникъ съ весьма чистою водою въ полуденной части острова, и морозъ такой былъ сильной, что по льду на лужахъ, даже съ южной стороны, можно было ходить. Въ слѣдующіе два дни было морозно; но 5 го, по поворотѣ вѣтра къ Югу, шелъ такой сильной дождь, что не льзя было выходить изъ палатокъ. Однакожъ на другой день поутру опять заморозило, а въ ночь 8 го, былъ очень сильной ураганъ, такъ что они боялись, чтобы не снесло палатокъ; жестокость вѣтровъ и страшной шумъ волнующагося моря препятствовалъ имъ спать

во всю эту ночь; вѣтеръ поворотилъ съ Сѣвера на Сѣверо-Востокъ и былъ такъ порывистъ, что никакой корабль не могъ бы противъ его итти.

Холодъ принудилъ ихъ тогда развесть огонь, и сидѣть въ заперти. Они должны были даже развѣсить передъ огнемъ свое бѣлье для высушки, потому что на воздухѣ оно дѣлалось въ одну минуту такъ твердо, какъ колъ. Они чрезвычайно изнемогли и часто терпѣли обмороки.

12 го, былъ сильной вѣтеръ и морозъ, много шло снѣгу, и медвѣжье мясо замерзло за 6 футовъ отъ огня. 15 го, вооружившись баграми, копьями, кортиками и другимъ оружїемъ, пошли для нападенїя на двухъ китовъ, выброшенныхъ на берегъ; но вода прибыла съ такою скоростїю, что унесла съ собою сихъ животныхъ, хотя они были уже ранены.

19 го, Сѣверная часть берега покрылась льдомъ, и хотя солнце было еще на горизонтѣ, но лучи его не простирались чрезъ то возвышенїе, при которомъ они поставили свои палатки.

20 го, попался имъ медвѣдь, но не могли его убить, хотя нѣсколько разъ ударяли въ него довольно сильно. Имъ казалось, что ледъ на морѣ умножал-

ся, вѣтеръ продолжалъ дуть съ Востока и ночь была чрезвычайно холодна. 23 го, они гонялись за другимъ медвѣдемъ, прибѣжавшимъ къ ихъ палаткамъ; но онъ ушелъ отъ нихъ. Снѣгъ продолжалъ итти всякой день, хотя иногда и солнце свѣтило и была хорошая погода. Впрочемъ холодъ увеличивался болѣе и болѣе, и 23 го, такъ былъ силенъ, что разорвало много сосудовъ съ напитками; уже нигдѣ не видно было воды: какъ заливъ, такъ и море было покрыто льдомъ на все то пространство, сколь далеко проницалъ взоръ.

2 го Ноября, шесть или семь медвѣдей вмѣстѣ пришли къ ихъ палаткамъ; одного изъ нихъ убили, а прочїе убѣжали, какъ скоро увидѣли, что одинъ упалъ, и спаслись на ледъ, куда не льзя было за ними гнаться. Сїи плотоядныя животныя въ такомъ множествѣ ходили около палатокъ, что Голландцы опасались выходить. Они должны были развести большой огонь въ погребѣ, чтобъ пиво и другїе напитки не пропали отъ стужи. 3 го, видя что погода стала посноснѣе, стрѣляли по волку, убили его и втащили толстою веревкою въ палатку. 5 го, шелъ снѣгъ такой сильной и вѣтеръ

былъ такъ рѣзокъ, что не возможно было выходить. Съ сего времени рыболовы скрылись, вода совсѣмъ замерзла и Голландцы должны были употреблять въ питье таяной снѣгъ.

Съ 19 го, дни стали такъ коротки, что въ палаткахъ темно было читать и писать, что погрузило всѣхъ въ глубокую печаль. 23 го, стрѣляли по медвѣдю, но онъ ушелъ на ледъ, хотя и глубоко былъ раненъ, судя по кровянымъ слѣдамъ, оставленнымъ на дорогѣ: сїе животное такъ сильно, что прострѣлено будучи насквозь, можетъ еще долго бѣжать.

26 го, вѣтеръ поворотилъ къ Югу; время довольно было тихо и ледъ прогнало изъ залива въ Океанъ. За два или три дня они видѣли еще нѣсколько рыболововъ, при наступленїи ночи удалившихся въ горы. Въ концѣ сего мѣсяца и въ началѣ Декабря время такъ было сносно, что они начали думать, что зима не суровѣе тутъ бываетъ, какъ обыкновенно въ Голландїи; но 8 го, холодъ опять возвратился съ Сѣверо-Восточнымъ вѣтромъ и ледъ началъ показываться со всѣхъ сторонъ въ большемъ количествѣ.

Съ нѣкотораго времени не льзя имъ было убить медвѣдей, ибо сїи живот-

ныя такъ были осторожны, что нельзя было къ нимъ подойти; даже когда и удавалось ранить инаго, то и сей скрывался между льдинами. 12 го же, нѣкоторому Голландцу такъ удалось одного ранить, что онъ издохъ на мѣстѣ: лядвею его изжарили, и она показалась имъ очень вкусна, потому что они издавна ѣли только солонину; а какъ сей медвѣдь былъ и молодъ, то мясо еще было лучше.

17 го, принесено было въ заливъ великое множество льду Южнымъ сильнымъ вѣтромъ, отъ котораго множество рыболововъ съ горъ попадало; они подняли такой же шумъ, какъ бываетъ въ Голландїи въ Маѣ мѣсяцѣ. 21 го, морозъ былъ очень силенъ, снѣгъ покрылъ землю довольно глубоко, такъ что они должны были надѣвать сапоги, когда выходили. День продолжался только четыре часа, но по большей части въ Декабрѣ мѣсяцѣ время было такъ худо, что безвыходно сидѣли запершись въ палаткахъ.

Новый годъ начали весело, сколько по обстоятельствамъ было возможно, и отправили, какъ должно, Божїю службу. Холодъ былъ нестерпимъ и ледъ въ заливѣ, сверху ихъ пала-

токъ, представлялся имъ подобно навислымъ огромнымъ холмамъ. 13 го, увидѣли предъ собою медвѣдя; одинъ изъ стрѣлковъ проворно свалилъ его ружейнымъ выстрѣломъ: веревками втащили его въ палатку, изъ которой не смѣли выходить; содрали съ него кожу, приготовили къ столу, и это было отмѣннымъ ихъ кушаньемъ.

Весь Генварь снѣгъ не переставалъ итти; стужа была весьма пронзительна и время очень сурово, что продолжалось до половины Февраля. 16 го числа сего мѣсяца видѣли они сокола и двухъ дикихъ птицъ, похожихъ довольно на гусей, но ни одна не была на ружейной выстрѣлъ. Самые медвѣди, какъ бы научившись изъ того, какъ съ ихъ товарищами поступали, чего и имъ ожидать должно, сдѣлались такъ осторожны, что только издали можно было на нихъ глядѣть. Прочее время мѣсяца было весьма перемѣнчиво; Южной вѣтеръ сдѣлалъ нѣсколько оттепелей, а Сѣверо-Восточный, возвращавшійся всегда скоро, сопровождаемъ былъ съ большею вдвое стужею.

1 го Марта, солнце начало нѣсколько освѣщать ихъ палатки и къ вечеру

шелъ дождь; но потомъ сдѣлалось холодно, что и продолжалось до 11 го числа. Тогда воздухъ сдѣлался тихъ, погода пріятна и солнце производило нѣкоторую теплоту, что продолжалось нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ вѣтеръ дулъ Южный.

15 го, Голландцы убили медвѣдя, кожу его развѣсили сушить, а мясо слегка посолили, потому что не могли безъ того его ѣсть. Свѣжее мясо тогда для нихъ было очень полезно, какого бы роду оно ни было, потому что на всѣхъ на нихъ напалъ скорбутъ, мучившій ихъ чрезвычайно: и такъ они весьма обрадовались, поймавши въ сѣти нѣсколько лисицъ. Время было довольно хорошо во весь мѣсяцъ, и дни становились очень ясны, но умноженіе болѣзни и недостатокъ свѣжей пищи повергло ихъ въ уныніе. 28 го и 29 го, они видѣли въ заливѣ китовъ чрезвычайной величины и въ такомъ множествѣ, что естьлибъ у нихъ довольно было силъ и способныхъ орудій, то великой бы могли снискать прибытокъ; но то положеніе, въ какомъ они находились, не позволяло имъ ничего предпринимать. Они видѣли также много другихъ рыбъ. 31 го, стрѣляли по медвѣдицѣ, шедшей съ дѣтьми, но

не могли убить. Въ заливѣ еще было 4 или 5 китовъ, которыхъ отливъ оставилъ почти на сушѣ; хотя бы и совсѣмъ были на сушѣ, то Голландцы не могли бы получить изъ того никакой пользы, потому что не имѣли довольно силъ напасть на нихъ.

3 го Апрѣля такъ они были мучимы скорбутомъ, что только двое осталось, которые могли держаться на ногахъ; закололи двухъ остальныхъ цыплятъ, и дали ихъ своимъ товарищамъ, чтобы чрезъ сїе подать имъ хотя нѣкоторое облегченїе. Почти каждой день въ этомъ мѣсяцѣ они видали китовъ; но погода была еще очень холодна, потому что вѣтеръ дулъ съ Сѣверо-Востока и почти невозможно было выходить изъ палатки, по причинѣ умножавшейся день отъ дня болѣзни. 16 го, такъ называемый ихъ Секретарь, писавшїй Журналъ, умеръ. 23 го, шло нѣсколько дождя при поднявшемся Южномъ вѣтрѣ; состоянїе ихъ было столь плачевно, что не осталось ни одного, которой бы могъ доставить вспомоществованїе своимъ товарищамъ; одинъ, могшїй нѣсколько двигаться, ходилъ однакожъ съ величайшимъ трудомъ.

23 го, умеръ ихъ начальникъ. 27 го, убили собаку, которая для нихъ была довольно худымъ кушаньемъ. Ночь была прекрасная, хотя время казалось пасмурно; стало и нѣсколько теплѣе. 28 го, ледъ прошелъ въ море и заливъ былъ совсѣмъ чистъ. 29 го, время было днемъ пасмурно, и Сѣверной вѣтръ дулъ съ довольною силою; ночью поворотилъ къ Сѣверо-Востоку и сдѣлался еще сильнѣе. 31 го, время стало хорошо и день былъ отмѣнно ясной.

Въ семъ мѣстѣ Журналъ оканчивается; онъ найденъ былъ нѣкоторыми людьми, бывшими на Зеландскихъ корабляхъ, шедшихъ въ этомъ же году съ Гренландскимъ флотомъ. Конецъ сего Журнала едва было можно читать: вѣроятно, что продолжавшїй его писать не могъ долѣе держать пера и удалился въ хижину, гдѣ предалъ душу свою въ руки Создателя.

Какъ скоро флотъ былъ въ виду острова Сентъ-Мориса, куда онъ прибылъ 4 го Іюня 1634 го, то мореходцы поспѣшили сойти на берегъ для посѣщенїя товарищей, хотя и мало надѣялись увидѣть ихъ опять, не нашедши на берегу. Вошедши въ палатки, нашли сихъ нещастныхъ мертвыхъ, лежащихъ на постеляхъ. Они дума-

ютъ, что тѣ, которые прожили долѣе Журналиста, умерли въ началѣ Мая; подлѣ одного лежало не много хлѣба и сыру, который онъ конечно ѣлъ за нѣсколько времени до смерти. Подлѣ постели другаго стоялъ ящикъ съ мазью, которою видно онъ мазалъ зубы и десны, потому что нашли, что рука лежала у него во рту; подлѣ него лежалъ еще молитвенникъ.

Не льзя вспомнить безъ содроганія о плачевномъ положеніи сихъ злощастныхъ погибшихъ, не могшихъ подать взаимной другъ другу помощи. Вѣроятно, что они до тѣхъ поръ томились, какъ стужа совсѣмъ потушила естественной ихъ жаръ, и тѣ, которые пережили всѣхъ, были вѣрно нещастнѣйшіе изъ всѣхъ. Главная причина ихъ погибели былъ скорбутъ, которымъ они были заражены отъ того, что не имѣли другой пищи, кромѣ солонины. Отъ сей болѣзни члены у нихъ онѣмѣли и сдѣлались не способными ни къ какому упражненію, отъ котораго бы кровь пришла въ движеніе: всѣ части тѣла ихъ окостенѣли, а стужа наконецъ совсѣмъ ихъ разрушила. Однакожъ она не могла бы лишить ихъ жизни, естьлибъ они всегда были въ движеніи, и противились

болѣзни, бывшей главною причиною ихъ погибели.

Начальникъ эскадры приказалъ положить ихъ въ ящики и покрыть снѣгомъ, до тѣхъ поръ, какъ настанетъ оттепель и можно будетъ удобнѣе рыть землю, и какъ скоро она сдѣлалась мягка, то вырыли могилы. Наконецъ похоронили ихъ 24 го Іюня въ день Св. Іоанна при пушечной пальбѣ со всего флота. —

Обитаема ли такая неплодная земля, какова Гренландїя? можетъ ли человѣкъ родиться, расти и жить въ толь холодномъ климатѣ? Краткое описанїе сей страны рѣшитъ этотъ вопросъ, и удовлетворитъ любопытству читателя.

Гренландїя есть обширная страна, лежащая между Европою и Америкою въ двухъ полусферахъ (*). Въ длину простирается почти на 35 градусовъ, отъ 59 го Сѣверной широты до 78 го. Покрайней мѣрѣ отважность мореплавателей не проникала далѣе къ полюсу.

Гренландїя къ Востоку граничитъ съ Шпицбергомъ, къ Югу съ Форбишер-

(*) Многїе новѣйшїе Географы полагаютъ Гренландїю, Шпицбергъ, Новую Землю и землю Іезо въ числѣ Арктическихъ земель.

скимъ проливомъ, съ мысомъ Фарвелемъ, къ Западу съ Гудзонскимъ и Дависовымъ проливами; но то не извѣстно, какія къ Сѣверу границы имѣетъ. Она раздѣляется на новую и древнюю Гренландію.

Древняя Гренландія открыта въ первой разъ въ XI. вѣку однимъ Норвежцемъ, по имени *Эрикомъ*, который тутъ поселился и основалъ колонію Ирландцевъ. *Эрикъ* крещенъ былъ священникомъ, пріѣжжавшимъ изъ Норвегіи въ Гренландію. Онъ исповѣдывалъ Христіянскую вѣру со всѣми своими поселенцами. Въ нѣсколько времени сія Колонія возрасла и умножилась до того, что могла занять землю, имѣющую въ окружности отъ 30 до 40 миль. Тамъ было нѣсколько городовъ, много крѣпостей и приходовъ. Городъ Гардъ былъ столицею Колоніи, и мѣстомъ пребыванія Эпископа. Въ 1348 году послѣ великой заразы, называемой черною язвою, истребившею большую часть Сѣверныхъ жителей, и сія Колонія сдѣлалась малолюдна. Съ тѣхъ поръ путешествія Норвежцевъ въ Гренландію стали рѣже. Даже и совсѣмъ кончились въ царствованіе Королевы Маргариты, которая соединила короны Датскую и Норвежскую.

Въ концѣ 14 го столѣтія, сношеніе съ сею Колоніею пресѣклось и она разрушена была безъ сомнѣнія тамошними урожденцами. Даже не льзя было приставать къ Восточному берегу Гренландіи, самому ближайшему къ Исландіи и населяемому сими поселенцами, сколько ни дѣлано покушеній въ концѣ послѣдняго вѣка. Вѣроятно, ледъ, годъ отъ году умножающійся въ сихъ столь холодныхъ краяхъ, покрылъ берега и составилъ около него неприступный валъ. Начали пріѣжжать въ Гренландію съ Западной стороны, дотолѣ неизвѣстной, и нынѣ туда очень часто пристаютъ; ловля китовъ тамъ очень важна.

Западной край Гренландіи, или новая Гренландія, *простирается* съ Сѣвера на Югъ почти на 20 град. Она пересѣкается безчисленными заливами, которые также окружены безщетнымъ множествомъ острововъ большихъ и малыхъ. Твердая земля или внутренность Гренландіи наполнена горами весьма высокими и всегда снѣгомъ и льдомъ покрытыми. Между горами есть долины, которыя будучи утучняемы пометомъ птицъ, тамъ обитающихъ въ великомъ множествѣ, производятъ очень длинную траву.

Капуста, рѣдька, рѣпа суть обыкновенные овощи, въ довольномъ количествѣ тамъ растущїе. Тщетно Европейцы покушались сѣять овесъ и рожъ: до соломы или до стебля выростаютъ очень скоро, но рѣдко до колосьевъ, а въ зрѣлость никогда не приходятъ.

Въ Гренландїи деревъ не видно, кромѣ въ Южныхъ странахъ, и тамъ растутъ только ветлы, березы и ольхи; есть нѣсколько кустовъ можжевельнику, смородины и терновнику, но плоды ихъ не годны. Однако Провидѣнїе вознаградило нещастныхъ жителей Гренландїи за неплодность земли большими кучами наноснаго лѣсу, выбрасываемаго Океаномъ на берегъ, во время 4 или 5 мѣсяцовъ въ годъ; безъ сего Европейцы не могли бы грѣться въ сей холодной землѣ, и Гренландцамъ не изъ чего бы было строить свои домы, палатки и лодки. Откудажъ идетъ этотъ лѣсъ? Вѣроятнѣе всего, что онъ уносимъ бываетъ волнами изъ Сибири и Восточной Татарїи. Вода въ сей странѣ бываетъ довольно хороша и происходитъ по большей части изъ растаявшаго льду.

Въ Гренландїи водятся слѣдующїе роды птицъ: воробьй, сороки, вороны, рябчики, орлы и соколы, а водяныя

тѣ же, какія и въ Шпицбергѣ. Четвероногія, живущія на землѣ, въ Гренландіи суть: козы, олени, лисицы, волки, черные медвѣди, домашнія и дикія собаки, мыши и зайцы; сіи животныя разнятся съ нашими только малостію своею и цвѣтомъ, который лѣтомъ бываетъ сѣрой, а зимою бѣлой. А живущія въ водѣ: волки, моржи и тюлени, которыхъ тамъ очень много, такъ какъ и бѣлыхъ медвѣдей. Пеструги, раки, и наипаче лососи водятся тамъ въ рѣкахъ и источникахъ.

Море въ сихъ мѣстахъ весьма изобильно рыбою: китовъ, сельдей и трески тамъ множество. Каждой годъ Англинскіе, Голландскіе, Французскіе и Датскіе корабли объѣзжаютъ берега Гренландіи для ловли китовъ; Голландцевъ тамъ больше бываетъ, нежели другихъ, они торгуютъ съ островитянами.

Въ Гренландіи нѣтъ ни одной змѣи, ни другаго какого либо ползающаго ядовитаго, такъ какъ въ Шпицбергѣ и Исландіи, по причинѣ чрезвычайной стужи.

Холодъ въ Гренландіи чрезмѣренъ: мерзнутъ самые крѣпкіе напитки даже въ топленыхъ покояхъ, камни трескаются на двое, и море дымится какъ

изъ печи, особенно въ заливахъ. Оттепель начинается въ Іюнѣ мѣсяцѣ, но часто снѣгъ идетъ до солнечнаго повороту. Начиная съ Іюня до Августа мѣсяца солнце грѣетъ, свѣтитъ очень ясно и не заходитъ за горизонтъ, такъ что въ сіе время тамъ не бываетъ ночи. Напротивъ того въ Ноябрѣ, Декабрѣ и Генварѣ оно не показывается совсѣмъ, а естьли и видно бываетъ, то не больше двухъ или трехъ часовъ. Сумракъ, продолжающійся нѣсколько часовъ, замѣняетъ солнце. Сѣверное сіяніе всегда слѣдуетъ за сумракомъ: оно свѣтитъ во всю зиму, и ночью отъ него бываетъ яснѣе, нежели отъ луннаго свѣту.

Вообще воздухъ внутри Гренландіи чистъ, легокъ и весьма здоровъ. Можно въ ней жить безъ поврежденія здоровья, только надобно теплѣе одѣваться, употреблять умѣренно пищу и дѣлать почаще тѣлодвиженія. Скорбутъ есть, такъ сказать, единственная болѣзнь въ сей странѣ; она вылѣчивается ложечною травою, которая тамъ растетъ во множествѣ.

Въ Гренландіи живутъ 7000 бѣдныхъ жителей, какъ то вѣрно исчислено въ 1746 году, не включая въ это число колоній Датскихъ и Геррен-

тутерскихъ. Прежде Гренландія населена была больше; въ ней щиталось около 30000 жителей; но въ 1733 году молодой Гренландецъ занесъ туда оспу, неизвѣстную дотолѣ въ той странѣ: сія страшная зараза въ короткое время похитила болѣе 3000, и послѣ часто возобновляла ужасное опустошеніе. Гренландцы ростомъ малы, плотны и не болѣе вышиною четырехъ футовъ: голова у нихъ большая, лице широкое и плоское, щеки подняты, носъ короткой и сплюснутой, цвѣтъ кожи темно-оливковой. Женщины также безобразны, какъ и мущины, и столько на нихъ походятъ, что трудно ихъ отличить; ростомъ еще меньше, руки и ноги у нихъ очень коротки, сосцы весьма длинны и мятки. Дѣти родятся бѣлы, но скоро смуглѣютъ отъ неопрятности, въ которой сіи дикіе живутъ, и отъ дыму ихъ ночниковъ. Гренландки неплодородны, и рѣдко родятъ болѣе 3 или 4 дѣтей; отъ однихъ родовъ до другихъ всегда проходятъ два или три года. Они доживаютъ до глубокой старости, но мущины рѣдкіе проживаютъ за 50 лѣтъ.

Гренландцы расторопны въ рукахъ и ногахъ, оказываютъ вообще много

мужества; неутомимы въ звѣриной и рыбной ловлѣ, не боятся ни моря, ни бури. И женщины не уступаютъ мущинамъ въ силѣ и проворствѣ: онѣ строютъ зимнія жилища, носятъ великія тяжести, ѣздятъ въ большихъ лодкахъ, ловятъ съ мужьями китовъ, волковъ, тюленей. Сынъ въ 15 лѣтъ ѣздитъ съ отцемъ на рыбную и звѣриную ловлю, а дѣвочки тѣхъ же лѣтъ занимаются домашнею работою, нянчатъ дѣтей и готовятъ кушанье.

Платье сего народа по большей части узко, сдѣлано изъ кожи дикихъ козъ, или морскихъ собакъ; по рукавамъ и капишону похоже на монашескія платья, длиною до колѣней и вплоть обрѣзано съ переди и съ зади. Во время лѣта носятъ его мѣхомъ на верьхъ, а зимою внутрь; штаны и чулки дѣлаютъ изъ той же кожи, какъ и платье. Одежда у Гренландокъ мало рознится отъ мужской: верхнее платье у нихъ такого же покрою, только пошире и возвышеннѣе въ плечахъ, чулки и штаны носятъ такія же, какъ и мущины, башмаки дѣлаютъ изъ мягкой и выдѣланной кожи, которые привязываютъ къ ногамъ ремнями у подошвы.

Сїи дикїе строятъ домы двухъ родовъ, зимнїе и лѣтнїе. Первые самые большїе, величиною около 20 квадратныхъ футовъ, но поверхъ земли возвышаются не болѣе 4 футовъ, около двухъ футовъ бываютъ врыты въ землю для твердости. Сїи домы строютъ они изъ кремней или дикаго камня, хорошо перекладывая землею и мохомъ, отъ чего вѣтеръ не можетъ пройти; кровля дѣлается изъ досокъ, положенныхъ на стѣны и покрытыхъ дерномъ; входъ выкапывается накось въ землю, а вмѣсто дверей служитъ тюленья кожа. Вся родня, т. е. 5 или 6 фамилій, вмѣщается въ зимнее жилище, и всѣ живутъ въ добромъ согласїи. Воздухъ въ сихъ землянкахъ отъ дыханїя такъ тепелъ, и вмѣстѣ такъ испорченъ отъ масла, жиру и испаренїй сего неопрятнаго народа и отъ протухшей рыбы, что иностранцамъ причиняетъ дурноту въ головѣ. Они живутъ въ нихъ обыкновенно въ Октябрѣ, а выходятъ оттуда въ Маѣ. Лѣтнее жилье дѣлается изъ сшитыхъ тюленьихъ кожъ, растянутыхъ на шестахъ, воткнутыхъ вокругъ и вверху соединенныхъ. Для каждаго семейства есть лѣтнее жили-

ще особенное. Сіи хижины чище, нежели зимнія.

Гренландцы въ сей плодородной странѣ питаются только мясомъ и рыбою. Они умѣютъ переносить голодъ по обстоятельствамъ съ невѣроятною терпѣливостію; но и обжираются, когда есть что ѣсть. Козы, зайцы, тюлени и собаки, птицы, рыбы составляютъ главную ихъ пищу. Мясо ѣдятъ иногда вареное, иногда сырое, сухое или полусогнившее, смотря по тому, какъ они голодны; но величайшее имѣютъ отвращеніе къ свининѣ; потому что сіи животныя ѣдятъ всякую нечистоту. Это весьма странно, что свинина была всегда противна народамъ самымъ нечистоплоднымъ, напротивъ народамъ образованнымъ пріятна. Чистая вода и рыбій жиръ составляютъ весь ихъ напитокъ.

Сей народъ мало прозорливъ: большую часть года онъ имѣетъ способъ доставать себѣ много пищи рыбною и звѣриною ловлею, почему и не безпокоится о завтрешнемъ; при наступленіи же зимы занимается заготовленіемъ нѣкоторыхъ припасовъ, суша, или упрятывая подъ снѣгъ мясо и рыбу. По непрозорливости своей Гренландцы рѣдко защищаютъ себя отъ

худой погоды, которая часто бываетъ продолжительна и не предостерегаются также отъ нечаянныхъ нещастій. Тогда они дѣлаются печальны, ходятъ вмѣстѣ нѣсколько дней не ѣвши, развѣ сыщутъ по случаю мушелей и поростей, даже иногда доходятъ до того, что варятъ свои башмаки и кожи съ палатокъ, кипятятъ ихъ въ маслѣ и такимъ образомъ проживаютъ до весны.

Гренландцы не имѣютъ внѣшнихъ обрядовъ Религіи, однакожъ вѣруютъ въ верховное и невидимое Существо, называемое ими *Торнгарсукъ*, о которомъ говорятъ съ благоговѣніемъ. Когда выходятъ на рыбную или звѣриную ловлю, то обыкновенно кладутъ ему на камень, какъ бы въ жертву, только безъ церемоніи, кусокъ мяса, или рыбы. Они увѣрены, что душа вскорѣ по смерти прямо восходитъ на небо; а объ адѣ не имѣютъ никакого понятія.

Сіи Дикіе торгуютъ китовымъ жиромъ, усами и ребрами; рогами единороговъ, рыбьими зубами, лисьими и тюленьими мѣхами; на размѣнъ принимаютъ разныя вещи, нужныя для ихъ одежды, также дешевые до-

машніе приборы. Они не знаютъ серебра выбитаго, а желѣзо ходитъ у нихъ.

Гренландцы живутъ съ самаго младенчества въ совершеннѣйшей свободѣ, безъ воспитанія, безъ начальства, безъ принужденія. Никто у нихъ не имѣетъ надъ другимъ ни малѣйшей власти: отецъ одинъ есть начальникъ своего семейства, но неболѣе. Всякой можетъ строить, ловить звѣрей и рыбу, гдѣ ему угодно. Сіи нещастные, но довольные своею судьбою, живутъ въ добромъ согласіи и союзѣ. Естьли встрѣчаются между ими споры, касательно до ихъ частныхъ правъ, на пр: естьли что нибудь изъ дичи, или рыбу поймали многіе: въ такомъ случаѣ они выбираютъ себѣ судей, которые ихъ разбираютъ. Когда другъ друга посѣщаютъ, то обыкновенно приносятъ съ собою подарки. При ихъ собраніяхъ всегда бьютъ въ барабаны, поютъ пѣсни и пляшутъ. Хотя Гренландцы отъ природы и задумчивы, однакожъ общества ихъ одушевляются веселостію, и они любятъ шутить. Они почитаютъ себя гораздо лучше Датчанъ, и потому обворовываютъ ихъ безъ всякаго зазрѣнія, естьли только могутъ искусно сіе сдѣлать; но другъ

у друга ничего не похищаютъ, и невоюютъ никогда съ иностранцами.

Многоженство хотя и терпимо въ Гренландіи, однакожъ не вездѣ; изъ двадцати мужьевъ только развѣ одинъ многоженецъ. Впрочемъ имѣть многихъ женъ не только не есть преступленіе; но еще сіе приноситъ честь мужу, которой въ состояніи содержать болѣе одной жены. Весьма у нихъ постыдно для мужчины не имѣть дѣтей, а особливо мальчика, которой бы былъ подпорою его старости. Кто можетъ прокормить большее число, тотъ имѣетъ право на многоженство; но онъ не избѣгъ бы порицанія, естьлибъ къ тому побуждало его что либо другое, а не единственное желаніе имѣть дѣтей.

Примѣры разводовъ очень обыкновенны у Гренландцевъ. Когда мужъ не имѣетъ дѣтей, или естьли недоволенъ своею женою, то бросаетъ на нее косой взглядъ, уходитъ изъ дому и не является нѣсколько дней. Жена, понявъ, что это значитъ, сбираетъ свое платье, уходитъ къ друзьямъ своимъ, и живетъ честно и осторожно, дабы на мужа сложить всю вину таковаго съ нею поступка.

Съ 1721 го года Датскіе миссіонеры проповѣдывали Гренландцамъ Христіанскую вѣру. Въ 1762 году число окрестившихся простиралось до 500, и это очень много, судя потому, что дикіе сіи просты, глупы и не способны къ размышленію. Всѣ ихъ мысли устремлены только на звѣриную и рыбную ловлю, доставляющую имъ пропитаніе, или на пляску и пѣніе, обыкновенное ихъ времяпровожденіе, естьли худая погода мѣшаетъ имъ искать добычи.

На западномъ берегу Гренландіи, кромѣ природныхъ жителей, находятся колоніи Датскія, заведенныя съ 1741 году т. е. Фридерикъ Гаабъ, Готгаабъ, Христіансгаабъ и Ябобегавенъ. Кромѣ сихъ колоній есть много купеческихъ конторъ. Сіи заведенія основаны Христіанскими Миссіонерами.

Еще находятся на семъ берегу Невгеррнгутъ, или колонія и общество Геррнгутовъ, заведенная ими съ позволенія Датскаго Короля. Она до того умножилась, что въ 1766 была столькоже многолюдна, какъ четыре Датскія колоніи вмѣстѣ.

Гренландская торговля нынѣ отправляется Копенгагенскою компаніею,

которая ежегодно посылаетъ туда по три или по четыре корабля. Голландцы, желающіе торговать на сихъ берегахъ, обязаны жить въ отдаленности за нѣсколько миль отъ Датскихъ колоній.

Примѣчаніе.

(1) Сентъ Морицъ, островъ на Ледовитомъ морѣ, подлѣ Нассавскаго пролива, подъ 71 градусомъ широты, открытъ 18 го Іюня 1595 го Баренцомъ, славнымъ Голландскимъ мореплавателемъ, во время втораго его путешествія по сему морю, предпринятаго для открытія проѣзду чрезъ Сѣверо-Востокъ въ Китай и Японію. Сей островъ необитаемъ.

V.

ЗИМОВАНЬЕ

Семерыхъ Голландцовъ на островѣ Шпицбергѣ, на которомъ они умерли въ концѣ Февраля мѣсяца 1635 *го года*

Въ 1633 году тотъ же самый флотъ, который на Сентъ Морицѣ оставилъ семерыхъ нещастныхъ, коихъ плачевный конецъ мы теперь описали, оставилъ еще семерыхъ для наблюденій же въ Шпицбергѣ, гдѣ они провели зиму благополучно и взяты назадъ въ 1634; но на мѣсто ихъ еще другіе семеро вызвались зимовать въ семъ же мѣстѣ, а именно: Андрей *Жонсонъ* изъ Миддельбурга, Корнелій *Тиссе* изъ Роттердама, Іеронимъ *Каркоенъ* изъ Делфтскаго Порта, Товій *Желлисъ* изъ Фрисландіи, Николай *Флоризонъ* изъ Гоома, Андреянъ *Жонсонъ* изъ Делфта, и Феттій *Оттерсъ* изъ Фрисландіи. Ихъ снабдили травами, лѣкарствами, говядиной, напитками и другими нужными вещьми. Они вели журналъ наблюденіямъ своимъ, пока были въ состояніи писать, и мы въ нѣсколькихъ словахъ сообщимъ сокращеніе изъ всего того,

что находится въ немъ любопытнѣйшаго.

11 го Сентября 1634 го, по отбытіи флота въ Голландію сіи семеро, оставшіеся на островѣ, увидѣли въ морѣ великое множество китовъ, въ которыхъ они много разъ изъ ружей стрѣляли, но безъ всякаго успѣха. Обходили всю землю и искали лисицъ, медвѣдей и растѣній; но не нашли ничего.

Солнце не показывалось съ 20 или 21 Октября. 24 го Ноября они весьма были опечалены видя начинающійся у нихъ скорбутъ; почему съ большимъ стараніемъ стали искать травъ, лисицъ и медвѣдей; но и на сей разъ имѣли столькоже успѣха, какъ и прежде.

2 го Декабря, разставили нѣсколько сѣтей для ловли лисицъ. Николай Флоризонъ принялъ лѣкарство противъ скорбута; 11 го, то же учинилъ и Іеронимъ Каркоенъ. Впрочемъ они условились ѣсть отдѣльно, дабы не сообщалась язва, ибо многіе еще не были заражены сего болѣзнію.

23 го, поваръ увидѣлъ медвѣдя подлѣ палатки, который однакожъ убѣжалъ прежде, нежели Голландцы могли приняться за ружья.

24 го, трое изъ нихъ бывши вмѣстѣ нашли другаго медвѣдя, который, при приближенiи ихъ, сталъ на заднiя лапы; они выстрѣлили по немъ изъ мушкета, отъ чего онъ упалъ поднявъ страшный ревъ; кровь лилась изъ него весьма много: сей свирѣпой и сильной звѣрь схватилъ въ зубы алебарду съ удивительною скоростiю и ее перегрызъ, и продолжая нѣсколько времени ревѣть, вдругъ собралъ остальныя свои силы, и побѣжалъ съ такою скоростiю, что они скоро потеряли его изъ виду; однакожъ бѣжали за нимъ съ фонарями до тѣхъ поръ, какъ уже обезсилѣли. Для нихъ было весьма чувствительно, что они упустили сего медвѣдя, особливо потому, что имѣли крайнюю нужду въ свѣжемъ мясѣ. А какъ они только соленымъ питались, то скорбутъ со дня на день усиливался и мучилъ ихъ несказанно.

24 го Генваря 1635, Андреянъ Жонсонъ умеръ при жесточайшемъ мученiи; за нимъ вскорѣ послѣдовалъ Корнелiй Тиссе, человѣкъ весьма умной и лучшiй изъ всѣхъ ихъ мореплаватель; Феттiй Оттерсъ также окончилъ жизнь свою два или три дня спустя; четверо остальныхъ, хотя едва въ силахъ были держаться на ногахъ, одна-

кожъ здѣлали гробы для товарищей, въ которые и положили ихъ тѣла.

28 го, видѣли лисицу, но не льзя было ее убить. 7 го Февраля, по щастію они поймали одну въ сѣть, что и послужило имъ нѣкоторымъ подкрѣпленіемъ, но очень мало помогло, потому что болѣзнь умножалась до высочайшей степени.

Въ сіе время видѣли они медвѣдей иногда до 10 вмѣстѣ; но были такъ слабы, что не могли держать ружей. Естьлибъ они убили котораго нибудь, то бы имъ весьма трудно было притащить его въ жилье; еще меньше были бы въ состояніи гнаться за нимъ ранивши его, потому что едва могли держаться на ногахъ. Десны у нихъ чрезмѣрно распухли и зубы ослабли такъ, что они принуждены были перестать ѣсть сухари; притомъ чувствовали жестокую боль въ животѣ и въ поясницѣ, которую холодъ еще болѣе увеличивалъ. Къ сему присовокупился еще кровавой поносъ; между тѣмъ какъ одни имъ страдали, у другихъ кровь шла изъ роту; наконецъ одинъ только Іеронимъ Каркоенъ былъ въ состояніи бродить и носить дрова для огня.

23го, имъ совсѣмъ не льзя было выходить изъ хижины; они предались совершенно въ волю Божїю; ибо ихъ бѣдствїе достигло высочайшей степени.

24го, они видѣли слабое сїянїе солнца, котораго не видали съ Октября мѣсяца. 26й день тогожъ Февраля мѣсяца былъ вѣроятно послѣднїй день, въ которой державшїй перо могъ еще писать; ибо въ семъ мѣстѣ окончили они свой журналъ съ замѣчанїемъ, что еще четверо было между ими живыхъ; всѣ лежали на землѣ имѣя довольно аппетиту, естьлибъ хотя одинъ былъ въ силахъ дать пищу другимъ; но слабость и боль довели ихъ до того, что не могли подать другъ другу взаимной помощи. Кончили журналъ свой тѣмъ, что не осталось имъ другой надежды, какъ только на будущую жизнь; что изнурены будучи голодомъ и холодомъ, они съ покорностїю предаютъ себя Создателю; что съ нетерпѣнїемъ ожидаютъ послѣдней своей минуты, и молятъ Господа, да ускоритъ сїя роковая минута.

Голландской флотъ, пришедшїй въ 1635 году въ Шпицбергъ, нашелъ, что хижины ихъ заперты повидимому для того, чтобъ воспрепятствовать входъ медвѣдямъ и лисицамъ. Хлѣбникъ,

сошедшій прежде всѣхъ, выломилъ дверь въ хижинѣ Андрея Жонсона, и нашелъ часть мертвой собаки, которую какъ видно хотѣли сварить. Пошедши далѣе, нашелъ подъ ногами кобылку другой собаки; ибо имъ оставили двухъ. Далѣе нашелъ тѣла сихъ двухъ нещастныхъ Голландцовъ, простертыхъ на землѣ на старыхъ парусахъ. Они притащились одинъ къ другому и колѣна ихъ почти касались бороды. Николай Флоризонъ и другой лежали мертвые на постѣляхъ.

Всѣхъ ихъ положили въ гробы, и какъ скоро можно было рыть землю, закопали въ глубокія ямы, на которыя положили тяжелые камни, чтобъ медвѣди и хищные звѣри не могли ихъ отрыть. Дватцать лѣтъ спустя экипажъ нѣкотораго корабля, приставшаго къ симъ берегамъ, нашелъ тѣла ихъ невредимы; не видно было никакой перемѣны ни въ видѣ ихъ, ни въ одеждѣ. Судя по весьма холодному климату въ Шпицбергѣ, ни мало не удивительно, что трупы остаются долго въ землѣ невредимы.

Нѣтъ никакого извѣстія, чтобъ другіе мореплаватели отваживались послѣ проводить зиму въ Шпицбергѣ. —

Почти всѣ, издавшіе въ свѣтъ извѣстія о путешествіяхъ на Сѣверъ, оставили намъ любопытныя подробности о ловлѣ китовъ; но при всемъ томъ они мало насъ научаютъ о началѣ ея, о пользѣ отъ нее пріобрѣтаемой и исключительной привилегіи Гренладской Компаніи Голландцовъ. Мы ограничимъ себя нѣкоторыми частными обьясненіями о семъ предметѣ.

Ловля китовъ совсѣмъ была не извѣстна Древнимъ; они ничего намъ не говорятъ о семъ предметѣ. Плиній, испытатель естества, упоминаетъ о 42 сортахъ жиру, какими тогда торговали; но о китовомъ ничего не говоритъ.

Бискайцы, живущіе на мысѣ Бретонскомъ, подлѣ Байоны, первые по видимому начали заниматься ловлею китовъ; нѣкоторые Историки относятъ первыя ихъ поѣздки на Сѣверъ даже до 1493 го году, а другіе только до 1504. Какъ бы то ни было, только то не оспоримо, что Бискайцамъ обязаны мы первыми покушеніями, относительно до ловли китовъ, такъ какъ они же первые изобрѣли и печи для извлеченія жиру изъ сихъ животныхъ.

Европейскіе народы, наиболѣе занимавшіеся мореплаваніемъ, особенно же Голландцы, ободрены будучи первыми успѣхами Бискайцовъ, не умедлили подражать ихъ примѣру. Сперва нѣкоторые только частные люди предприняли сіи путешествія, а за ними послѣдовали многіе другіе.

Поелику ловля китовъ сдѣлалась важнымъ предметомъ торговли къ концу 16 го вѣка: то въ Голландіи, около 1618 го года, собралась Компанія купцовъ, которая отъ Генеральныхъ Штатовъ испросила исключительную привилегію на сію ловлю у береговъ Новой Земли, Шпицберга, Медвѣжьяго острова (1) и Гренландіи. Прежде заведенія Гренландской Компаніи Голландцовъ, собралось въ Англіи общество Господъ и купцовъ подъ названіемъ Россійской Компаніи. Ловля китовъ въ Сѣверныхъ моряхъ составляла главнѣйшій предметъ ихъ торговли: сія Компанія, собравшаяся въ 1606 мъ получила себѣ исключительную привилегію уже въ 1613 году. Однако Голландская Компанія существовала только до 1695. А съ того времени сія торговля сдѣлалась всѣмъ открытою, и Республика получила отъ того большую выгоду.

Число судовъ, отправляющихся каждой годъ изъ Голландскихъ гаваней на Сѣверъ, простираться можетъ до двухъ сотъ пятидесяти: и естьли бы море не столь было ужасно, то ловля китовъ была бы еще прибыльнѣе, ибо опасности въ ловлѣ столь хорошо нынѣ предупреждаются, что ихъ уже за маловажныя почитаютъ. Голландцы на всю Европу, по крайней мѣрѣ на три четверти оной, доставляютъ жиръ и усы китовыя. Они посылаютъ каждой годъ во Французскія гавани отъ 7 до 8 тысячь бочекъ жиру и соразмѣрно сему мыла.

Китовъ жиръ идетъ въ ночники, на мыло, къ приготовленію шерстей, суконъ, кожевникамъ для выдѣлки кожъ, живописцамъ для оттѣнки нѣкоторыхъ цвѣтовъ, мореходцамъ для разведенія смолы, служащей къ обмазыванію и конопаченію кораблей, архитекторамъ и рѣщикамъ для нѣкотораго состава съ бѣлилами и известью, которая окрѣпнувъ дѣлаетъ кору на камнѣ и предохраняетъ его отъ ѣдкости времени. Китовое бѣлое мясо, на которое прежде былъ небольшой расходъ только въ Аптекахъ, нынѣ гораздо тщательнѣе собирается, когда открыли, что его можно употреблять

съ пользою для восковыхъ свѣчь. Что касается до усовъ, то ихъ употребляютъ на безконечное множество полезныхъ вещей: изъ нихъ дѣлаются кости для шнурованья, для паросолей и другихъ вещей.

Ловля китовъ въ Шпицбергѣ обильнѣе, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ Арктическаго полюса.

Примѣчаніе.

(1) *Медвѣжій островъ* лежитъ на Ледовитомъ морѣ у Гренландіи, на 74 мъ градусѣ 30 минут. широты. Онъ открытъ 9 го Іюня 1596 Гемскеркомъ, славнымъ Голландскимъ мореплавателемъ, во время его странствованія по симъ морямъ, для изысканія проѣзду по Сѣверо-Востоку въ Китай и Японію. Сей островъ длиною около 5 миль. Онъ со всѣхъ сторонъ представляетъ навислыя горы и пропасти. По великому множеству медвѣдей, которыхъ Голландцы тамъ нашли, они назвали его *Беренъ-Ейландъ* т. е. Медвѣжій островъ. Множество также рыболововъ водится на семъ острову, и они кладутъ свои яйца на утесахъ.

VI.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Англійскаго фрегата Шпидуель *на Западномъ берегу Новой Земли при мысѣ* Шпидильскомъ *въ 1676 мъ.*

По возвращеніи Капитановъ Фокса и Жамеса, посыланныхъ въ Сѣверныя моря въ 1632 году, какъ-то мы выше видѣли, для открытія проѣзду въ Восточную Индію, Англичане, потерявъ надежду отъ неудачи всѣхъ своихъ покушеній, дѣланныхъ съ 1553 го, по видимому совсѣмъ оставили сіе намѣреніе.

Въ теченіе 30 лѣтъ не слышно было ни о какомъ предпріятіи на сей конецъ, пока въ 1675 мъ одинъ Англичанинъ по имени *Іоаннъ Вудъ*, искуснѣйшій мореплаватель, льстился открыть сей проѣздъ чрезъ Сѣверо-Востокъ. Онъ предложилъ доводы, касательно до сего предмета, на письмѣ и представилъ ихъ Англійскому Королю и Герцогу Іоркскому. Сіе сочиненіе, убѣдительно написанное, основывалось на картѣ полюса, сочиненной

по донесеніямъ всѣхъ предпринимавшихъ путешествіе для той же цѣли.

Прежде рѣшительнаго отзыва Король совѣтывался съ многими купцами и искуснѣйшими мореплавателями по Сѣвернымъ морямъ. Слѣдствіе сихъ сношеній было весьма благопріятно намѣренію Вуда; Король на свой щетъ велѣлъ снарядить фрегатъ, названный *Шпидуель*, и поручилъ ему начальство надъ онымъ.

Для хорошаго успѣху отъ сего новаго путешествія на Сѣверъ, приняты были наилучшія мѣры; фрегатъ Шпидуель построенъ былъ съ великимъ тщаніемъ Іоанномъ Сишемъ, искуснѣйшимъ Англійскимъ корабельнымъ мастеромъ; а чтобы Вудъ не съ однимъ фрегатомъ пустился въ сіи опасныя моря, присовокупили къ оному пинку, названную *Просперъ*, купленную и снаряженную на щетъ многихъ знатныхъ особъ, изъ коихъ главный былъ Его Королевское Высочество Герцогъ Іоркскій. Сіе судно нагружено разными товарами, которые предположено было продать на берегахъ Татаріи, или Японіи, въ случаѣ, естьли бы проѣздъ былъ найденъ; команда надъ онымъ дана была Капитану *Вильгельму Флаусу*. Оба судна снабжены были

припасами на 16 мѣсяцовъ. На Шпидуель посажено было 70 человѣкъ экипажу, а на Просперъ осмнадцать. Предписанїе, данное обоимъ командирамъ, состояло въ томъ, чтобъ искать проѣзду между Новою Землею и берегами Татарїи.

28 го Мая 1676 го, оба корабля пошли вмѣстѣ въ море при попутномъ вѣтрѣ. Журналъ ихъ странствованїя до 29 го Iюня не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ навигацїонныхъ наблюденїй; но оканчивается замѣчанїями, которыя достойны того, чтобъ ихъ здѣсь предложить. Они тѣмъ занимательнѣе, что содержатъ сокращенїе ихъ путешествїя до Новой Земли, и много объясняютъ планъ поисковъ, въ разсужденiи проѣзду чрезъ Сѣверъ. „Главное мое намѣренїе было, говоритъ Вудъ, достигнувъ до высоты Нордкапа (*), слѣдовать во всемъ мнѣнїю Баренца, славнаго Сѣвернаго мореходца, (о которомъ мы говорили выше) т. е. пройти прямо къ Сѣверовосточной

(*) Сѣверной мысъ или Нордкапъ есть самой Сѣверной изъ Европейскихъ; сей мысъ составляетъ часть маленькаго острова, лежащаго близъ Датской Лапландїи.

сторонѣ Нордкапа, чтобъ плыть между Гренландiею и Новою Землею.,,

Такимъ образомъ достигнувъ западныхъ береговъ Нордкапа, онъ направилъ путь сообразно съ своимъ намѣренiемъ, естьли не совершенно по прямой дорогѣ, по покрайней мѣрѣ слѣдуя компасу: ибо въ семъ мѣстѣ ощутительно нѣкоторое отклоненiе къ Западу. Три дня спустя, т. е. 22 го Iюня, онъ примѣтилъ ледъ, подобный твердой землѣ на 76 градусѣ широты, разстоянiемъ около 60 миль отъ Гренландiи. Онъ не сомнѣвался, что этотъ ледъ соединяется съ Гренландiею, и думая, что плывши далѣе на Востокъ, найдетъ открытое море, подвигался далѣе и далѣе держась льду, которой простирался на Востоко-Юго-Востокъ а потомъ на Западо-Сѣверо-Западъ. Почти на каждой милѣ находилъ ледяной мысъ, а проплывъ его не видалъ уже льда на Сѣверѣ; но плывши около часу къ Сѣверо-Востоку, усматривалъ новой ледъ, которой и принуждалъ его перемѣнить направленiе. Такiе маневры продолжалъ онъ долгое время, плывучи вдоль подлѣ льду, иногда ласкался надеждою, найти открытое море; а иногда приходилъ въ отчаянiе, видя новой ледъ: пока наконецъ

потерялъ совсѣмъ надежду, примѣтивъ Новую Землю и ледъ съ нею соединенной. Тогда-то отвергнулъ мнѣнїе Баренца и всѣ донесенїя, обнародованныя Голландцами и Англичанами: а самъ съ того времени принялъ такое мнѣнїе, что естьли нѣтъ земли къ Сѣверу на 80 градусѣ широты; то море тамъ всегда покрыто льдомъ, а естьли бы ледъ могъ подвинуться къ Югу еще на 10 град., то цѣлые вѣки, присовокупляетъ онъ, потребны бы были къ тому, чтобъ его растаять.

Тотъ ледъ, который составляетъ какъ бы твердь льдяную, не болѣе фута возвышается поверхъ воды, но подъ водою имѣетъ толщины больше 18 футовъ; изъ чего Вудъ заключаетъ, что въ такой же пропорцїи горы и мысы, находящїеся на сей льдяной тверди, должны касаться дна, т. е. самой земли. Онъ полагаетъ, между прочимъ, судя по малой глубинѣ воды, какъ то онъ нашелъ вдоль по льду, на половинѣ дороги между двумя землями, не болѣе глубиною на 70 саженей, что должна быть земля на Сѣверѣ, и что большой ледъ, касающїйся берегу, можетъ быть вдался въ море больше, нежели на 20 миль, и

что Гренландія и Новая Земля составляютъ одну и туже твердую землю.

Естьлибъ былъ проѣздъ, говоритъ онъ еще, то бы были морскіе потоки; но нѣтъ ни одного съ той стороны; а естьли какіе и встрѣчаются, то стремятся къ Востоко-Юго-Востоку вдоль подлѣ льду; и это нѣчто иное, какъ только не большой приливъ, подымающійся на 16 футовъ.

Съ 23 го, по 28 Іюня, продолжалъ плыть вдоль подлѣ льду, касающагося Новой землѣ, и гдѣ только можно было, входилъ въ каждое отверстіе; но не находилъ проѣзду, между тѣмъ время безпрестанно было холодное съ вѣтромъ, а естьли и тихое, то съ густыми туманами.

29 го, оба корабля зашли въ средину плывущихъ льдинъ, въ виду Новой Земли, Шпидуель наѣхалъ на мѣль, на которую и сѣлъ такъ, что не льзя было его сдвинуть. Просперъ, будучи легче, сдѣлалъ удачной поворотъ и ушелъ.

Въ такомъ трудномъ положеніи Вудъ оправдалъ совершенно то высокое мнѣніе, которое имѣли о его искусствѣ и неустрашимости. При сильномъ противномъ вѣтрѣ и при волненіи моря онъ не могъ спасти свое судно отъ погибели, по крайней мѣрѣ имѣлъ удо-

вольствїе спасти экипажъ и проводить его на землю.

Не приведши собственныхъ его выраженій, мы бы ослабили трогательную картину его нещастїя; послушаемъ его самаго.

„29 го, поутру мы находились среди льду; были имъ заперты. Весь этотъ день былъ ненастенъ при Западномъ вѣтрѣ. Мысъ у насъ былъ къ Юго - Юго - Западу, и мы по догадкамъ предполагали, что самая Западняя земля оставалась у насъ на Востоко - Юго - Востокѣ: ошибка, бывшая источникомъ нашего нещастїя. Капитанъ Флаусъ выпалилъ изъ пушки, чтобъ извѣстить, что мы приближились ко льду, и поворотилъ къ намъ. Тогда едва было оба суда другъ объ друга не ударились и вмѣстѣ не погибли. Шпидуель одинъ былъ нещастенъ, въ движенїи своемъ онъ попалъ на мѣль, между тѣмъ пинка ушла. Нашъ корабль три или четыре часа оставался на мѣли; но сколько мы ни усиливались, не могли сдвинуть его по причинѣ сильнаго вѣтра.

„Впрочемъ Шпидуель безпрестанно опускался на дно, и мы примѣтили чрезъ нѣсколько часовъ неизвѣстности и страха, подводной камень подъ кор-

мою. Немедленно я отдалъ приказъ, сойти на шлюбки, прежде нежели начнутъ срубать мачты, и послалъ боцмана съ пинкою на берегъ развѣдать, нѣтъ ли способу пристать къ землѣ. Чрезъ полчаса онъ возвратился съ извѣстіемъ, что нѣтъ средства спасти ни одного человѣка, потому что море въ великомъ волненіи и берегъ весь окруженъ льдистыми горами, отъ чего онъ совсѣмъ не приступенъ. При семъ печальномъ увѣдомленіи мы всѣ начали возсылать мольбы свои къ Богу. По окончаніи молитвы отчасти туманъ разсѣялся; тогда я усмотрѣлъ со стороны кормы край берегу, куда я думалъ, можно причалить; послалъ на пинкѣ нѣсколько матросовъ; но они не смѣли на то отважиться. Потомъ я велѣлъ отправить шлюбку съ 20 человѣками самыми смѣлыми; тогда и первые, будучи ободрены примѣромъ сихъ, за ними послѣдовали. Шлюбка и пинка возвратились къ кораблю.

„Высаженные на землю требовали у меня ружей и защиты противъ медвѣдей, которыхъ тамъ было великое множество; я велѣлъ поставить въ пинку два боченка пороху, отложить огнестрѣльныя оружія, нѣсколько припасовъ, бумаги мои и деньги; но въ то самое время,

какъ пинка удалялась отъ корабля; ударилъ сильной валъ и опрокинулъ ее; все погибло и притомъ матросъ по имени Іоаннъ *Босманъ*; многіе другіе вытащены были изъ воды замертво. Во время сего жалкаго приключенія, находившіеся на большой шлюбкѣ высаживали на берегъ часть экипажа. Услышавши нашъ крикъ, они возвратились и помогли намъ спасать еще плавающихъ; но пинка совсѣмъ разбилась, что намъ причинило великую печаль. Между тѣмъ, какъ большая шлюбка была подлѣ корабля и море не преставало свирѣпствовать, боцманъ и многіе матросы, бывшіе на бортѣ, нудили насъ, меня и Лейтенанта моего, сѣсть въ шлюпку, увѣряя, что она долго не можетъ сносить морскихъ ударовъ, и что они лучше сами погибнутъ, нежели увидятъ меня поглощеннаго волнами; только усильно просили прислать имъ обратно шлюбку, какъ скоро мы сойдемъ на землю.

„Шлюбка еще не была на половинѣ своего пути, какъ корабль опрокинулся; почему я, какъ можно поспѣшнѣе, старался высадить тѣхъ, которые были со мною. Послѣ чего немедленно возвратился къ кораблю на помощь симъ нещастнымъ, оказавшимъ

мнѣ столько усердія. Не безъ труда и опасности я могъ къ нимъ приближиться. Тотчасъ всѣ силы употребилъ къ вспоможенію имъ и взялъ всѣхъ на шлюбку, исключая одного, котораго оставили, такъ какъ мертваго. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые опрокинуты были съ пинкою, именемъ Александръ *Фрацоръ*, одинъ изъ лучшихъ матросовъ. Вода уже взошла до первой корабельной палубы, и мы могли только вытащить два мѣшка сухарей, нѣсколько частей свинины и не много сыру. Я поѣхалъ опять къ берегу, къ которому мы пристали, будучи всѣ вымочены и дрожа отъ холоду. Мы втащили шлюбку на берегъ.

„Сошедшіе прежде насъ на землю, собрались на нѣкоторомъ разстояніи на возвышеніе: одни раскладывали огонь, а другіе ставили палатку изъ холста, который мы взяли на сей конецъ; ее утверждали на шестахъ, и съ поспѣшностію сдѣлали ровъ около палатки, чтобъ защититься отъ жителей сей страны т. е. отъ бѣлыхъ медвѣдей. Сіи животныя чрезвычайной величины, не меньше лютыя, сколько и сильныя, тотчасъ по прибытіи нашемъ пришли посѣтить насъ.

Ружейный выстрѣлъ, которымъ въ одного изъ нихъ попали, принудилъ ихъ возвратиться назадъ весьма скоро. Мы провели ночь въ палаткѣ чрезмѣрно уставши, всѣ вымокшїе и весьма озябнувши.

„На другой день поутру 30го Іюня, матросъ, оставленный нами на кораблѣ, пришелъ въ себя и имѣлъ столько силъ, что влѣзъ на высокую заднюю мачту, которую одну мы только не срубили. Этого матроса всѣ любили и потому съ великою радостїю взяли его на шлюбку, какъ скоро отправились въ тотъ день на мѣсто нашего кораблекрушенїя. Корабль не былъ еще разбитъ, но вертѣлся и чрезвычайно бился. Мы не могли къ нему близко подойти, потому что море волновалось и дулъ весьма сильной вѣтеръ.

„Перваго Іюля вѣтеръ также былъ силенъ, и притомъ сопровождаемъ весьма густымъ туманомъ, морозомъ и снѣгомъ. Мы начали ставить другїя палатки, чтобъ защититься отъ холоду и дурнаго времени.

„Волны, безпрестанно ударяя въ корабль, скоро раздробили его на части, и выбросили много отломковъ на берегъ, на которой мы сошли. Они

весьма пригодились намъ на кровлю и для огня.

„Въ первые дни Іюля намъ удалось еще собрать нѣсколько кадокъ муки, много боченковъ водки, бочку пива, кадушку масла постнаго и коровьяго, нѣсколько частей говядины и свинины. Сіи неожиданные запасы возвратили намъ бодрость и утвердили насъ въ томъ упованіи, которое мы имѣли на милосердіе Божіе.

„2 го Іюля, между тѣмъ, какъ Раюнекъ занимался приведеніемъ въ безопасность припасовъ, моремъ принесенныхъ, подошелъ большой бѣлой медвѣдь; но Ранонекъ примѣтилъ его въ ту самую минуту, какъ онъ готовъ былъ напасть на него, и ружейнымъ выстрѣломъ свалилъ на землю. Однакожъ медвѣдь всталъ и хотѣлъ было опять броситься на него, тогда прибѣжали нѣкоторые матросы и пособили совсѣмъ убить свирѣпое сіе животное; медвѣдь былъ чрезвычайной величины и оченъ жиренъ; разрубили его на части; мясо было хорошо на видъ, и намъ оченъ вкусно показалось.

„Между тѣмъ мы были среди страха и надежды; иногда льстились, что хорошая погода настанетъ

опять, и что Капитанъ Флаусъ насъ найдетъ, чего мы не могли надѣяться во время тумановъ; иногда безпокоились, не претерпѣлъ ли и онъ кораблекрушенія, и что мы никогда его не увидимъ. Размышляя долго о сихъ побужденіяхъ къ надеждѣ и страху, я рѣшился поднять на два фута края большой шлюбки и покрыть ее палубою, чтобъ какъ можно защитить ее отъ воды. Въ то же время вознамѣрился ѣхать съ помощію парусовъ и веселъ даже до Россіи.

„Когда я сообщилъ свое намѣреніе матросамъ, то они нѣсколько уныли. Шлюбка не могла вмѣстить болѣе тридцати человѣкъ, и они рѣшились или спасаться вмѣстѣ, или погибнуть вмѣстѣ; даже нѣкоторые болѣе огорчившись моимъ намѣреніемъ, тайно умыслили уничтожить оное, хотѣли изрубить на части шлюбку, чтобы всѣмъ сносить одну участь. Въ сихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ водка мнѣ сдѣлала великую помощь; я не удерживалъ ихъ и позволилъ употреблять, сколько кому хотѣлось.

Многіе пили ее неумѣренно и почти всегда были пьяны; тутъ я узналъ о ихъ намѣреніяхъ отъ нескромности

ихъ. На всякой случай велѣлъ плотникамъ работать на шлюбкѣ.

„Дни текли и мы все еще были въ печальнѣйшемъ недоумѣнiи. Нѣкоторые матросы предложили тогда шлюбку надставить на 12 футовъ, поднять и сдѣлать палубу; они льстились, что увеличивши ее такимъ образомъ, можно будетъ всему экипажу на ней помѣститься. Предложенie было изслѣдовано и нѣсколько разъ опровергаемо; но по усмотрѣнiи, что и матерiаловъ и мастеровъ недостаетъ, а притомъ такое малое судно не можно столько надставить, чтобъ льзя было всѣмъ помѣститься, большая часть матросовъ воспротивилась строенiю шлюбки; они говорили, что лучше согласятся итти сухимъ путемъ до Вайгата (1) въ надеждѣ сыскать тамъ Россiйскiя барки.

„Неминуемая опасность, въ которой мы тогда находились, могла только внушить такое предпрiятiе, исполненiе котораго явно было не возможно по дальности и опасности пути, преграждаемаго горами и оврагами, не щитая рѣкъ, которыя бы на каждомъ шагу насъ останавливали. А хотя бы и можно было найти способную дорогу, то не стало бы запасовъ до кон-

ца сего путешествія, и не было оружія для защищенія отъ лютыхъ звѣрей.

„Впрочемъ хотя я и не видалъ никакого способу, спастись сухимъ путемъ, однако съ другой стороны не менѣе того трудно было искать спасенія по морю: потому что шлюбка, сколько бы надъ ней ни трудились, не могла бы помѣстить 30 человѣкъ. Чтожъ бы было съ прочими 40 оставленными безъ запасовъ въ безплодной землѣ и почти безъ надежды отсюда выѣхать? Итакъ ни море, ни земля не представляли намъ средствъ къ выходу.

„Всякой можетъ понять, въ какой крайности мы тогда находились и какъ колебался духъ мой. Всѣ мысли мои устремлялись только къ злощастію будущему. Къ крайнему усугубленію нашего горестнаго состоянія время было такъ худо, что 9 дней безпрестанно шелъ снѣгъ, дождь и былъ туманъ.

„Мы приходили уже въ ужасное отчаяніе, какъ начало проясниваться по утру 8 го Іюля, и съ неописанною радостію усмотрѣли пинку Капитана Флауса; она не далеко была отъ берегу; я тотчасъ развелъ огонь; онъ

примѣтилъ и догадавшись о нашемъ нещастiи, поворотилъ тотчасъ къ намъ и послалъ свою шлюбку. Какъ скоро она пристала, то мы изломали все, что ни было сдѣлано на большой шлюбкѣ, и тотчасъ спустили ее на воду. Среди величайшихъ восторговъ всего корабельнаго экипажу, я сдѣлалъ краткое описанiе нашему путешествiю и нещастiю, намъ приключившемуся; спряталъ его въ бутылку, которую повѣсилъ на столбѣ въ чуланѣ находившемся, подлѣ нашихъ палатокъ.

„Около полудня тогоже числа, мы благополучно прибыли къ кораблю Капитана Флауса, оставивъ на землѣ все, что ни спасли съ корабля; мы боялись, чтобъ новой туманъ еще не застигъ насъ.

„Тогоже дня корабль пустился въ путь. На дорогѣ не приключилось ему никакого не прiятнаго приключенiя, и 23 го Августа тогожъ года, благополучно взошли въ Темзу.„ —

Неудача сей экспедицiи, которой не можно приписать ни Вуду, ни непреодолимымъ препятствiямъ, не уменшила нимало надежды Англичанъ, касательно открытiя проѣзду въ Восточную Индiю. Война на морѣ, про-

должавшаяся до 1714 го, не позволяла имъ заниматься симъ предметомъ; но они опять принялись за оной въ 1718, и покушались произвесть его въ дѣйство въ 1719, 1722 и 1737 годахъ чрезъ Сѣверо-Западъ. Сіи предпріятія поручены были Капитанамъ: *Барлову*, *Шкрогсу*, *Миддлетону*, а въ 1746 мъ Капитанамъ *Муру* и *Смиѳу*. Г. *Еллисъ*, бывшій при семъ послѣднемъ путешествіи, издалъ описаніе его, которое принято было въ Англіи благосклонно, и потомъ переведено на Французской языкъ.

Никто не разсуждалъ такъ основательно о предпріятіяхъ, учиненныхъ въ Англіи, дабы найти проѣздъ чрезъ Сѣверъ въ Восточную Индію, по вѣроятности, что онъ есть, и по надеждѣ, каковую Англичане еще сохраняютъ объ успѣхѣ сего намѣренія. —

Новая Земля мало извѣстна была прежде путешествія *Вуда*; его наблюденія привели насъ въ состояніе, сдѣлать описаніе оной, естьли не полное, то покрайней мѣрѣ исправное.

Географы не согласны вразсужденіи настоящаго положенія сея страны. Одни представляютъ ее намъ островомъ, отдѣленнымъ отъ твердой земли Вайгатскимъ проливомъ, а другіе

увѣряютъ, что она полуостровъ, которой перешейкомъ соединяется съ Восточнымъ берегомъ Сибири при устьѣ рѣки Оби. Какъ бы то ни было, Новая Земля на шарѣ нашемъ лежитъ, начиная отъ 69 го градуса широты, почти до 77 го. Длиною около 200 миль, а въ ширину отъ 60 до 70 миль.

Всѣ путешественники согласно съ Вудомъ утверждаютъ, что это бѣднѣйшая земля въ свѣтѣ, покрыта горами и почти повсюду снѣгомъ. Изъ сего изключаются только нѣкоторыя болота, на которыхъ растетъ родъ моху и маленькіе синенькіе и желтенькіе цвѣточки; кромѣ того сія страна ничего не производитъ.

„Рывши около двухъ футовъ глу„биною землю, говоритъ Вудъ, мы „нашли одинъ ледъ, столько же твер„дой, какъ и мраморъ„. Явленіе необыкновенное, которое весьма можетъ обмануть тѣхъ, кои по необходимости оставшись зимовать на сей землѣ, вздумали бы рыть землянки для житья, и чтобы скрыться отъ холоду.

Снѣгъ во всѣхъ прочихъ земляхъ таетъ скорѣе на берегу моря, нежели въ другихъ мѣстахъ; но здѣсь совсѣмъ

противное видимъ. Море ударяетъ въ снѣговыя горы, которыя въ иныхъ мѣстахъ столько же высоки, какъ Французскіе и Англійскіе мысы. Оно сдѣлало глубокія ямы въ семъ снѣгу, которой кажется виситъ надъ сею стихіею, что представляетъ страшное зрѣлище. Вудъ не сомнѣвается, что сей снѣгъ столько же древенъ, какъ и самый свѣтъ. Впрочемъ взошедши на вершину горъ, онъ не нашелъ тамъ снѣгу; въ Новой Землѣ онъ видѣлъ только большихъ бѣлыхъ медвѣдей, лисицъ, нѣкоторый родъ кроликовъ, величиною съ мышь, слѣды нѣкоторыхъ дикихъ звѣрей и птицъ, подобныхъ жаворонкамъ. На каждой четверти мили попадается маленькой источникъ съ прекрасною водою, хотя она не что иное, какъ растаявшій источникъ, текущій съ горъ. У берегу морскаго, при которомъ сіи источники впадаютъ, виденъ на вымытыхъ ими мѣстахъ мраморъ черный съ бѣлыми жилками, а на нѣкоторыхъ внутри лежащихъ горахъ аспидъ. Морская вода подлѣ льду и земли есть самая соленая, самая тяжелая и самая чистая: на 80 Фран. саженей, что составляетъ 480 футовъ, видно совершенно дно и раковины.

Вудъ называетъ тотъ край земли, при которомъ онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе, Шпидуелемъ; высокія горы, видѣнныя имъ тамъ, назвалъ Снѣжными горами Короля Карла; Южный край, которой по той странѣ есть самой Западной, Капъ Жамесомъ, а Сѣверный краемъ Іоркскимъ. Шпидуель находится на 74 град. 30 минутъ широты, и на 63мъ град. долготы отъ Лондона. Перемѣна магнита замѣчается тамъ на 13 градусовъ къ Западу. Приливъ поднимается на 8 футовъ и прямо идетъ къ берегу; новое доказательство по мнѣнію Вуда, что нѣтъ проѣзду чрезъ Сѣверъ.

Трудно понять, какъ безполезность издержекъ и столько тщетныхъ путешествій не отвратили совсѣмъ Англійскую націю отъ сего предпріятія. На чемъ еще она могла основывать свою надежду, особенно послѣ того, какъ Жамесъ и Вудъ, двое изъ искуснѣйшихъ ея мореплавателей и наисильнѣйше предубѣжденныхъ въ возможности онаго при отправленіи изъ Англіи, возвращаясь же откровенно признались, что нѣтъ проѣзду чрезъ Сѣверъ?

Вся часть Восточнаго берега отъ Вайгатскаго пролива до мыса Гемскер-

кова, на которомъ Голландцы зимовали въ 1596 мъ году, совсѣмъ не извѣстна, потому что заливъ, отдѣляющій ее отъ Самоѣдовъ, всегда покрытъ льдомъ. Главные мысы подвигаясь къ Сѣверу и спущаясь къ Западу и Югу суть: Гемскерковъ, Флессингъ, Дезиръ, Морицъ, Ледяной, Тростъ, Нассавской, мысъ Штатовъ, Земляной, Крестовой и Шансъ; сей послѣдній находится на краю къ Югу Новой Земли. Главные заливы западной части, начиная отъ Юга къ Сѣверу и Западу суть: Св. Лаврентія, Жомсовъ, Золотой, Беровъ и Св. Анны.

Главныя рѣки, извѣстныя въ Западной части Новой Земли, начиная также отъ Юга къ Сѣверу суть: Красная рѣка, Крикиръ, Падвія и Сольвика.

Всѣ Голландскіе и Англинскіе мореплаватели, пристававшіе къ Новой Землѣ, увѣряютъ, что не видали никакихъ на ней жителей. Одинъ только Мартиніеръ свидѣтельствуетъ, что ихъ видѣлъ. Но по описанію оныхъ, сдѣланному имъ и послѣ него другими, такъ они похожи на Самоѣдовъ, что доказывать существованіе при-

родныхъ жителей на Новой Землѣ, есть настоящая химера. Люди, тамъ иногда находимые, суть Самоѣды, живущіе тамъ до половины Мая и занимающіеся все лѣто звѣриною и рыбною ловлею.

Сіи дикіе всегда увѣряли, что нѣтъ тутъ другихъ жителей, кромѣ ихъ націй, которые туда пріѣзжаютъ и остаются на зиму, естьли не могутъ возвратиться. Они разсказываютъ, что много ихъ тамъ погибаетъ отъ Сѣвернаго вѣтра, который естественную теплоту истребляетъ въ короткое время, какія бы предосторожности ни принимали противъ стужи. Отъ сего-то сія страна совсѣмъ необитаема.

Примѣчаніе.

(1) *Вайгатъ*, проливъ Ледовитаго моря между Сибирью и полуденнымъ краемъ Новой Земли. Онъ дѣлаетъ сообщеніе между Рускимъ и Татарскимъ моремъ. Многіе еще увѣрены, что Вайгатъ есть путь въ Китай и Японію.

Архангелогородцы и живущїе на Печорѣ каждой почти годъ прїѣзжаютъ въ Новую Землю для ловленїя лошадей морскихъ, собакъ и бѣлыхъ медвѣдей; для сего сперва проѣзжаютъ Вайгатъ, потомъ чрезъ Карское море: такъ называется море по ту сторону Вайгата, съ одной стороны обтекающее Новую Землю, а съ другой твердую землю.

VII.

О четырехъ Рускихъ матросахъ, оставшихся на Восточной сторонѣ пустаго острова Шпицберга въ 1743 году.

Въ 1743 году, *Іеремей Окладковъ*, купецъ изъ города Мезена, что въ Архангельскомъ Намѣстничествѣ, снарядилъ судно, посадилъ на него 14 человѣкъ и отправилъ въ *Шпицбергъ* для ловли китовъ.

Первые 8 дней ихъ мореплаваніе было очень благополучно; но девятаго вѣтеръ перемѣнился, и вмѣсто того, чтобъ плыть къ Западной сторонѣ Шпицберга, они унесены были къ Восточной, называемой по Руски малой Брунъ. Судно подошло къ сему острову разстояніемъ почти на три версты, и вдругъ со всѣхъ сторонъ окружено льдомъ. Въ семъ ужасномъ положеніи экипажъ собралъ совѣтъ. Прикащикъ *Алексѣй Гимковъ* вспомнилъ, что онъ слыхалъ, что нѣкоторые Мезенскіе жители выстроили за нѣсколько лѣтъ передъ симъ недалеко отъ моря хижину, въ которой проводили зиму. Сіе открытіе ихъ ободрило; они рѣшились прибѣгнуть въ сію хижину, и тамъ

пробыть до тѣхъ поръ, пока море очистится отъ льду: совѣтъ назначилъ четверыхъ искать сего жилища, или другаго средства къ спасенію экипажа отъ предстоявшей погибели, естьли, какъ то изъ всего видно было, ледъ продолжать будетъ препятствовать ихъ мореплаванію. Отправленные сіи были: прикащикъ, его крестной сынъ, Степанъ Шараповъ и Федоръ Веригинъ. Островъ, на которой они должны были сойти, былъ пустой. Они запаслись всѣмъ нужнымъ для ихъ поисковъ, и должны были около трехъ верстъ пройти по льду, которой подымаясь отъ волнъ и колебаясь отъ вѣтру, дѣлалъ сію переправу трудною и опасною. Они опасались брать съ собою большую ношу; только взяли ружье, двенадцать зарядовъ, 12 пуль, топоръ, небольшой котелъ, около 12 фунтовъ муки, ножъ, огниво, пузырь съ табакомъ и на каждаго по трубкѣ.

Благополучно сошли на землю, обошли островъ, и нашли хижину около полторы Англійской мили отъ берегу. Въ длину она была 36 футовъ, въ вышину 18 и почти столько же въ ширину: при ней была нѣкоторой родъ передней въ 12 фут. ширины. Сія

хижина много повредилась отъ непогодъ. Однакожъ должно было въ ней провесть ночь. На другой день на разсвѣтѣ побѣжали они къ морю, возвѣстить прочимъ о семъ щастливомъ открытіи, и вспомоществовать имъ въ переноскѣ на берегъ припасовъ и прочихъ снастей, необходимо нужныхъ для пребыванія на семъ островѣ. Они приближились къ тому мѣсту, гдѣ сошли на землю. Но какое было удивленіе ихъ и горесть! море совсѣмъ было чисто и корабль ихъ изчезъ; сильной ураганъ поднялся ночью, прогналъ ледъ, разбилъ и вѣроятно потопилъ корабль, потому что о немъ, такъ какъ и объ остальномъ экипажѣ, ничего не слышно было.

Симъ нещастнымъ, не имѣвшимъ никакой надежды увидѣть свое отечество, осталось одно средство, возвратиться въ хижину и въ ней бороться съ опасностями и бѣдствіями, коими они были окружены. Доски въ хижинѣ отъ морозу разсѣлись; они все починили, а щели оставшіяся законопатили мохомъ, котораго вокругъ ихъ было очень много. Эта работа была для нихъ тѣмъ легче, что въ Россіи каждой крестьянинъ умѣетъ плотничать, и можетъ построить себѣ домъ. По-

томъ они старались достать себѣ провизіи; 12 ружейными зарядами убили 12 лосей, которые на нѣсколько времени обезпечили ихъ въ пищѣ. По чрезмѣрному холоду въ сихъ климатахъ, не могутъ тамъ почти никакія животныя жить; даже нѣтъ и растѣній, не видно ни одного дерева, ни кустарника. Какъ противиться безъ огня чрезмѣрному холоду? какою загораемою матеріею замѣнить дрова? Предавшись симъ горестнымъ мыслямъ, наши островитяне ходили вдоль по берегу, на которомъ нашли обломки корабля, выдернутыя съ корнемъ деревья, что на долго могло служить имъ для топки.

Море принесло имъ также нѣсколько досокъ, въ которыхъ нашли большой желѣзный крюкъ, нѣсколько гвоздей длиною отъ 5 до 6 дюймовъ и другіе желѣзные куски: находка весьма драгоцѣнная для нихъ; но порохъ весь изошелъ, съѣстные припасы истощились; смерть уже видимо приближалась къ нимъ. Они еще здѣлали открытіе не менѣе полезное: выкопали съ помощію желѣзныхъ орудій корень длинной, крѣпкой и самою природою согнутой какъ бы лукомъ. Начали усовершенствовать сіе оружіе ножемъ;

но гдѣ взять тетиву и стрѣлъ? Не могши окончить сего дѣла, они принуждены были только сдѣлать родъ копья для защищенія себя отъ бѣлыхъ медвѣдей самыхъ лютыхъ и самыхъ для нихъ опасныхъ. Другое затрудненіе ихъ остановило: какъ безъ молотка завострить сіи копья?

Послѣ многихъ безплодныхъ усилій, они вздумали желѣзной крюкъ насадить на копье. Раскалили его въ огнѣ; понемногу большими гвоздями увеличили дыру, бывшую на срединѣ его, придѣлами рукоятку, большой камень служилъ имъ наковальнею, а пара оленьихъ роговъ щипцами. Такимъ образомъ они умудрялись сковать и вывострить два остріе на копья; привязали ихъ ремнями, здѣланными изъ оленьихъ кожъ къ шестамъ или палкамъ, моремъ выброшеннымъ. Вооружась такимъ образомъ они напали на бѣлаго медвѣдя и послѣ упорнѣйшаго и опаснѣйшаго сраженія убили сіе животное, которое послужило имъ новою пищею; мясо его имъ показалось очень вкусно и похоже на говядину; они тогда открыли, что сухія жилы сего животнаго удобно раздирались на весьма тонкія жилочки, что сверхъ дру-

тихъ выгодъ они могли изъ нихъ здѣлать тетивы для луковъ.

По чему немедленно начали завостривать гвоздики, привязывали сими жилами къ стрѣламъ съ одного конца, а съ другаго тоненькими ниточками привязывали перья морскихъ птицъ ими найденныя. Такимъ образомъ они приготовили себѣ сами нападательныя оружія, помощію которыхъ убили 250 лосей, множество бурыхъ и бѣлыхъ лисицъ: мясо сихъ животныхъ употребляли въ пищу, а кожи на платье и проч.

Нападенія на бѣлыхъ медвѣдей не столько были удачны, ибо только десять ихъ убили, и притомъ всегда подвергая жизнь величайшей опасности. На одного только они сами напали, а прочихъ убивали защищая себя; нѣкоторые приходили даже къ ихъ хижинѣ. Они не всѣ съ равнымъ жаромъ дрались: потому ли, что не всѣ равно были голодны, или потому, что отъ природы иные были мягкосердечнѣе, и какъ скоро входили въ хижины, то старались какъ можно убѣжать безъ всякаго защищенія. Впрочемъ частыя таковыя сраженія чрезмѣрно утомили сихъ бѣдняковъ; они боялись

каждую минуту, чтобЪ медвѣди не поѣли ихЪ.

По серединѣ острова нашли родЪ глины, изЪ которой сдѣлали ночники; темнота царствующая на семЪ островѣ дѣлаетЪ пребыванїе на немЪ еще ужаснѣе. ИтакЪ они поспѣшили сдѣлать ночникЪ; положили вЪ него лосинаго жиру, вмѣсто свѣтильни корпїи; но жирЪ не могЪ держаться; какЪ скоро отЪ жару растаялЪ, то прошелЪ сквозь глину. Здѣлали другой ночникЪ, которой положили сушить на воздухЪ, потомЪ раскалили его на огнѣ, а раскаливши бросили вЪ котелЪ, вЪ которомЪ вскипятили воду сЪ мукой, такЪ какЪ дѣлаютЪ крахмалЪ; это имѣло желаемый успѣхЪ: жирЪ не прошелЪ, но для большей безопасности они мочили вЪ крахмалѣ корпїи и еще сЪ наружи обмазали имЪ какЪ бы лакомЪ. Не только сдѣлали еще другой ночникЪ, для случаю, ежели первой разобьется, но и остальную муку спрятали, чтобы дѣлать ночники и впередЪ, естьли нужда потребуетЪ. Между тѣмЪ сЪ великимЪ тщанїемЪ переносили вЪ хижину пеньку, выбрасываемую моремЪ, которая идетЪ на конопать кораблей; ее же употребляли на свѣтильню. По

истощеніи ея изодрали на то рубашки и портки, чтобы ночникъ не угасалъ.

Еще другія нужды имъ угрожали, или скоро дали бы себя почувствовать: у нихъ не было ни рубашекъ, ни портковъ, сапоги и другая одежда износилась; зима приближалась и заставляла ихъ думать о томъ, какъ защитить себя отъ чрезмѣрной стужи. У нихъ много было лосиныхъ и лисьихъ кожъ; дѣло только въ томъ состояло, какъ сыскать средство ихъ выдѣлывать, что было не мало затруднительно. Послѣ многихъ совѣтованій они начали покрывать кожи нѣкоторою толчею, а лосиныя нѣсколько дней вымачивали въ холодной водѣ до тѣхъ поръ, какъ шерсть совсѣмъ слезетъ; потомъ сіи мокрыя кожи терли руками, покуда оныя почти совсѣмъ высыхали; тогда сверьху нѣсколько поливали оленьимъ жиромъ и опять терли, чтобъ онъ вошелъ въ кожу, отъ чего она дѣлалась мягче, гибче и способнѣе къ употребленію ей назначенному. Мѣхи, которые они хотѣли употребить вмѣсто шубъ, мочили только день въ холодной водѣ, а потомъ выдѣлывали ихъ такъ, какъ и первые; кусокъ проволоки служилъ имъ вмѣсто иглы, а лосиныя жилы вмѣсто нитокъ.

Таким-то образомъ сіи нещастные тщаніемъ своимъ превозмогли страшныя и безчисленныя препятствія тогда, какъ нагота почти совершенная и суровость климата сопротивлялись ихъ сохраненію. Естьли бы человѣкъ могъ быть доволенъ только тѣмъ, чтобъ жить: то бы имъ нѣчего было болѣе желать. Но быть удаленнымъ отъ всего свѣта, не имѣя надежды возвратиться къ нему и получить вспомоществованіе среди лютаго ожиданія, лишиться всѣхъ одинъ за другимъ своихъ товарищей, остаться одному въ такое время, когда дряхлость лишитъ всѣхъ силъ и предастъ на жертву алчности плотоядныхъ животныхъ; въ такое время, въ которое слабость и изнеможеніе, не уменьша нуждъ и чувствованій, будутъ препятствовать ихъ удовлетворенію; оставаться тамъ, гдѣ страхъ голодной смерти усугубляетъ всѣ ужасы смерти; наконецъ гдѣ воспоминаніе о пріятностяхъ общественной жизни, нѣжныхъ объятіяхъ любимой супруги, милыхъ и трогательныхъ ласкахъ дѣтей, въ которыхъ кажется мы вновь раждаемся; словомъ, гдѣ все сіе совокупно раздираетъ сердце и исполняетъ его отчаяніемъ.

Такія мысли были безпрерывною казнію для нашихъ островитянъ. Въ первые годы, подкрѣпляемы будучи надеждою, они удаляли ихъ отъ себя; но въ послѣдніе предались имъ съ большею силою. Особенно же Алексѣй Химковъ не преставалъ оплакивать своего жребія. Онъ былъ отецъ, супругъ; жена его и дѣти безпрестанно занимали его душу и сердце. Въ таковыхъ плачевныхъ обстоятельствахъ, какое утѣшеніе можетъ подать разумъ? Будущее еще было ужаснѣе; они представляли себѣ, какъ послѣдній изъ нихъ, закрывъ глаза нещастнымъ своимъ товарищамъ, согбенный подъ тяжестію лѣтъ и дряхлости, оставленъ на растерзаніе медвѣдямъ; имъ слышались его вопли и стоны, раздающіеся въ сей пространной степи.

Ѳедоръ Верягинъ впалъ въ разслабленіе и претерпѣвалъ лютѣйшую боль. Товарищи его заняты будучи попеченіями частію о своемъ больномъ, а частію о общей безопасности, видѣли предъ собою печальнѣйшее зрѣлище, то крайнее бѣдствіе, до котораго они были доверены: никакой помощи не могли ожидать ни отъ искуства, ни отъ натуры; болѣзненное состояніе ихъ товарища было предзнаменованіемъ

того бѣдствїя, какое всѣхъ ихъ ожидаетъ. Верягинъ, лишенный всякой помощи, учинился жертвою своей болѣзни. Товарищи оплакивали его, какъ защитника своего, какъ друга, участвовавшаго въ общемъ бѣдствїи и тѣмъ оное облегчавшаго. Онъ умеръ въ ту зиму, которая была послѣднею тамошняго ихъ пребыванїя; похоронили его какъ можно глубже въ снѣгу, дабы не подвергнуть алчности бѣлыхъ медвѣдей.

Но отвратимъ взоръ нашъ отъ сего ужаснаго позорища; бѣдствїе и страхъ перестали уже быть удѣломъ сихъ страдальцевъ: Россїйской корабль представляется ихъ взору 15 го Августа 1749 го. Они разводятъ большїе огни на ближайшихъ холмахъ; бѣгутъ къ берегу и привязавши къ длинному шесту оленью кожу машутъ ею. Корабль приближается къ берегу, беретъ ихъ къ себѣ, и они обѣщаютъ своему избавителю услуги и 25 рублей денегъ при высадкѣ; перетащили на бортъ все свое богатство, т. е. 2000 фунтовъ оленьяго сала, медвѣжьи, лисьи, лосиныя кожи, свои копья, стрѣлы, луки, иглы, ножикъ, топоръ, которые совсѣмъ почти сдѣлались неспособными къ употребленїю.

Безъ всякаго нещастнаго приключенія они прибыли наконецъ въ Архангельскъ 28 Сентября 1749, проведши въ ужасномъ уединеніи цѣлые шесть лѣтъ и три мѣсяца. Жена Алексѣя Гимкова по случаю была на берегу во время прибытія корабля. Она узнала своего мужа и побѣжала къ нему на встрѣчу съ такою нетерпѣливостію, что упала въ море и съ великимъ трудомъ могли ее вытащить. Корабль, освободившій сихъ нещастныхъ, долженъ былъ зимовать въ Новой Землѣ; но Директоръ надъ ловлею китовъ предложилъ экипажу провесть сіе время на Западной сторонѣ Шпицберга; противный вѣтеръ унесъ его на Восточную. Сіи трое нещастные, но уже избавленные, такъ давно не ѣли хлѣба, что не могли опять его употреблять, и онъ причинялъ въ желудкѣ ихъ сильные вѣтры; то же производили и крѣпкіе напитки, которыхъ они не могли уже пить, и потому чистая вода съ тѣхъ поръ была всегда единственнымъ ихъ питьемъ.

Истинна сей повѣсти подтверждается многими достовѣрными свидѣтельствами. Г. Клинштадтъ, главный Авдиторъ при Архангельскомъ Адмиралтействѣ, распрашивалъ по оди-

начкѣ сихъ матросовъ по прибытіи ихъ въ городъ и записывалъ слово въ слово ихъ отвѣты, въ которыхъ нашелъ совершеннѣйшее сходство. Нѣсколько спустя Г. ле Руа, Професоръ Исторіи въ Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, призвалъ къ себѣ двоихъ изъ сихъ мореходцовъ, Алексѣя и Ивана Гимковыхъ и ихъ повѣствованіе во всемъ было сходно съ первымъ.

Шпицбергъ есть самой сѣверной изъ всѣхъ полярныхъ Арктическихъ земель, какія намъ извѣстны доселѣ. Онъ простирается отъ 76 град. широты до 80 го, открытъ былъ Голландцами въ 1596. Холодъ въ Шпицбергѣ чрезвычаенъ и воздухъ весьма пронзителенъ. Лѣтомъ солнце бываетъ на горизонтѣ 6 мѣсяцовъ, что составляетъ безпрестанный день; но лучи его такъ слабы, что стужа весьма мало уменьшается.

Сія страна совсѣмъ необитаема: тамъ живутъ только бѣлые медвѣди столько же велики и сильны, какъ и быки; они живутъ на льду; много лисицъ разныхъ шерстью: и лосей, сіи послѣднія весьма похожи на оленей, и питаются блѣднозеленымъ мохомъ рас-

тущимъ на песку и на камняхъ. Олени бываютъ очень худы, пока снѣгъ бываетъ глубокъ: но какъ скоро онъ начнетъ таять, то они становятся очень жирны.

Въ Шпицбергѣ не растетъ никакихъ деревъ, ни кустарниковъ; впрочемъ пріѣжжающіе туда для ловли китовъ находятъ множество наноснаго лѣсу, всякой разъ пригоняемаго къ берегу приливомъ. Трудно изъяснить откуда онъ приходитъ. Но его равномѣрно находятъ на всѣхъ сѣверныхъ берегахъ.

Тамъ есть также дикія утки и другія птицы. Маленькихъ рыбъ нѣтъ, кромѣ трески (мерлуши) и то весьма мало.

Всякой годъ къ берегу пристаютъ корабли многихъ націй для ловли китовъ. Каждой народъ имѣетъ особенную свою пристань или мѣсто для пристани, хижины, очаги и прочее нужное для выгонки китоваго жиру; все сіе оставляютъ они тутъ до будущаго года, естьли время принудитъ ихъ удалиться отъ сего берега.

Одинъ китъ даетъ жиру отъ 60 до 100 боченковъ, изъ коихъ каждой продаютъ по 3 или по 4 фунта стерлинга.

VIII.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Россійскаго судна Святаго Петра *при берегахъ* острова Беринга, *на* Камчатскомъ *морѣ*, *1741 году*, *и Историческое описаніе сей страны и* острововъ Курильскихъ.

Россіяне болѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ націй, могли бы интересоваться открытіями на Сѣверѣ, какъ по Ледовитому морю, чтобы пройти въ Восточную Индію, такъ и по Камчатскому, чтобы найти путь въ Америку. Кромѣ выгоднаго положенія ихъ Государства и того, что они большую часть дороги могутъ совершить сухимъ путемъ, имѣли они еще другія пособія, какъ то, довольно шубъ, привыкли къ климату и удобнѣе могли запастись пищею. Не смотря на то Голландцы и Агнличане съ большею ревностію искали пути въ Индію, какъ то мы видѣли въ предъидущихъ повѣствованіяхъ.

Правда, Россіяне и прежде покушались дѣлать подобные поиски, и учи-

нили уже нѣкоторыя открытія; однакожъ сіи открытія, до Петра великаго учиненныя, были маловажны и производимы были почти безъ всякаго участія въ томъ со стороны правительства.

Въ 1720 году, путешествіе предпринятое Россійскими мореплавателями на край Сибири, кончилось только открытіемъ островов Курильскихъ, лежащихъ къ Сѣверу отъ Японіи. Императоръ самъ начерталъ тому планъ. Вскорѣ послѣ того обратилъ онъ вниманіе на то, чтобъ развѣдать морскія границы древняго и новаго свѣта; но сіе славное предпріятіе въ царствованіе его не совершилось; смерть его постигла Февраля 8 го 1725 года.

Тогда уже думали, что сей проэктъ останется безъ исполненія; но Императрица Екатерина ревнуя дѣяніямъ своего супруга и желая довершить его предпріятія, опредѣляетъ произвесть въ дѣйство сей планъ въ томъ же самой годъ, когда онъ скончался.

Первая Камчатская *Экспедиція.*

Славной *Берингъ*, родомъ Датчанинъ, но съ 1707 го года вступившій въ Россійскую морскую службу, былъ назначенъ начальникомъ сей экспедиціи. Онъ съ великими знаніями соединялъ

въ себѣ твердость духа и великую опытность. При немъ Лейтенантами были Нѣмецъ Мартынъ *Шланбергъ*, и Россіянинъ *Чириковъ*. Берингъ и его Лейтенанты около пяти лѣтъ занимались приготовленіями къ сему путешествію. Въ 1727 году прибыли они въ Камчатку и рекогнесцировали ея берега. Они тамъ зимовали. Въ слѣдующій годъ открыли островъ Святаго Лаврентія, и три другіе небольшіе острова, не подалеку отъ восточныхъ береговъ Азіи. Приближеніе зимы и опасность отъ льдовъ заставили Беринга подумать о возвращеніи. 20 го Сентября 1718 года, онъ возвратился въ рѣку Камчатку.

Россіяне въ другой разъ оставили берега Камчатки, и пустились въ море 5 го Іюня 1729 го года; но сильной Востоко-Сѣверо-Восточной вѣтръ не позволилъ имъ отойти болѣе шестидесяти осьми миль. Не нашедши однако никакой земли, перемѣнили свой путь; прошли южной край Камчатки и стали на якорѣ при Охотскѣ (1). Оттуда Берингъ отправился въ Якутскъ (2), а потомъ въ Петербургъ, куда и прибылъ 1 го Марта 1730 го года.

Сіе покушеніе Россіянъ называется первою экспедиціею *Камчатскою*. Мы

приступимъ ко второй, какъ къ важнѣйшей. Въ концѣ сей послѣдней Берингъ сѣлъ на мѣль притомъ островѣ, которой потомъ названъ его именемъ, гдѣ онъ и умеръ. Г. *Делилъ дела Кроайеръ*, Профессоръ Астрономіи въ Петербургѣ, братъ Г. *Делиля*, члена Академіи *Парижской*, находился также при сей экспедиціи на кораблѣ *Святаго Павла* съ Г. Чириковымъ. Мы предложимъ гораздо обстоятельнѣе приключенія сего втораго путешествія Россійскаго по Камчатскому морю, не преступая однакожъ назначенныхъ нами границъ.

Вторая Камчатская *Експедиція* (1)

По окончаніи первой своей экспедиціи Капитанъ Берингъ объявилъ, что во время его путешествія къ Восточному берегу Азіи, между 50мъ и 60мъ градусами, онъ примѣтилъ довольно вѣроятные признаки какого нибудь берега или земли, лежащей къ Востоку; онъ заключалъ это по низкимъ волнамъ, каковыя обыкновенно бываютъ въ проливахъ и заливахъ; находилъ также сосны плавающія и другія дерева, которыхъ нѣтъ въ Камчаткѣ, и которыя занесены восточнымъ вѣтромъ; видалъ, что въ Камчатку всякой годъ въ извѣстное время приле-

тают нѣкоторыя птицы, которыя спустя нѣсколько мѣсяцовъ опять въ извѣстное время отлетають. Наконецъ къ симъ замѣчаніямъ Берингъ присовокупилъ, что многіе Камчадалы увѣряли его, что въ ясные дни видали съ высокихъ береговъ землю на Востокѣ.

Капитанъ Берингъ и двое его Лейтенантовъ Шпанбергъ и Чириковъ сильно будучи предувѣрены по признакамъ, что должна быть Новая Земля, предложили вторую Камчатскую экспедицію. Сіи неустрашимые мореплаватели вызвались тогда же сдѣлать покушеніе къ новымъ открытіямъ между Азіею и Сѣверною Америкою. Россійскій дворъ наслаждался тогда совершеннымъ миромъ; онъ чувствовалъ важность сего проэкта, и занимался имъ не ослабло. Сей вызовъ Беринговъ былъ принятъ съ удовольствіемъ: онъ назначенъ начальникомъ сего новаго предпріятія, и награжденъ чиномъ Капитана Коммандора; оба его Лейтенанты также пожалованы Капитанами и поручены въ его команду.

Въ Апрѣлѣ 1732 го года, правительствующій Сенатъ получилъ особыя повелѣнія, насланныя изъ Императорскаго Кабинета, относительно до сего предпріятія; немедленно онъ потребо-

валъ изъ Академiи Наукъ подробнаго описанiя о томъ, что дотолѣ извѣстно было о Камчаткѣ, равно какъ и объ окружающихъ ее странахъ и моряхъ. Академiя возложила сiе на Г. *Делиля* Французскаго Астронома, брата извѣстнаго Делиля Географа.

Г. Делиль собралъ объясненiя, какiя могъ ему представить Капитанъ Берингъ, и всѣ описанiя путешествiй учиненныхъ по симъ морямъ. Сообразно съ тѣмъ сдѣлалъ онъ карту представляющую съ одной стороны восточной край Азiи, съ другой противуположныя берега Сѣверной Америки; тутъ тотчасъ можно было видѣть, что оставалось еще открыть между сими двумя частями свѣта. Камчатка, земля Jecco, Островъ Штатовъ (l'ile des Etats), Земля Компанiи (la terre de la Companie), Японiя и берегъ усмотрѣнный Гишпанскимъ Капитаномъ Жаномъ де Гамою были назначены на ней довольно исправно по тѣмъ понятiямъ, какiя тогда имѣли о сихъ странахъ. Г. Делиль присоединилъ къ сей картѣ подробныя росписанiя и объясненiя.

Три пути назначены были Г. Делилемъ, и даже начертаны на самой картѣ.

Первой должно было предпріять на Югъ отъ Камчатки прямо къ Японіи; сего пути не можно было совершить не проходя Іессо, или лучше сказать тѣ мѣста, которыя отдѣляютъ ее отъ острова Штатовъ и отъ земли Компаніи.

Второй долженъ быть направленъ отъ Восточной стороны Камчатки до того, пока найдутъ берега Американскія къ Сѣверу отъ Калифорніи.

Наконецъ третій имѣлъ предметомъ своимъ ту землю, о которой Капитанъ Берингъ получилъ столь вѣрные признаки въ первомъ своемъ путешествіи въ Камчатку.

Когда карта и записки представлены были *отъ Академіи Правительствующему Сенату*; то Сенатъ, Адмиралтейская Коллегія и Академія приняли всѣ вмѣстѣ нужныя мѣры къ произведенію въ дѣйство сего предпріятія. Въ то же время опредѣлили воспользоваться симъ случаемъ испытать, можно ли найти желанный проѣздъ чрезъ Сѣверъ по Ледовитому морю, чего издавна искали тщетно Англичане и Голландцы.

Не должно забыть и того къ славѣ Россійской націи, что Академія при семъ случаѣ получила повеленіе

выбрать двухъ членовъ, которые бы по наблюденiямъ Астрономическимъ могли означить различное положенie новыхъ земель, имѣющихъ быть открытыми, и которые бы могли обогатить Натуральную Исторiю въ различныхъ ея частяхъ. ГГ. Жанъ-Георгъ *Гмелинъ*, и Людовикъ *Делиль де ла Кроайеръ*, Профессоры Санктпетербургской Академiи Наукъ, одинъ Химiи и Натуральной Исторiи, другой Астрономiи, при первомъ извѣстiи о путешествiи представили свои услуги; Сенатъ по представленiю Академiи ихъ подтвердилъ. Къ нимъ присоединенъ Профессоръ *Миллеръ*, которому препоручено сочинить описанie Сибири, и написать исторiю предпринятаго путешествiя.

ГГ. Гмелинъ и Миллеръ сдѣлались больны еще при самомъ приготовленiи къ путешествiю, и для того остались въ Сибири; но для путешествiя въ Америку заступилъ мѣсто ихъ Академической Профессоръ *Штелеръ*.

Особенныя путешествiя Россiянъ для изысканiя проѣзду чрезъ Сѣверъ.

Кромѣ трехъ главныхъ начальниковъ при семъ предпрiятiи, то есть

кромѣ Беринга, Шпанберга и Чирикова, Адмиралтейская Коллегія выбрала еще много другихъ Офицеровъ и подчинила ихъ Капитану Коммандору; въ семъ числѣ трое особенно были назначены для изысканія по разнымъ дорогамъ морскаго проѣзду чрезъ Сѣверъ. Одинъ долженъ былъ итти отъ рѣки Оби (3) къ Енисею, а прочіе двое должны были плыть въ то же время отъ Лены, одинъ къ Енисею на западъ, а другой къ Камчаткѣ на востокъ, проѣжжая мысъ Калагинской. Симъ путешествіямъ должно было совершиться прежде главной экспедиціи. Адмиралтейская Коллегія приняла подъ свою непосредственную дирекцію проѣздъ отъ Архангельска до Оби, и опредѣлила для сего трехъ Офицеровъ. Первой былъ Лейтенантъ *Муравьевъ*. Онъ испытывалъ сей путь въ 1734мъ году; но въ семъ году не могъ дойти далѣе рѣки Печоры. На слѣдующій годъ онъ прошелъ Вайгатской проливъ, имѣя съ лѣвой стороны островъ Вейгатъ или Вайгачь, а съ правой твердую землю. Онъ вступилъ въ Карское море и прошелъ берегъ Ялмала, до $72\frac{1}{2}$ градусовъ Сѣверной широты.

Россiяне назвали *Карскимъ моремъ* то, которое находится по выходѣ изъ Вейгатскаго пролива между Новою Землею и большимъ мысомъ твердой земли, составляющей западной берегъ Обскаго залива. Самоѣды называютъ сей мысъ *Ялмаломъ*.

Сей Офицеръ тщетно дѣлалъ великiя усилiя, дабы пробраться далѣе къ полюсу. Онъ не могъ объѣхать Ялмала. Однакожъ въ 1738 году успѣли въ томъ другiе два Офицера, *Малыгинъ* и *Скуратовъ*; они вошли въ Обской заливъ. Въ 1739 году Поручики *Овчинъ* и *Коршетевъ* успѣли въ предпрiятiи дойти до Енисейска.

Льды и скорбутъ были непреодолимымъ препятствiемъ при другихъ двухъ предпрiятiяхъ; первое было отъ Енисея до Лены и обратно; второ отъ Лены на востокъ, для изысканiя пути по морю къ Камчаткѣ. Сiи покушенiя были предпрiемлемы безуспѣшно нѣсколько разъ, какъ-то въ 1735 мъ, 1736 мъ, и 1737 мъ годахъ.

Хотя сiи путешествiя остались безуспѣшны судя по той цѣли, для какой были предпрiемлемы, то есть, чтобъ найти проѣздъ по Сѣверному Океану, однакожъ они доставили также немало пользы. Во первыхъ Гео-

графическое свѣдѣнїе о сихъ странахъ сдѣлалось гораздо обширнѣе и обстоятельнѣе; во вторыхъ невозможность судоходства по Ледовитому морю по крайней мѣрѣ такъ, какъ Англичане и Голландцы покушались найти путь въ Индїю, теперь совершенно утверждена (*).

Подробность сихъ различныхъ предприятїй удалили насъ отъ главной нашей цѣли; мы обратимся къ оной. Вторая Камчатская экспедицїя раздѣлена на два путешествїя; одно на востокъ, а другое на югъ. Капитанъ Шпанбергъ былъ назначенъ для перваго, котораго цѣлью была Японїя. Берингъ съ Капитаномъ Чириковымъ предоставилъ себѣ второе; онъ имѣлъ предметомъ своимъ, достигнуть Америки.

Путешествїе Россїянъ къ Японїи.

Въ началѣ 1733го года, Берингъ и Шпанбергъ выѣхали изъ Петербурга, дабы ускорить приготовленїя своей экспедицїи; но при всей живости, ка-

(*) Сїя важная истинна объяснена удовлетворительно Г. Миллеромъ, ученѣйшимъ мужемъ. См. первой Томъ de l'Histoire des Voyages, et decouvertes des Russes. Amst. 1766.

кую ихъ присутствіе принесло въ построеніи кораблей и въ перевозкѣ съѣстныхъ припасовъ изъ Якутска къ Охотску, все происходило медленно. Однакожъ послѣ пятилѣтняго терпѣнія Шпанбергъ собрался ѣхать къ Японіи. Онъ взошелъ на судно *Михаила Архангела*, а Порутчикъ *Вальтонъ* командовалъ подъ его вѣдѣніемъ двойною шлюпкою *Надеждою*. Къ сей флотиліи присоединена еще шлюпка *Гавріилъ*. Съ сими треми судами Капитанъ пустился изъ Охотска въ половинѣ Іюня 1738 го года. Онъ приставалъ сперьва къ Камчаткѣ, дабы заготовить себѣ тамъ впередъ зимнія квартиры. Пробывши тамъ нѣсколько дней пошелъ прямо къ Курильскимъ островамъ, обозрѣлъ ихъ, и продолжалъ потомъ путь свой даже до 46 го градуса широты на Юго-Западъ. Наступившая осень принудила его возвратиться въ Камчатку, гдѣ онъ и зимовалъ. —

Шпанбергъ желая нетерпѣливо исполнить возложенную должность, пустился въ море 22 го Маія 1739 года осмотрѣвши въ другой разъ острова Курильскіе. Вальтонъ и онъ шли вмѣстѣ, какъ вдругъ 14 го Іюня возставшая сильная буря, сопровождаемая гу-

стымъ туманомъ ихъ разлучила. Тщетно они искали другъ друга чрезъ цѣлые два дня; они болѣе не сходились во все продолженіе сего путешествія, которое каждый совершилъ своею дорогою.

Іюня 16 го дня, Шпанбергъ остановился на якорѣ при берегахъ Японскихъ на двадцати пяти саженяхъ глубины по вычисленію его подъ 48° — 41' широты. Въ пристанѣ, при которой онъ остановился, увидѣлъ множество Японскихъ судовъ, а по берегу деревни, поля покрытыя жатвою, и большія древнія лѣса. Многіе Японцы взошли къ нимъ на судно, и снабдили ихъ свѣжею рыбою, овощами и плодами, а въ замѣну за то получили товары. Капитанъ неотважился сойти на берегъ боясь вѣроломства, а дѣлалъ наблюденія о берегахъ съ корабля своего. Шпанбергъ исполнивъ главную цѣль своего путешествія, предпринялъ обратно путь къ Камчаткѣ; онъ прибылъ туда 15 го Августа 1739 года. Потомъ поворотилъ къ Охотску и сталъ тамъ на якорѣ 29 го Августа. Его Лейтенантъ прибылъ туда прежде его.

Вальтонъ, по донесенію его, присталъ къ Японіи 18 го Іюня подъ 33°

и 48[1]. Онъ стоялъ тамъ на тридцати трехъ саженяхъ глубины въ такой пристани, въ которой нащиталъ около 80 Японскихъ судовъ величиною съ Европейскія галеры; сверьхъ того было тамъ еще болѣе ста мѣлкихъ судовъ. Городъ былъ довольно великъ и безчисленная толпа зрителей покрывала берега со всѣхъ сторонъ. Вальтонъ призываемъ будучи знаками сойти на землю, послалъ туда на ботѣ Офицера и штурмана съ шестью вооруженными солдатами. Они нашли тамъ городъ состоящій почти изъ 1500 домовъ каменныхъ и деревянныхъ. Ихъ приняли ласково, и многіе Японцы, къ которымъ они заходили, потчивали ихъ полдникомъ. У Японцовъ не только въ домахъ, но и на улицахъ примѣтна была великая чистота. Посланные видѣли у нихъ множество лошадей, коровъ и куръ. Поля, окружающія городъ, были покрыты пшеницею и горохомъ. Ботъ при возвращеніи своемъ на корабль сопровождаемъ былъ множествомъ мѣлкихъ судовъ, изъ коихъ почти на каждомъ сидѣли по пятнадцати человѣкъ. Многіе изъ нихъ торговали съ Рускими. Во время Вальтонова тамъ пребыванія далъ онъ знаками раз-

умѣть, что имѣетъ нужду въ прѣсной водѣ; Японцы взяли сами нѣсколько бочекъ, которыя спустили имъ съ корабля, поплыли въ лодкахъ своихъ къ берегу, и черезъ нѣсколько времени привезли ихъ назадъ наполненныя водою. Они показали потомъ написанную какую-то бумагу, которой Вальтонъ не могъ прочитать, но которую онъ почелъ за приказъ городскаго начальника, чтобъ не отказывать въ вспоможенiи чужестранцамъ, ежели они того потребуютъ. Японцы принесшiе ту бумагу, знаками давали разумѣть Капитану, чтобъ онъ ближе къ берегу придвинулъ корабль свой, и что они въ томъ ему помогутъ. Вальтонъ долго сомнѣвался; но прежде нежели на то рѣшился, шлюпка присланная изъ пристани привезла Японцамъ повелѣнiе, не имѣть никакого сообщенiя съ чужестранцами. Офицеръ, командовавшiй ею, тотчасъ приказалъ удалиться всѣмъ лодкамъ, которыя окружали Россiйской корабль.

Вальтонъ пробылъ еще нѣсколько времени при берегахъ Японскихъ. Удовольствовавъ свое любопытство и кончивъ свои наблюденiя, онъ пустился къ Востоку, въ надеждѣ открыть какую нибудь землю или островъ; но

не нашедши ничего возвратился въ Камчатку; прибылъ туда 23 го Іюля 1739 года.

Шпанбергъ и его Лейтенантъ каждый съ своей стороны сочинилъ ландкарту и описаніе своихъ путешествій, которыя и отосланы въ Петербургъ. Согласность сихъ извѣстій заставила оныя принять съ благосклонностію. Между тѣмъ сравнивали оныя со всеобщею картою Россійскаго Государства, сочиненною Г. *Кириловымъ*, которой Японію поставилъ почти подъ однимъ меридіаномъ съ Камчаткою; вмѣсто того по запискамъ Шпанберга и Вальтона нашлось, что Японія одиннадцатью или двенадцатью градусами подалась къ западу. *И* потому опасались, чтобъ сіи два мореплавателя не почли Корею за Японію. Въ сей-то неизвѣстности опредѣлено другое путешествіе, которое и произведено въ 1741 и въ 1742 годахъ; но было безуспѣшно. Шпанбергъ претерпѣлъ тогда великія нещастія и препятствія. Едва прошелъ первые острова Курильскіе, какъ принужденъ былъ по худому состоянію корабля своего возвратиться въ Охотскъ.

Японская экспедиція кончилась сими двумя путешествіями, которыя

сперва были приняты съ нѣкоторымъ сомнѣнiемъ; но мало по малу доказательства усилились въ пользу перваго мореплаванiя. Теперь неостается никакого сомнѣнiя, что записки Шпанберговы правильны; по крайней мѣрѣ славнѣйшiе Французскiе Географы, какъ-то Данвилль, Бюашъ, и Белленъ на картахъ своихъ полагаютъ одинакое различiе долготы Японiи и Камчатки, какое и сiи оба Россiйскiе мореплаватели.

Путешествiе Россiянъ къ Америкѣ.

Экспедицiя Г. Шпанберга столько истощила магазинъ Охотской, что цѣлые два года должно было его наполнять новыми снарядами. Берингъ въ сiе время успѣлъ построить два корабля гораздо больше тѣхъ, какiе были у Шпанберга, и изъ лучшаго дерева, дабы они въ состоянiи были противустоять морскимъ волнамъ и самымъ льдамъ; одинъ названъ *Святымъ Петромъ*, а другой *Святымъ Павломъ*.

Капитанъ Командоръ въ половинѣ осени 1739 го года послалъ лоцмана *Елагина* на восточной берегъ Камчатки, осмотрѣть *Аватской* заливъ и выбрать тамъ мѣсто удобное для зимованья, для временной пристани, и гдѣ бы

можно бы построить магазины и казармы. Елагинъ не замедлилъ возвратиться, нашедъ по близости рѣки Аватски одинъ заливъ весьма выгодной и соотвѣтствующій намѣреніямъ Беринга; его назвали *Аватскимъ заливомъ* (5). Въ слѣдующую весну ГГ. Делиль дела Кроайеръ и Штеллеръ прибыли въ Охотскъ. Лейтенантъ *Иванъ Чихачевъ* и Мичманъ *Софронъ Хитровъ*, которой вскорѣ послѣ того пожалованъ Лейтенантомъ, прибыли туда изъ Петербурга почти въ одно время съ ними.

Въ половинѣ лѣта 1740 го, всѣ экипажи были готовы. Тотчасъ рѣшились воспользоваться остаткомъ хорошаго времени и перебраться въ Камчатку. Однакожъ отъѣздъ возпослѣдовалъ не прежде 4 го Сентября. Берингъ, главной Командиръ сей экспедиціи, сѣлъ на пакетботъ Святаго Петра, а Капитанъ Чириковъ на Пакетботъ Святаго Павла. Прочія два судна нагружены были провизіею. Для двухъ Академиковъ и ихъ багажу было особенное судно.

27 го Сентября, флотилія прошедши проливъ, раздѣляющій южной мысъ Камчатки отъ перваго острова Курильскаго, въ которомъ мѣстѣ судно

Святаго Петра не однократно было въ опасности, взошла щастливо въ заливъ и гавань Аватскую; тутъ они провели зиму. Сія гавань есть самая лучшая, какая только на сихъ водахъ извѣстна; двадцать большихъ кораблей могутъ тамъ стоять удобно, не будучи обезпокоиваемы никакими вѣтрами. Прѣсная вода тамъ здорова и чиста. Капитанъ Командоръ, будучи очень доволенъ выгодами сего мѣстоположенія, назвалъ сію гавань по имени своихъ пакетботовъ: *гаванью Святаго Петра и Павла.*

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ оной, Берингъ собралъ совѣтъ, дабы согласиться въ томъ, какой избрать имъ путь. Г. де ла Кроайеръ былъ также приглашенъ. Земля видѣнная Жаномъ де Гамою, которая была означена на картѣ Г. Делиля, побудила начальниковъ экспедиціи предпринять дальнѣйшее объ ней изслѣдованіе. Опредѣленіе заключалось въ слѣдующихъ пунктахъ: „Сперьва итти къ юговосточному мысу на югъ къ той землѣ, которую „видѣлъ Жанъ де Гама; а ежели не„найдутъ ее даже до высоты 46 гра„дуса, то поворотиться на востокъ „и на Сѣверовостокъ покрайней мѣрѣ

„до 65 го градуса широты„ Тутъ же положено было, чтобъ Академикамъ раздѣлиться на два главныя корабля, и потому Г. Штеллеръ сѣлъ на пакетботъ Святаго Петра, а Г. де ла Кроайеръ на пакетботъ Святаго Павла.

Нагрузивши корабли довольнымъ количествомъ припасовъ, и запасшись всѣмъ нужнымъ, два Капитана подняли парусы 4 го 1741 го года и пошли отклоняясь отъ Юговостока къ Югу, такъ какъ о томъ положено въ ихъ совѣтѣ. Они держались сего направленія до 12 числа сего мѣсяца и достигли 46 го градуса широты, не видя ни твердой земли, ни острова. Такимъ образомъ сіи два экипажа совершенно увѣрились, что земля Жана де Гама совсѣмъ не существуетъ въ сихъ водахъ. Они поворотили свои корабли и плыли къ Сѣверу до 50 го градуса широты, не находя никакихъ земель. Тутъ рѣшились податься къ Востоку, въ намѣреніи достигнуть береговъ Американскихъ. 20 го числа ужасная буря, сопровождаемая густымъ туманомъ, разлучила Беринга съ Чириковымъ.

Сіе нещастіе было первое по выходѣ ихъ изъ пристани. Мысль, что

они во все время путешествія своего не могутъ другъ другу взаимно подать помощи въ семъ морѣ совсѣмъ для нихъ неизвѣстномъ, дѣлала сію разлуку весьма чувствительною. Но это было только началомъ тѣхъ бѣдствій, какія имъ испытать надлежало. Капитанъ Командоръ употребилъ всевозможныя старанія, дабы соединиться опять съ Чириковымъ. Онъ крейсировалъ за нимъ между 50 мъ и 51 мъ градусомъ, иногда подавая знаки пушечными выстрѣлами, и даже возвращался назадъ къ Юго-Востоку до 45 ти градусовъ. Все было безполезно; два Капитана болѣе никогда не сошлись; но записки и рапорты въ разсужденіи открытій, ими порознь писанныя, не менѣе того совершенно между собою сходны.

До 18 го Іюля не произошло ничего чрезвычайнаго, какъ Берингъ, надѣясь найти пакетботъ святаго Павла, всегда держался болѣе къ Сѣверу, и приплылъ къ берегамъ Американскимъ подъ 58 мъ градусомъ и 28 ю минутою широты, и подъ 50 мъ градусомъ долготы по его вычисленію. Спустя три дни потомъ Чириковъ присталъ къ тому берегу подъ 56 мъ

градусомъ широты, и подъ 50мъ градусомъ долготы щитая отъ Аватски.

Берегъ, которой былъ въ виду у Чирикова, былъ утесистой, окруженъ многими скалами, и не имѣлъ около себя ни одного острова. Опасаясь, чтобъ не разбилось судно, онъ не отважился близко подходить къ берегамъ, а въ нѣкоторомъ разстоянiи остановился на якорѣ. Недостатокъ воды, и желанiе обстоятельнѣе узнать сiю страну побудили Капитана послать на твердую землю одну большую шлюпку подъ начальствомъ лоцмана *Абрама Дементьева* съ десятью отборными человѣками изъ своей свиты. Съ ними отпущено съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней, ружья, аммуницiи и одна мѣдная пушка. Чириковъ далъ имъ наставленiе, что имъ дѣлать въ случаѣ какого нибудь приключенiя и условился въ различныхъ сигналахъ, которыми они должны давать знаки кораблю.

Экипажъ сперьва не терялъ изъ глазъ шлюпку, и видно было, какъ она вошла въ одинъ заливъ позади не большаго мыса. Нѣсколько дней прошло, но шлюпка не возвращалась, хотя съ судна безпрестанно продолжались сигналы. Думали, что причи-

ною ея медленія есть то, что она повредилась и имѣетъ нужду въ поправкѣ, чтобъ быть въ состояніи, возвратиться къ кораблю. Въ семъ мнѣніи рѣшились послать туда небольшую шлюпку, и на ней боцмана *Сидора Савельева* съ пятью или шестью человѣками исправно вооруженными, между которыми одинъ конопатильщикъ и два плотника. Взявъ съ собою всѣ нужные матеріалы Савельевъ прибылъ на твердую землю 25 го Іюня. Онъ имѣлъ повелѣніе возвратиться вмѣстѣ съ Дементьевымъ или и безъ него, какъ скоро большая шлюпка будетъ починена. Ни тотъ, ни другой назадъ не возвращаются. Ожидая ихъ увидѣли на берегу восходящій дымъ, продолжавшійся во весь тотъ день.

22 го числа поутру, увидѣли два судна на веслахъ, которыя отвалили отъ берегу и приближались къ кораблю. Всѣ думали, что это ихъ двѣ шлюпки возвращаются. Вышли на палубу; но узнали тотчасъ, какъ скоро они приближились, что это были Американцы; сіи увидѣвъ великое множество народу на суднѣ, которымъ, по видимому, надѣялись они нечаянно овладѣть, перестали грести, стали

на ноги и закричавъ громко: Аге! Аге! съ великою поспѣшностію возвратились на землю.

Сїе поспѣшное ихъ удаленїе лишило всей надежды, увидѣть когда либо тѣхъ, которые были на берегу. Экипажъ не имѣлъ болѣе шлюпокъ, а камни при берегахъ находящїеся не подпускали близко подойти кораблю. Между тѣмъ, пока разсуждаемо было; что имъ предпрїять, началъ дуть сильно западной вѣтеръ. Опасность быть брошеннымъ и разбиться объ берега, принудила Чирикова сняться съ якоря и пуститься въ море. Онъ однакожъ нѣсколько дней крейсировалъ около сихъ мѣстъ, и когда буря утишилась, то подошелъ опять къ тому мѣсту, гдѣ его посланные взошли на землю. Должно сказать къ его чести, что онъ оставался тамъ столько, сколько можно, и съ крайнимъ сожалѣнїемъ рѣшился наконецъ оставить своихъ соотечественниковъ на сихъ неизвѣстныхъ берегахъ и притомъ въ рукахъ дикаго народа. Нещастные сїи странники не были видимы, и не слышно было отъ нихъ никакого сигнала, и потому вся надежда пропала къ ихъ возвращенїю. Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ Капитанъ началъ со-

вѣтоваться съ своими Офицерами о новыхъ предпріятіяхъ; единогласное воспослѣдовало рѣшеніе, предпринять путь къ Камчаткѣ, которой и совершенъ 24 го Іюля.

Въ сіе время Коммандоръ Берингъ старался узнать обстоятельнѣе тотъ берегъ, которой онъ усмотрѣлъ, и запастись тамъ свѣжею водою. Высокія горы, покрытыя снѣгами, представляли ужасное зрѣлище. Россіяне готовились пристать ближе къ берегу; но тихой и непостоянной вѣтеръ не позволилъ имъ достигнуть берега прежде 20 го Іюля; корабль остановился на якорѣ близъ одного довольно большаго острова въ небольшомъ разстояніи отъ твердой земли на дватцати двухъ саженяхъ глубины, гдѣ дно было глинистое. Въ томъ мѣстѣ мысъ, довольно выдавшійся въ море, названъ *Мысомъ Святаго Иліи*; а другой напротивъ сего лежащій къ Западу, получилъ имя *Святаго Гермогена.* Между ими былъ заливъ, въ которомъ надѣялись быть безопасны, въ случаѣ естьли бы судно Святаго Петра по обстоятельствамъ принуждено было искать пристани.

Бросивъ якорь, Капитанъ Коммандоръ послалъ Г. Хитрова съ нѣ-

сколькими вооруженными солдатами осмотрѣть заливъ; между тѣмъ отправлена шлюпка для сысканія воды. На сію послѣднюю сѣлъ и Штеллеръ. Хитровъ нашелъ въ заливѣ между островами мѣсто, которое удобно обезопаситъ ихъ отъ всѣхъ вѣтровъ. Но не льзя было онымъ воспользоваться. Штеллеръ нашелъ также на одномъ островѣ нѣсколько пустыхъ хижинъ: изъ чего заключили, что жители твердой земли иногда туда пріѣжжали для рыбной ловли. Сіи хижины были деревянныя, обитыя гладкими, а по мѣстамъ и зубчатыми досками. Тамъ найденъ сундукъ изъ тополова дерева, глиняной пустой шаръ, а въ немъ маленькой кремень, которой кажется сдѣланъ для дѣтской забавы, и точильной камень, на которомъ еще примѣтны были знаки точеныхъ мѣдныхъ ножей.

Штеллеръ сдѣлалъ разныя замѣчанія въ сихъ хижинахъ; мы представимъ изъ нихъ главныя. Онъ видѣлъ тамъ погребъ, въ которомъ находился съѣстной припасъ, состоящій изъ копченой лососины и изъ сладкой травы, изготовленной для пищи по Камчатскому обычаю. Также были тамъ веревки, разная домашняя

мобель и посуда. Когда приближились къ тому мѣсту, гдѣ Американцы въ то самое время обѣдали; то они тотчасъ всѣ разбѣжались, какъ скоро увидѣли мореплавателей. Тамъ нашли стрѣлу и инструментъ для высѣканія огня: онъ точно былъ такой, какъ дѣлаютъ въ Камчаткѣ. Это была доска со многими круглыми скважинами; въ одну изъ сихъ скважинъ втыкаютъ однимъ концемъ палку, а другой конецъ оной въ рукахъ сучатъ до тѣхъ поръ, какъ способомъ сильнаго тренія въ скважинѣ покажется огонь; тогда падающія искры принимаются на какое нибудь удобно возгарающееся вещество. Въ довольномъ разстояніи оттуда находился холмъ, покрытый лѣсомъ, въ которомъ видѣнъ былъ огонь, изъ чего заключили, что сіи дикіе туда удалились. Штеллеръ не отважился къ нимъ итти. Онъ довольствовался собираніемъ разныхъ травъ по окольнымъ мѣстамъ, и взялъ ихъ съ собою на корабль такое множество, что долженъ былъ употребить весьма много времени на описаніе оныхъ по порядку. Штеллеръ потомъ всегда сожалѣлъ, что не могъ имѣть довольно времени разсмотрѣть сіи края Америки. Пре-

бываніе его на оныхъ продолжалось не долѣе шести часовъ. Какъ вода была готова; то онъ принужденъ былъ возвратиться на корабль.

Корабельщики, посланные за прѣсною водою, увѣдомили, что они прошли два мѣста, въ которыхъ по видимому не задолго до нихъ былъ огонь; что они примѣтили рубленной лѣсъ, и слѣды человѣческіе на травѣ; видѣли также пять красныхъ лисицъ, которыя увидѣвъ ихъ нимало не испугались. Изъ всего того, что они нашли въ шалашахъ, принесли на корабль нѣсколько копченой рыбы, похожей на нашихъ карповъ, и имѣющей очень хорошей вкусъ.

Впрочемъ, дабы познакомиться съ Американцами и дать имъ почувствовать, что имъ нѣчего бояться чужестранцовъ, которые пристали къ ихъ берегамъ, послали къ нимъ нѣсколько подарковъ, какъ то, штуку зеленой клеенки, два желѣзные котла, два ножа, дватцать большихъ стеклянныхъ бусъ и фунтъ Черкасскаго табаку въ листахъ, предполагая, что симъ дикимъ понравятся такія вещи.

21 го Іюля, Берингъ рѣшился пуститься опять въ путь, и послѣдуя Авашскому совѣту, плыть въ сѣвер-

ную сторону берега до 60 градусовъ широты, естьли направленіе берега позволитъ. Но сіе предпріятіе было безполезно; не можно было податься далѣе къ сѣверу, а надлежало къ югу, потому что направленіе того берега было юго-западное. Не сіе одно было препятствіемъ. Но его безпрестанно останавливали острова, которые почти со всѣхъ сторонъ окружали твердую землю. И въ то самое время, когда надѣялись плыть безопасно, показывалась впереди судна по обѣимъ сторонамъ земля, и потому принуждены были поворотить назадъ, дабы сыскать свободной проѣздъ. Иногда случалось Россіянамъ во время ночи, когда погода и время было одинаково, плыть то по волнующемуся морю, то по совершенной тишинѣ; и когда тишина продолжалась нѣсколько часовъ, вдругъ видѣли себя въ такихъ ужасныхъ волнахъ, что лоцманъ едва могъ править кораблемъ. Разность сихъ положеній иначе не льзя изъяснить, какъ тѣмъ, что во время таковой тишины корабль находился въ такихъ мѣстахъ, которыя отъ вѣтру прикрыты были островами, коихъ за темнотою ночи не льзя было примѣтить.

Нѣсколько дней идучи не видя земли, Россіяне наконецъ 27 го Іюля въ полночь очутились на двадцати саженяхъ глубины. Темнота мѣшала видѣть на мѣли ли какой, или должно опасаться твердой земли, или какого острова. Берингъ приказалъ править корабль то на ту, то на другую сторону; но вездѣ находили, что вода становилась мѣльче. Бросить якорь было опасно; вѣтеръ былъ чрезвычайно силенъ, и волны свирѣпѣли, а сверхъ того должно было также опасаться, чтобъ или слишкомъ не отдалиться отъ земли, или слишкомъ близко къ оной не подойти. Напослѣдокъ совершенно наудачу рѣшились держаться къ югу, и чрезъ нѣсколько часовъ очутились въ открытомъ морѣ.

30 го Іюля, въ туманное время усмотрѣли островъ, которой и названъ отъ того *Туманнымъ Островомъ*. Россіяне приближившись къ нему на семь, или восемь саженей глубины, спѣшили опустить якорь; но какъ скоро туманъ мало по малу разсѣялся, то они увидѣли, что отстоятъ отъ острова еще слишкомъ на версту. Весь мѣсяцъ Августъ прошелъ въ различныхъ сихъ движеніяхъ. Между

тѣмъ весь экипажъ началъ чувствовать сильной скорбутъ, и самъ Капитанъ Коммандоръ болѣе другихъ подверженъ былъ оному.

Какъ прѣсная вода начала исходить, то Россïяне 29 го Августа поворотили къ сѣверу; они скоро увидѣли опять твердую землю. Берегъ сей страны былъ чрезвычайно утесистъ, и прикрытъ множествомъ островов, между которыми пакетботъ Святаго Петра сталъ на якорь подъ 55 градусомъ и 25 минутою. Сïи острова называются островами *Шумагиными*, по имени одного матроса Шумагина, которой первой умеръ въ сей поѣздкѣ, и тамъ погребенъ. Лоцманъ *Андрей Гессельбергъ* посланъ 30 го Августа на одинъ самой большой изъ оныхъ островов, для сысканïя прѣсной воды. Онъ не замедлилъ принесть двѣ пробы воды, взятой изъ двухъ разныхъ озеръ. Вода была такъ та, такъ и другая нѣсколько солоновата. Но не надобно было терять времени. Они разсудили, что лучше взять сïю воду, нежели ни какой не имѣть. Покрайней мѣрѣ можетъ она служить на вариво, и подастъ способъ сберечь остатокъ прѣсной воды, пока дойдутъ до хорошей пристани. И такъ всѣ пустыя бочки

наполнили сею водою. Штеллеръ приписываетъ сей водѣ усиленіе скорбута, которой наконецъ большой половинѣ экипажа стоилъ жизни.

Судно не очень было свободно отъ опасности въ сихъ водахъ; будучи подвержено всей ярости южныхъ вѣтровъ, оно имѣло предъ собою къ сѣверу скалы и подводные камни. Сіе-то самое понудило ихъ на семъ мѣстѣ не оставаться долго на якорѣ. Однако нѣкоторой нечаянной случай принудилъ ихъ пробыть тамъ болѣе, нежели какъ они думали.

Въ предъидущую ночь виденъ былъ огонь на не большомъ острову, къ Сѣверо-Востоку лежащемъ. На другой день по утру Г. Хитровъ вздумалъ, что пока большая шлюпка будетъ запасаться водою, можно послать ботъ провѣдать, что то были за люди, которые разклали тотъ огонь. Тогда Капитанъ Коммандоръ болѣе уже не выходилъ изъ своей каюты, а Лейтенантъ Ваксель правилъ судномъ. Онъ не захотѣлъ въ сихъ обстоятельствахъ, въ какихъ тогда находились Россіяне, позволить боту удалиться отъ корабля. Онъ судилъ, что ежели вѣтеръ усилится, то нужно будетъ пуститься въ море, и что въ

семъ случаѣ сомнительно, можно ли будетъ подать помощь отсутствующимъ, когда противной или чрезвычайной вѣтеръ воспрепятствуетъ имъ возвратиться на корабль. Но какъ Хитровъ настоялъ и требовалъ, чтобъ его мнѣніе помѣщено было въ журналъ; то Ваксель въ то же время донесъ Господину Коммандору о семъ предложеніи. Берингъ рѣшилъ, что ежели Хитровъ имѣетъ охоту ѣхать для развѣдыванія, то отпустить его и дать ему волю выбирать для себя товарищей. Хитровъ будучи человѣкъ отважной, обрадовался сему позволенію. Онъ взялъ съ собою пять человѣкъ, между которыми былъ одинъ переводчикъ *Чукотской или Корякъ*. Всѣ были вооружены. Съ ними отпущено было нѣсколько разныхъ бездѣлицъ, для раздачи жителямъ той земли, естьли они гдѣ попадутся. 30 го Августа въ полдень, они пристали къ острову, которой по ихъ счету былъ разстояніемъ на три Нѣмецкія мили отъ корабля. Тамъ нашли они остатки огня, которой еще не погасъ, но не нашли ни одного человѣка; въ прочемъ не было ничего замѣчательнаго на семъ островѣ. Послѣ полудня Хитровъ хотѣлъ предпринять обратно

путь къ кораблю; но противной и чрезвычайно сильной вѣтеръ принудилъ его уклониться на другой островъ, подлѣ онаго находящійся. Волны грозили каждую минуту поглотить ботъ и людей, которые въ ономъ сидѣли. Сіе печальное приключеніе и случилось бы, естьли бы не было запаснаго паруса, которымъ Хитровъ въ самую опасность воспользовавшись пустился прямо на перерѣзъ валовъ. Къ щастію, когда одна волна наполнила шлюпку водою, то другая выбросила ее на землю со всѣми въ оной находившимися людьми.

Хитровъ, будучи на берегу, разклалъ огонь, не только для того, чтобъ обогрѣться и обсушиться; но и для того, чтобъ подать знакъ на корабль, дабы оттуда послали ему помощь. Но въ сіе время буря столько усилилась, что экипажъ прежде всего долженъ былъ стараться обезопасить корабль. Почему Россіяне подняли якорь и пошли искать безопаснаго мѣста за другимъ островомъ. Между тѣмъ при приближеніи ночи, Хитровъ видя себя удаленна отъ корабля своего и не зная, что тамъ предпринимаютъ, былъ съ товарищами своими въ великомъ безпокойствѣ.

Буря продолжалась до 2 го Сентября; напослѣдокъ утишилась. Какъ Хитровъ еще не возвращался, то Ваксель послалъ поутру шлюпку съ повелѣніемъ, что естьли ботъ повредился; то оставить его, и возвращаться всѣмъ на корабль въ шлюпкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, малое сіе судно отъ того весьма повредилось, что волны бросили его на берегъ. По чему его оставили на островѣ, а Хитровъ возвратился съ большею шлюпкою.

Россіяне тотчасъ подняли якорь, но противной вѣтеръ не позволилъ далеко плыть и они къ вечеру уклонились еще къ островамъ. Такое же нещастіе случилось съ ними 4 го Сентября: не успѣли еще въ другой разъ распустить парусовъ, какъ принуждены были, уступая силѣ вѣтра, возвратиться на вчерашнее мѣсто и стать на якорѣ. Во всю ночь претерпѣвали они ужасную бурю.

Поутру Россіяне услышали крикъ людей на одномъ изъ сихъ острововъ, и увидѣли тамъ огонь. Вскорѣ послѣ того два Американца, каждой въ особой лодочкѣ, похожей на Гренландскую, приближались къ кораблю въ нѣкоторомъ разстояніи; въ рукахъ у нихъ были вѣтви мира. Сіи Дикіе словами

и знаками звали Россіянъ, сойти къ нимъ на землю; Россіяне напротивъ того старались знаками и подарками, которые имъ бросали, пригласить ихъ на корабль. Но Американцы ни на что не согласясь, вскорѣ возвратились опять на островъ.

Берингъ и его Офицеры рѣшились сдѣлать высадку на землю. Для сего спустили они въ море большую шлюпку. Лейтенантъ Ваксель съ господиномъ Штеллеромъ и съ девятью человѣками, хорошо вооруженными, сѣлъ на оную и приплылъ къ острову. Они усмотрѣли вдоль берега большіе острые камни. Опасность, чтобы не разбиться объ нихъ, по причинѣ бурной погоды, заставила Россіянъ не подходить ближе трехъ саженей отъ берега. Девять человѣкъ Американцовъ стояли на берегу; ихъ посредствомъ знаковъ стали приглашать, подойти къ шлюбкѣ. Но какъ они не согласились ни на знаки, ни на предлагаемые имъ подарки, и сверхъ того продолжали звать Россіянъ, сойти къ нимъ: то Ваксель послалъ трехъ человѣкъ на землю, между которыми находился переводчикъ Чукоцкой или Корякъ. Они привязали шлюпку къ

одному камню, какъ-то имъ приказано было.

Сошедшіе съ шлюпки приняты были дикими ласково; но ни тѣ, ни другіе не могли другъ друга понимать, и принуждены были объясняться одними знаками. Американцы хотѣли потчивать Россіянъ китовымъ мясомъ, кромѣ котораго они съ собою никакой провизіи не имѣли. По видимому они заѣхали въ сіе мѣсто для ловленія китовъ, ибо у берега столько же было лодокъ, сколько людей; но не было ни хижинъ, ни женщинъ. Вѣроятно, что постоянное ихъ жилище было на твердой землѣ.

У Американцовъ не было ни стрѣлъ, ни другаго оружія, что бы могло подать подозрѣніе Россіянамъ; такимъ образомъ сіи послѣдніе пробыли долгое время на семъ островѣ, ходя повсюду съ Дикими, не теряя однакожъ изъ виду шлюпки, такъ какъ имъ приказано.

Въ сіе время одинъ изъ Американцовъ осмѣлился взойти на шлюпку; онъ по видимому былъ старѣе другихъ, и былъ начальникъ сей толпы. Ваксель поднесъ ему рюмку водки; но сей напитокъ показался ему столькоже непріятенъ, сколько и страненъ. Онъ

выплюнулъ его изо рта, и громко закричалъ, какъ бы хотѣлъ дать знать своимъ одноземцамъ, что его обижаютъ. Не было средства его успокоить. Ваксель давалъ ему иголъ, бисерное ожерелье, желѣзной котелъ, курительныя трубки: онъ отъ всего отказался; только хотѣлъ возвратиться на островъ.

Ваксель не разсудилъ заблаго долѣе его удерживать; но въ тоже время приказалъ и своимъ воротиться на шлюпку.

Сей отъѣздъ не понравился Американцамъ; они сперьва хотѣли удержать всѣхъ троихъ; однако послѣ отпустили двухъ Россіянъ, а удержали только переводчика; даже нѣкоторые изъ нихъ пошли, ухватили за канатъ, которымъ привязана была шлюпка, и тащили ее изо всей силы. Они хотѣли такъ же втащить ее на землю, какъ свои маленькія лодочки, или надѣялись разбить ее объ камни, при берегахъ находящіеся; дабы не допустить до сего, Ваксель приказалъ отрубить канатъ. Переводчикъ съ своей стороны кричалъ, чтобъ его не оставляли; сколько знаковъ ни дѣлано было Американцамъ, чтобы его отпустили, но они не хотѣли послушать.

ся. Наконецъ Ваксель, чтобъ ихъ только устрашить, приказалъ сдѣлать два выстрѣла изъ мушкетона. Успѣхъ соотвѣтствовалъ его ожиданію; трескъ раздавшись по близь лежащей горѣ, столько поразилъ Американцовъ, что они отъ страху упали на землю, а переводчикъ въ то самое время вырвался изъ ихъ рукъ и ушелъ. Дикіе довольно скоро опамятовались и тогда по ихъ крикамъ и знакамъ можно было примѣтить, что они весьма раздражены, и давали знать, чтобъ никто не осмѣлился выходить къ нимъ на землю. Ваксель самъ не разсудилъ болѣе оставаться въ семъ мѣстѣ. Ночь наступала, море часъ отъ часу поднималось, а корабль находился отъ нихъ въ двухъ верстахъ.

У одного изъ сихъ Американцовъ былъ ножъ привѣшенъ къ поясу, которой показался Россіянамъ весьма страннымъ. Онъ длиною былъ въ восемь дюймовъ, довольно толстъ, и къ концу не завостренъ, а широкъ. Неизвѣстно, на что они употребляли сіе орудіе. Верхнее ихъ платье было сдѣлано изъ китовыхъ кишокъ, а нижнее изъ тюленьей кожи, шапки изъ кожи морскаго льва, котораго Камчадалы называютъ *сивучемъ*; убраны разными птичьими

перьями, а особливо сокольими. Они затыкали себѣ носъ травою, которую когда отпыкали, то выходило у нихъ изъ ноздрей множество мокроты. Лица у нихъ вымараны чѣмъ-то краснымъ, а у нѣкоторыхъ испещренны; физiогномiи ихъ также различны, какъ и у Европейцовъ. У нѣкоторыхъ носы плоскiе, какъ у Калмыковъ. Росту всѣ довольно высокаго. Вѣроятно, что главная пища ихъ состоитъ изъ мясъ морскихъ животныхъ, въ тѣхъ моряхъ находящихся, какъ то китовъ, моржей, морскихъ львовъ, морскихъ медвѣдей, бобровъ или морскихъ выдръ, и тюленей. Видали также, что они рыли нѣкоторые коренья, и очистивъ съ нихъ землю, тотчасъ ѣли.

Ваксель, на другой день по возвращенiи своемъ на корабль, приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ семеро Американцовъ приближились къ кораблю, каждой въ особливой лодкѣ. Двое изъ нихъ встали, и ухватясь за лѣстницу, подарили Россiянамъ двѣ своихъ шапки, и человѣческое изображенiе, ножемъ изъ кости вырѣзанное, которое почли ихъ идоломъ. Притомъ подносили жезлъ въ знакъ мира. Это была палка длиною въ пять футовъ, у которой на концѣ привязаны были

безъ порядку сокольи перья. Ваксель на сіи знаки дружества отвѣтствовалъ съ своей стороны подарками. Дикіе начали ихъ разсматривать, и примѣтно было, что они хотѣли взойти на корабль, естьли бы усилившійся вѣтръ не принудилъ ихъ поспѣшить обратно къ землѣ. Вышедши на берегъ они начали всѣ вмѣстѣ кричать, что продолжалось около четверти часа. Вскорѣ послѣ того, какъ корабль Святаго Петра пошелъ на всѣхъ парусахъ мимо острова, Американцы начали кричать еще громче. Не извѣстно, что сіе значило, желали ли они чужестранцамъ добраго пути, или чрезъ то хотѣли показать радость свою, что Россіяне отъ нихъ удалились.

Россіяне отваливши отъ сей страны поворотили къ Югу, да и не можно было предпріять другаго направленія, потому что вѣтръ тогда былъ западной и западо-юго-западной. Съ сего времени даже до глубокой осени, когда должно было непремѣнно кончить путешествіе, вѣтръ безпеременно дулъ отъ западо-юго-запада и западо-сѣверо-запада. Это весьма затруднило скорое возвращеніе корабля. Сверхъ того время почти всегда было туманно, такъ что иногда по двѣ и по

три недѣли сряду не видно было ни солнца, ни звѣздъ, и потому не возможно было дѣлать никакой обсервацiи для поправки исчисленiя ходу. Изъ сего можно понять, въ какомъ безпокойствѣ были путешественники, блуждающiе такъ сказать ощупью по неизвѣстному морю. Одинъ Офицеръ, при семъ путешествiи находившiйся, въ описанiи своемъ изъясняется слѣдующими словами: „Я не знаю, есть „ли состоянiе болѣе непрiятное, какъ „плавать по неизвѣстному морю. Я „знаю это изъ опыта, и могу увѣрить, „что въ теченiи пяти мѣсяцовъ, какъ „продолжалось сiе путешествiе, я по„чти ни разу не спалъ покойно, без„престанно будучи въ страхѣ и забо„тѣ, блуждая въ странахъ бывшихъ „доселѣ неизвѣстныхъ.„

Экипажъ Россiйскiй боряся съ противными вѣтрами и волнами, увидѣлъ наконецъ 24 го Сентября опять землю. Она достойна примѣчанiя по высокимъ горамъ и по множеству острововъ, около ея въ довольномъ отдаленiи лежащихъ. По мнѣнiю сихъ мореплавателей находится на 51 мъ градусѣ подъ 27 минутою широты, и подъ 21 мъ градусомъ долготы, щитая отъ Авачска. Какъ въ сей день былъ пра-

здникѣ Святаго Іоанна Крестителя; то его именемѣ назвали одну высочайшую гору.

Сильной южной вѣтрѣ заставилѣ опасаться приставать кѣ землѣ, и такѣ они вознамѣрились держаться склоненія вѣтра, которой обратясь кѣ западу, скоро перемѣнился вѣ ужасную бурю и понесѣ корабль далеко кѣ юго-востоку.

Буря продолжалась 17 дней безпрерывно; она была столь сильна, что кормчій Андрей Гессельбергѣ признавался, что вѣ пятьдесять лѣтѣ, вѣ которыя онѣ служилѣ на морѣ вѣ различныхѣ частяхѣ свѣта, онѣ никогда такой невидывалѣ. Связали сколько можно было парусы, дабы буря не занесла слишкомѣ далеко. Не смотря на сію предосторожность потеряли дорогу, поколику 12 го Октября, когда буря утишилась, они очутились на 48 ми градусахѣ и 18 ти минутахѣ широты, что однако узнавали по догадкамѣ. Ибо совсѣмѣ не было средства найти высоту, по причинѣ пасмурнаго неба.

Между тѣмѣ болѣзни усиливались со дня на день вѣ экипажѣ, а особливо скорбутѣ. Не проходило почти дня, вѣ которой бы кто нибудь не умерѣ,

и едва оставалось столько здоровыхъ людей, сколько нужно для исправленія корабельной работы.

Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ не знали, что дѣлать: возвратиться ли въ Камчатку, или искать какой нибудь пристани при берегахъ Американскихъ и тамъ прозимовать. Общая нужда, наступавшая глубокая осень, недостатокъ въ прѣсной водѣ, и отдаленность отъ Петропавловской пристани, принуждали ихъ предпріять послѣднее. Но собранный совѣтъ рѣшился на первое. Какъ скоро вѣтръ сталъ дуть попутной, направили корабль къ сѣверу, а съ 15 го Октября поворотили къ западу. Они проѣхали мимо одного острова, которой, судя по пути корабля, такъ какъ онъ назначенъ на картѣ, надлежало бы уже прежде имъ видѣть. Можетъ быть, что туманы скрыли сей островъ отъ глазъ кормчаго. Онъ названъ по имени *Святаго Макарія*, такъ какъ и другіе, лежащіе къ западу, названы именами *Святаго Стефана*, *Святаго Ѳеодора*, и *Святаго Авраама*.

Еще два острова, которые увидѣли послѣ того 29 го и 30 го Октября, остались безъ именъ, потому что по ихъ положенію, величинѣ и фигурѣ

почли ихъ за два первые Курильскіе острова. Сіе ложное мнѣніе принудило ихъ поворотить къ сѣверу. Продолжая плыть еще только два дня къ западу, они достигли бы Аватской пристани. Сіи острова, по причинѣ ихъ ошибки, названы островами *Обманчивыми* (de la Seduction).

Сей поступокъ имѣлъ печальнѣйшія слѣдствія. Тщетно поворотили опять къ западу; Камчатка все еще была не видима, и не осталось ниламой надежды, достигнуть какой нибудь пристани въ такое поздное уже время. Между тѣмъ экипажъ, претерпѣвая жестокую стужу подъ проливнымъ дождемъ, занимался работою безъ отдыху. Скорбутъ произвелъ столь великое опустошеніе, что матроса, которой оставался вмѣсто кормчаго, водили подъ руки двое больныхъ, у коихъ было еще столько силъ, что могли стоять на ногахъ. Когдажъ онъ болѣе не могъ ни сидѣть, ни управлять, то заступалъ мѣсто его другой, которой неболѣе былъ въ состояніи исполнить сію должность, какъ и первой. Не льзя было отважиться разпустить парусовъ, потому что въ случаѣ нужды нѣкому было ихъ опять собрать. Да и парусы уже столько изветшали, что первой сильной вѣтръ

могъ бы ихъ разорвать въ клочки; а чтобъ ихъ починить или перемѣнить, для этого ни у кого не доставало силъ. За безпрестаннымъ дождемъ послѣдовалъ градъ и снѣгъ. Ночи день ото дня становились долѣе и темнѣе, и потому самому опасность очевиднѣе; ибо всякую минуту должно было ожидать кораблекрушенія. Въ тожъ самое время прѣсная вода вся изошла. Безпрестанная трудная работа становилась уже несносною, ибо не было довольно людей, которые могли бы еще стоять на ногахъ; когда требовали отъ нихъ, чтобъ они работали, то всѣ рыдали, и клялись, что нѣтъ силъ Смерть казалась имъ неизбѣжною, и они жаловались, что она такъ медлила приходомъ своимъ, освободить ихъ отъ бѣдствій.

Нѣсколько дней корабль плавалъ не будучи никѣмъ правимъ, и оставался будто неподвиженъ, или есть-ли и было какое движеніе, то отъ однихъ только вѣтровъ и волнъ, коихъ онъ былъ игралищемъ. Тщетно употребляема была строгость съ служителями, въ отчаяніе приведенными. Въ сей крайности Ваксель поступилъ очень благоразумно уговаривая съ кротостію матросовъ, и увѣщевая ихъ, не отчаяваться въ помощи

Божїей, и лучше употребить послѣднїя силы для общаго ихъ спасенїя, которое можетъ быть гораздо ближе, нежели какъ они думали. Онъ совѣтовалъ всѣмъ быть на палубѣ, и работать еще столько, сколько ихъ силъ достанетъ.

Экипажъ находился въ семъ ужасномъ положенїи, какъ 4 го Ноября поутру начали подаваться къ западу, хотя неизвѣстна имъ была ни широта того мѣста, ни разстоянїе отъ Камчатки. Впрочемъ посему только направленїю къ западу можно было надѣяться достигнуть наконецъ Камчатки. Какая радость была для Россїянъ, какъ они скоро послѣ того увидѣли землю! Это случилось въ восемь часовъ утра.

Остатки силъ въ матросахъ оживились при видѣ сей желанной земли. Употребили всѣ усилїя, къ ней приближиться, но она еще была далеко; ибо видны были однѣ только вершины горъ, покрытыя снѣгомъ; а когда подошли къ ней близко, то уже настала ночь. Офицеры совѣтовали помедлить въ морѣ, дабы не потерять корабля своего. Симъ занимались они ночью; но поутру нашлось, что большая часть веревокъ съ правой стороны корабля были перер-

ваны; тогда нещастїе ихъ достигло высочайшей степени.

Ваксель при рапортѣ о семъ новомъ нещастїи, получилъ отъ Капитана Коммандора повелѣнїе, собрать всѣхъ Офицеровъ, и посовѣтоваться съ ними о томъ, что должно дѣлать. Почему совѣтъ былъ собранъ. Тутъ разсуждали объ опасности, въ какой они находились на худомъ и неспособномъ къ плаванїю кораблѣ. Извѣстно было, что веревки, внутри корабля находившїяся, не менѣе были худы, какъ и тѣ, которыя перерваны, ибо каждую минуту, когда ихъ натягивали, онѣ рвались. Воды день отъ дня становилось меньше, а болѣзни возрастали; прежде безпокойно было отъ влажности, но теперь еще несноснѣе была стужа, которая сдѣлалась нестерпимою въ приближенїи глубокой осени. Въ сей крайности рѣшились пристать къ тойже землѣ, которую они видѣли; побудительною причиною сего рѣшенїя было то, что покрайней мѣрѣ можно будетъ спасти жизнь свою, а можетъ быть найти средство, привесть корабль въ безопасность.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Россійскаго судна Святаго Петра *5 го Ноября 1741 года.*

По рѣшенію совѣта Россіяне направили корабль къ землѣ, только съ помощію малыхъ парусовъ, по причинѣ ветхости снарядовъ. Вѣтеръ былъ сѣверной, и они склонялись къ Юго-западу. Лотъ показалъ тритцать семь саженъ глубины, и дно пещаное. Спустя два часа, то есть въ пятомъ часу по полудни, глубина оказалась въ двенатцать саженей, а дно одинакое. Тутъ бросили якорь, сплетши три четверти каната. Въ 6 часовъ канатъ лопнулъ; ужасныя волны понесли корабль прямо на скалу, о которую онъ ударился два раза; однакожъ глубина все еще была въ пять саженей. Въ то самое время волны съ такою яростію били въ корабль, что потряслось все его основаніе. Бросили другой якорь; но канатъ лопнулъ еще прежде, нежели якорь успѣлъ забрать. Къ щастію остальной якорь не былъ готовъ. Въ такой крайности они бы бросили и послѣдній, и потеряли бы всѣ якори; но между тѣмъ, какъ приготовляли третій якорь, и хотѣли его бросить, силь-

ной валъ подняль корабль и перебросилъ его черезъ подводной камень.

Вдругъ Россіяне очутились въ затишьѣ и бросили якорь на четырехъ саженяхъ съ половиною глубины, около трехъ сотъ саженъ отъ берегу. По утру увидѣли предназначенную имъ участь. Божеское Провидѣніе чудесно привело ихъ къ тому мѣсту, которое сколь ни казалось опаснымъ, однакожъ оно только одно могло доставить имъ спасеніе. Кромѣ сего мѣста, берегъ со всѣхъ сторонъ былъ неприступенъ по множеству подводныхъ камней, далеко простиравшихся въ море. Саженей за дватцать къ Сѣверу, или къ Югу корабль былъ бы разбитъ на части, и все бы въ темнотѣ погибло.

Между тѣмъ зима приближалась болѣе и болѣе; первое стараніе нещастныхъ мореплавателей состояло въ томъ, чтобъ осмотрѣть страны, въ окружности находящіяся, и выбрать мѣсто способное для разположенія своихъ квартиръ. Экипажъ, удрученный болѣзнію и слабостію, отдохнувъ до полудня, спустилъ шлюбку съ великимъ трудомъ. 6 го Ноября, въ часъ по полудни, Лейтенантъ Ваксель и Адъюнктъ Штеллеръ сошли на землю. Они нашли ее безплодную и покрытую снѣ-

гомъ. Источникъ, которой текъ съ одной горы и впадалъ въ море, тогда еще не замерзъ. Онъ источалъ чистую и очень хорошую воду. Ни съ какой стороны не видно было не только деревъ, но ниже кустарника для дровъ; однакожъ море прибило къ берегу нѣсколько лѣсу; только трудно было его отыскивать подъ снѣгомъ. Сїе непрїятное открытїе сперва повергло ихъ въ печальныя размышленїя. Гдѣ взять матерїалу для построенїя домовъ и казармъ? Гдѣ найти убѣжище для больныхъ? Какъ защищаться отъ стужи? — Но не должно никогда отчаяваться въ своемъ спасенїи. Чѣмъ болѣе умножается нещастїе, тѣмъ болѣе нужда находитъ средствъ къ облегченїю онаго. Между песчаными холмами, окружающими источникъ, было много глубокихъ рвовъ; они вздумали ихъ вычистить и покрыть парусами, пока наберутъ наноснаго лѣсу столько, что можно будетъ изъ него построить какїя нибудь хижины. Къ вечеру Ваксель и Штеллеръ возвратились на корабль и донесли о семъ Капитану Коммандору.

Тотчасъ по ихъ возвращенїи собранъ совѣтъ, на которомъ положено поутру высадить на землю всѣхъ тѣхъ,

которые были еще на ногахъ, дабы заготовить сперьва нѣсколько рвовъ для больныхъ. Повелѣнїе исполнено, и 8 го Ноября начали высаживать на землю больныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ лишились жизни, какъ скоро вышли на вольной воздухъ, иные на палубѣ, другїе на шлюбкѣ, а многїе уже на самомъ берегу.

Въ сихъ странахъ увидѣли они великое множество того роду лисицъ, кои по Руски называются *песцами*; они съ великою жадностїю бросались на мертвыя тѣла. По всему видно, что сїи мореходцы первые пристали къ сей землѣ; ибо сїи животныя ни мало не пугались увидѣвъ ихъ: на противъ того допускали подходить къ себѣ близко и сами прочь не отбѣгали. Не малаго труда стоило отгонять сихъ животныхъ отъ труповъ. У нѣкоторыхъ объѣдены руки и ноги, прежде нежели успѣли ихъ похоронить. Такая прожорливость заставила мореплавателей догадываться, что это былъ какой нибудь островъ, въ чемъ они и не обманулись, какъ видно будетъ изъ послѣдствїя.

Ноября 9 го дня, четыре человѣка вынесли Капитана Коммандора на берегъ на носилкахъ, закрывъ его какъ

можно теплѣе отъ внѣшняго воздуха; для него приготовленъ былъ особливой ровъ. Всякой день продолжалась переноска больныхъ, и всякой день по нѣскольку человѣкъ умирало, которыхъ должно было погребать. Никто изъ тѣхъ, кои на кораблѣ были въ постелѣ, не остался живъ, а особливо тѣ, которые отчаявшись въ жизни своей, по малодушію дали усилиться болѣзни.

Сія болѣзнь начинается чрезвычайною слабостію, которая распространившись по всему тѣлу, дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ, отъ всего его отвращаетъ, ослабляетъ духъ, и мало по малу производитъ одышку, которая при малѣйшемъ движеніи возбуждается. Больной обыкновенно любитъ больше быть въ покоѣ и лежать, нежели ходить; но это самое его и погубляетъ. Скоро потомъ дѣлается во всѣхъ членахъ сильная боль: ноги пухнутъ, цвѣтъ тѣла становится желтымъ, тѣло покрывается синими пятнами, изъ губъ и изъ десенъ течетъ кровь, и зубы начинаютъ шататься. Тогда больной не хочетъ дѣлать никакого движенія, и для него все равно, жить или умереть. На кораблѣ примѣчены всѣ сіи степени болѣзни и ея дѣйствія. Сверхъ того примѣчено,

что нѣкоторые изъ больныхъ пугались всякой бездѣлицы и при малѣйшемъ шорохѣ или крикѣ, на кораблѣ случавшемся, приходили въ ужасъ. Другїе были съ великимъ аппетитомъ и не почитали себя быть въ опасности. Сїи послѣднїе не успѣли услышать приказанїя о переноскѣ больныхъ, какъ тотчасъ бросясь изъ своихъ коекъ одѣлись, не сомнѣваясь ни мало о скоромъ своемъ выздоровленїи. Но вышедши изъ внутренности корабля, наполненнаго влажностїю и испорченнымъ воздухомъ, они находили смерть, какъ скоро стали дышать вольнымъ воздухомъ на палубѣ.

Тѣ только одни были спасены, которые старались пересилить болѣзнь, держались на ногахъ, сколько имѣли силъ, и были въ движенїи; они обязаны живости и веселому характеру своему тѣмъ, что не дали усилиться болѣзни, какъ прочїе. Человѣкъ такого характера въ то же самое время подавалъ примѣръ собою другимъ, и ободрялъ ихъ своими словами. Сїи хорошїя дѣйствїя примѣтны больше между Офицерами, которые безпрестанно были заняты раздаванїемъ приказовъ, и должны были большую часть времени проводить на палубѣ и за всѣмъ смо-

треть. Они находились въ безпрестанномъ дѣйствіи, и не могли потерять бодрости, потому что съ ними былъ Штеллеръ. Сей Штеллеръ былъ врачъ какъ тѣла, такъ и духа; онъ вездѣ, во всякомъ состояніи сохранялъ веселость, и сообщалъ ее всѣмъ его окружавшимъ.

Одинъ только Капитанъ Коммандоръ уступилъ сей болѣзни; его лѣта и сложеніе тѣла были болѣе наклонны къ покою, нежели къ дѣятельности. Наконецъ онъ сдѣлался недовѣрчивымъ, и смотрѣлъ на всѣхъ, какъ на своихъ непріятелей, такъ что и Штеллеръ, котораго онъ прежде столько любилъ, не смѣлъ уже болѣе ему казаться на глаза.

Ваксель и Хитровъ оставались довольно здоровы во все время, пока были на морѣ. Они пробыли долѣе всѣхъ на кораблѣ; ибо вознамѣрились до тѣхъ поръ пробыть на немъ, пока весь экипажъ переберется на землю; а притомъ имъ способнѣе было жить на кораблѣ. Но сіе самое чуть было не послужило имъ въ погибель, отчасти потому, что уже они не имѣли довольно движенія, отчасти и потому, что безпрестанно питались вредоносными парами, выходившими изъ трюмовъ кора-

бельныхъ. Черезъ нѣсколько дней они такъ ослабѣли, что 21 го Ноября надлежало ихъ переносить съ корабля на берегъ. Изъ опыта узнали, какимъ образомъ должно переводить больныхъ съ корабля на чистой воздухъ; такъ-то Ваксель и Хитровъ были сколько можно окутаны, и имъ понемногу давали дышать воздухомъ, пока они къ нему привыкли. Послѣ того они совершенно выздоровѣли, однакожъ Хитровъ гораздо медленнѣе, нежели Ваксель.

Берингъ умеръ 8 го Декабря 1741 го года; ему сдѣлали ту честь, что назвали островъ его именемъ. Онъ былъ родомъ Датчанинъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ оказалась въ немъ страсть къ дальнымъ путешествїямъ. И тогда, когда предсталъ къ Петру Великому, заводившему въ то время флотъ, онъ только возвратился изъ восточной и западной Индїи. Въ 1707 мъ году пожалованъ Лейтенантомъ, а въ 1710 мъ году Капитанъ-Лейтенантомъ во флотѣ сего Государя. Берингъ служивши въ морской Россїйской службѣ и находясь при всѣхъ морскихъ экспедицїяхъ во время Шведской войны, прїобрѣлъ сверхъ навыку, нужнаго для морскаго Офицера, великую опытность. И потому-то оказался достойнымъ того,

что ему препоручили сїи двѣ важныя Камчатскїя экспедицїи.

И какой же конецъ столь славнаго мужа! можно сказать, что онъ погребенъ почти живой. Берингъ былъ перенесенъ на берегъ съ величайшими предосторожностями. Ровъ, въ которомъ онъ положенъ, былъ весьма великъ и съ хорошими удобствами; его со всякимъ раченїемъ укрыли на подобїе палатки. Съ первыхъ дней, какъ песокъ со стѣнъ рва безпрестанно сыпался, и ноги у него всякую минуту были онымъ покрыты; то надсматривающїе за нимъ тотчасъ ихъ очищали; но онъ не дозволялъ себя наконецъ очищать, думая отъ того чувствовать какую нибудь теплоту, которая уже оставляла всѣ прочїя части тѣла его. Мало по малу сей песокъ прибавляясь засыпалъ его до живота, и когда онъ умеръ, то надобно было его отрывать, дабы похоронить съ достодолжною честїю. —

Въ такомъ нещастномъ состоянїи находился экипажъ Святаго Петра; но не менѣе сего претерпѣлъ корабль Капитана Чирикова. Выше сего видѣли, что 27 го Iюля сей Капитанъ отвалилъ отъ береговъ Американскихъ, желая возвратиться въ Аватскую при-

станъ. Сей обратный путь сопровождаемъ былъ такими же препятствїями, какимъ подверженъ былъ Капитанъ Коммандоръ. То противные вѣтры, то какой нибудь берегъ или острова преграждали путь. Чириковъ сверхъ того имѣлъ то неудобство, что потерявъ двѣ свои шлюбки, не могъ доставать свѣжей воды.

20 го Сентября пристали они подъ 50 мъ градусомъ и 12 ю минутами къ берегу; вѣроятно, что это былъ тотъ самой, которой спустя четыре дня открылъ Капитанъ - Коммандоръ. Сей берегъ окруженъ былъ подводными камнями, такъ что Россїяне съ великимъ трудомъ могли избѣжать при немъ погибели. Должно было остановится за двѣсти саженъ отъ земли. Жители сей страны, въ числѣ дватцати одного человѣка, приближились къ нимъ каждой въ особливой кожаной лодкѣ; они оказывали всякїя ласки чужестранцамъ, и расположены были имъ помочь. Но столько удивились виду и величинѣ судна, что съ великою жадностїю смотрѣли на него и на нихъ. Никто не могъ понимать ихъ языка. Россїяне, будучи довольны прїемомъ сихъ дикихъ, хотѣли было пробыть нѣсколько времени на ихъ бере-

гу; но никакъ не льзя было тутъ долѣе остаться, потому что канатъ перервался объ острїе камней, и хотя вѣтръ вѣялъ противной, однако имъ удалось выбраться въ открытое море.

Свѣжая вода примѣтно уменьшилась, и они по недостатку ея принуждены были перегонять морскую воду. Отъ сей перегонки хотя теряла она свою соленость, но горечь морской воды въ ней оставалась. При всемъ томъ надлежало ее употреблять мѣшая по поламъ съ оставшеюся прѣсною водою и раздѣляя сїю смѣсь по малымъ порцїямъ. Какое было веселїе при такомъ недостаткѣ, когда шолъ дожжикъ! Всякой наперерывъ утолялъ жажду водою небесною, и не гнушаясь пилъ ее выжавъ изъ грязныхъ парусовъ.

Сїе обстоятельство увеличило печальное положенїе экипажа на Святомъ Павлѣ; скорбутъ производилъ здѣсь такое же опустошенїе, какъ на суднѣ Святаго Петра; самъ Чириковъ страдалъ имъ съ 20 го Сентября. 26 го умеръ канонеръ Осипъ *Качеговъ*, 6 го Октября Лейтенантъ *Чихачевъ*, и 7 го Октября Лейтенантъ *Плотинъ*. Наконецъ 8 го Октября увидѣли берегъ Камчатской, а 9 го вошли въ заливъ

Аватской. Профессоръ де ла Кройеръ, которой также давно не выходилъ изъ своей каюты, 10 го Октября хотѣлъ перебраться на берегъ; но вышедъ на палубу палъ мертвъ. Изъ семидесяти человѣкъ, составлявшихъ сей экипажъ, двадцать одинъ умеръ. Изъ всѣхъ Офицеровъ одинъ только *Елагинъ*, оставшійся здоровымъ, ввелъ корабль 11 го Октября въ Петро-Павловскую пристань, послѣ четырехъ-мѣсячнаго путешествія.

Въ слѣдующую весну, Чириковъ, освободясь отъ своей болѣзни, вышелъ изъ залива и дѣлалъ поиски по Капитанѣ Коммандорѣ. По нѣсколькихъ дняхъ не нашедъ его, поворотилъ къ Охотску, потомъ поѣхалъ въ Якутскъ. Изъ сего города увѣдомилъ Адмиралтейскую Коллегію о своемъ возвращеніи. Вскорѣ послѣ того получилъ ордеръ остаться въ Енисейскѣ. Тамъ пробылъ до 1745 года, въ которомъ получилъ отъ Сената повелѣніе возвратиться въ Петербургъ. По пріѣздѣ его, въ вознагражденіе за службу свою, пожалованъ Капитанъ-Коммандоромъ; но не долго пользовался симъ званіемъ: въ томъ же году умеръ, оставивъ по себѣ хорошую славу, какъ Офицеръ искусный и дѣятельный; объ

немъ жалѣли какъ его начальники, такъ и всѣ тѣ, которые его знали.

Возвратимся къ острову Берингу. За нѣсколько дней передъ смертію Капитана Коммандора, Россіяне имѣли нещастіе потерять свой корабль, и потому лишились единственнаго средства, возвратиться изъ сей пустынной земли. Онъ стоялъ на якорѣ, какъ мы видѣли выше, будучи подверженъ всѣмъ ударамъ волнъ; ночью съ 28 го на 29 е Октября сильная буря, возставшая съ Востока на Юго-Востокъ, перервала канатъ и бросила корабль на мѣль на томъ мѣстѣ, гдѣ Россіяне расположились въ своихъ рвахъ. Поутру нашли его на 8 или на 10 футовъ въ пескѣ. По освидѣтельствованіи его усмотрѣли, что онъ какъ въ килю, такъ и въ бокахъ весь испроломанъ. Вода, протекая съ низу въ него, большую часть оставшейся тамъ провизіи, состоявшей изъ муки, крупъ и соли, то унесла въ море, то попортила.

Сія потеря была несносна въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находились тогда нещастные мореходцы; но она тотчасъ уменьшилась въ ихъ глазахъ, какъ скоро они начали думать, что корабль, хотя разбитъ,

но стоитъ на мѣли близко ихъ, а не унесенъ въ открытое море. Имъ оставалась еще надежда, что естьли его самаго не удобно будетъ спустить на воду, то покрайней мѣрѣ изъ остатковъ его можно будетъ сдѣлать судно, и на немъ доплыть до Камчатки.

Произшедшее послѣ кораблекрушенія, обратило Рускихъ на два весьма важные въ ихъ положеніи предмѣта: ибо имъ потребно было узнать во первыхъ ту землю, къ которой они пристали; во вторыхъ стараться достать себѣ пропитаніе. Не упуская ни мало времени занялись они симъ тотчасъ послѣ послѣдней бури. Они не знали еще, на островѣ ли находятся, или на *твердой землѣ*, и есть ли въ сей странѣ какіе жители, а паче всего водятся ли тамъ какія животныя и растѣнія. Посовѣтовавшись о сихъ предмѣтахъ, рѣшились начать обозрѣніемъ положенія земли, и послать съ восточнаго берега, на которой они вышли нѣсколько человѣкъ, которые были здоровѣе другихъ, на сѣверъ и на югъ. Сіи посланные ходили такъ далеко, какъ выдавшіяся въ море скалы имъ позволили; одни изъ нихъ воротились назадъ въ третій, а другіе въ четвертый день.

Они согласно доносили, что не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ человѣческихъ, а видѣли при берегахъ множество выдръ, называемыхъ въ Камчаткѣ *морскими бобрами.* Они также примѣтили во внутренности сей страны много сизоватыхъ и бѣлыхъ лисицъ, которыя совсѣмъ не бѣжали прочь, когда кто къ нимъ приближался. Изъ того заключили, что въ сей странѣ не бывало никогда людей. Однакожъ поелику посланные не такъ далеко ходили во внутренность ея, и не доходили до западнаго ея берега, то и положено учинить изслѣдованіе снова. Посланные въ другой разъ, взошли на одну весьма высокую гору, за три или четыре мили отъ берегу отстоящую; съ вершины ея увидѣли море съ западу и съ востоку, и потому не сомнѣвались, что они находились на какомъ нибудь острову. Они не нашли тамъ никакихъ лѣсовъ, кромѣ нѣсколькихъ ивовыхъ кустовъ около источниковъ.

По обозрѣніи острова, начали разсматривать съѣстные припасы, отъ кораблекрушенія и отъ бури оставшіеся. Сначала отложили въ магазинъ около 800 фунтовъ муки, дабы досталo сей провизіи на отъѣздъ изъ остро-

ва въ Камчатку. Послѣ того начали раздѣлять поденныя порціи. Хотя сіи порціи были очень умѣренны, и хотя около тридцати человѣкъ померло до отъѣзду ихъ изъ сего острова, однако все бы еще недостало имъ сего провіанта, естьли бы морскія животныя не дополняли ихъ провизіи.

Во первыхъ выдры служили имъ въ пищу. Мясо ихъ очень твердо и жестко, но надлежало онымъ довольствоваться, когда не было ничего лучшаго. Впрочемъ Россіяне побили ихъ еще великое множество по красивости ихъ мѣховъ, даже и тогда, когда уже не употребляли ихъ въ пищу. Сіи мѣха столь дорогой цѣны, что Китайцы покупаютъ ихъ у Россіянъ на Кяхтѣ, платя за каждой по осмидесяти и по сту рублей. Россіяне набрали ихъ девять сотъ во время своего пребыванія на островѣ, и раздѣлили между собою поровну. Однакожъ Штеллеръ запасся ими болѣе всѣхъ; онъ какъ медикъ, много сихъ кожъ получилъ въ подарокъ, множество ихъ накупилъ или вымѣнялъ у тѣхъ, которые не дорого цѣнили сіи мѣхи, потому что сомнѣвались увидѣть когда либо свое отечество. Увѣряютъ, что по возвращеніи его въ Сибирь было у него ихъ до трехъ сотъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ, выдры скрылись. Мѣсто ихъ сперва заступили другія животныя, въ Камчаткѣ называемыя *морскіе коты*, а послѣ того показались тюлени. Сіи два рода животныхъ въ великомъ множествѣ водятся на берегахъ сего острова, а особливо морскіе коты на западномъ берегу; самые большіе изъ нихъ вѣсятъ восемь сотъ фунтовъ. Мясо ихъ непріятно, и Россіяне не могли его ѣсть. Къ щастію имъ удавалось иногда ловить морскихъ львовъ, у Камчадаловъ подъ именемъ *Сивучей* извѣстныхъ; когда сіи звѣри достигаютъ полнаго своего росту, то вѣсомъ бываютъ до 1600 фунтовъ. Морской левъ страшенъ для другихъ животныхъ и для человѣка; его склонный къ сраженію характеръ довольно примѣтенъ изъ его страшнаго виду и изъ пламенныхъ глазъ. Россіяне иначе не смѣли на нихъ нападать, какъ только на сонныхъ. Мясо ихъ вкусомъ превосходно.

Морская корова (моржъ), у Ишпанцовъ извѣстная подъ именемъ *Манати*, а у Французовъ подъ именемъ *Ламантенъ*; также была чрезвычайно полезна для Россіянъ. Изъ пойманныхъ ими иные были вѣсомъ въ восемь тысячь фунтовъ. Одного такого животнаго довольно было на двѣ недѣли;

ихъ мясо похоже на говяжье, а молодыхъ ничѣмъ не хуже телятины. Сало, которое на мясѣ сихъ животныхъ бываетъ толщиною отъ трехъ до четырехъ дюймовъ, похоже на свиное. Наши путешественники его таяли, и употребляли вмѣсто коровьяго масла. Они наполнили также нѣсколько бочекъ симъ мясомъ, и просоливъ его присоединили къ той провизіи, которая оставлена была на возвратной путь въ Камчатку.

Любители натуральной Исторіи найдутъ подробное и удовлетворительное описаніе о сихъ морскихъ животныхъ въ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Voyages et decouvertes faites par les Russes sur l'Ocean oriental*, сочиненное Г. Миллеромъ, въ первой части, на 308 и слѣдующихъ страницахъ.

Издатель Журнала еще признаетъ за особенную благость Провидѣнія, въ печальномъ положеніи, въ какомъ тогда были Россіяне на островѣ Берингѣ, что съ самаго начала зимы по близости ихъ квартиръ прибило къ берегу мертваго кита. Онъ былъ длиною въ восемь саженей, и въ недостаткѣ иногда другихъ морскихъ животныхъ служилъ великою подмо-

гою для Руских: и потому-то они называли сего кита магазином съѣстныхъ припасовъ. Жиръ его рѣзали четвероугольными кусками и разстапливали на большомъ огнѣ, дабы отдѣлить отъ него сало; а что послѣ того оставалось, хотя и жеско было, однакожъ они ѣли вмѣсто мяса. Въ первые дни слѣдующей весны, выброшенъ моремъ на сей берегъ другой китъ. А какъ сей послѣднїй былъ гораздо свѣжѣе, то они перваго оставили.

Возвращенїе Россїянъ въ Камчатку.

Въ концѣ Марта 1742 года, когда снѣга начали таять, Россїяне стали всевозможно стараться, какъ бы имъ возвратиться въ отечество. Они собравшись всѣ вмѣстѣ въ числѣ 45 человѣкъ, начали разсуждать о средствахъ, ѣхать въ Камчатку. Состоянїе равенства, въ какомъ они жили, произвело разноту въ мнѣнїяхъ, и всякой свое защищалъ съ жаромъ. Ваксель въ семъ случаѣ поступилъ очень благоразумно и искусно. Не желая оскорбить ихъ прямо, онъ позволилъ спорить одному съ другимъ, а третьему ихъ опровергать, котораго послѣ самъ убѣждалъ неоспоримыми возраженїями.

Наконецъ онъ и Хитровъ, согласясь между собою, предложили свое мнѣніе, разломать пакетботъ и состроить изъ него другой поменѣе перваго, но въ которой бы можно было помѣстить весь экипажъ и провизію. Разсуждая о семъ, они старались, чтобъ всѣ тѣ, которые вмѣстѣ терпѣли нещастіе, были не разлучны; и естьли впредь случится нещастіе, то бы также терпѣть всѣмъ за одно. Какъ сіе мнѣніе принято было всѣми единогласно, то сочинили о семъ Актъ, и всѣ подъ нимъ подписались. Хорошая погода, наставшая въ началѣ Апрѣля, позволила имъ приняться за дѣло; во весь мѣсяцъ они разснащивали корабль и разбивали его по частямъ. Офицеры подавали примѣръ прочимъ своимъ прилѣжаніемъ въ работѣ.

Когда Берингъ сѣлъ на корабль Святаго *Петра*, то было въ Россійскомъ экипажѣ три плотника, которые одинъ за другимъ померли на острову. Къ щастію одинъ Красноярской Козакъ, по имени *Сава Стародубцовъ*, которой служилъ корабельнымъ плотникомъ въ Охотскѣ, вызвался управлять построеніемъ новаго пакетбота, естьли дадутъ ему размѣръ. Его услуги были приняты, и онъ сдержалъ

въ точности свое слово. Столь важная услуга, оказанная имъ его товарищамъ, не осталась безъ награжденія; какъ скоро прибыли они въ Енисейскъ, то онъ отъ Россійскаго Двора пожалованъ чиномъ *Сына Боярскаго*; это послѣдняя степень дворянства въ Сибирѣ.

6 Маія, начали строеніе судна; длину ему дали въ 40 футовъ, а ширину въ 13. Сдѣлавъ основаніе всему судну и утвердя то мѣсто, гдѣ должно быть мачтѣ, въ первыхъ днякъ Іюня обшили его досками, какъ снаружи, такъ и внутри. На немъ была одна только мачта и одна палуба; однако сдѣлали также кормовую каюту и кухню спереди, а съ каждой стороны по четыре весла. Хотя Россіяне и мало имѣли припасовъ для конопати, однако нашли способъ его оконопатить. Наконецъ сдѣлали въ то же время лодку для 9 ти или 10 ти человѣкъ.

Какъ судно совсѣмъ было готово, то 10 го Августа спустили его на воду; оно названо по имени *Святаго Петра*, какъ сдѣланное изъ остатковъ пакетбота сего имени. Его можно бы назвать еуркомъ одномачтовымъ; поелику оно по виду своему больше походило на сей родъ судовъ. Пушечныя ядра и остальное отъ пре-

жняго корабля старое желѣзо послужили къ нагруженїю его. Шесть дней продолжавшаяся тихая погода пособствовала къ тому, что они могли въ сїе время поставить мачту, утвердить руль, приготовить парусы и нагрузить его провизїею; оно опустилось въ воду на пять футовъ.

16 го Августа, взошли на новое свое судно и пустились въ море; мимо подводныхъ камней и мѣлей прошли съ помощїю веселъ, разстоянїемъ почти на двѣ Нѣмецкїя мили. Послѣ того распустили парусы, желая воспользоваться небольшимъ вѣтромъ, съ сѣвера поднявшимся. Судно было столь ходко и столь удобно къ направленїю, какъ будто бы его строилъ какой нибудь искусной въ семъ дѣлѣ мастеръ. 18 Августа, они вытерпѣли сильной противной вѣтеръ съ юго-запада. Опасность, чтобы не подпасть свирѣпству бури, принудила ихъ облегчить судно, сбросивъ въ море часть груза. 25 го Августа, они увидѣли Камчатку. На другой день щастливо взошли въ Аватской заливъ, а 27 го бросили якорь въ Петро-Павловской пристани.

Трудно изобразить то восхищенїе, какое тогда почувствовали Рос-

сїяне, взошедъ на землю. Они тотчасъ забыли всѣ свои нещастїя и ту бѣдность, въ которой находились, какъ скоро увидѣли магазинъ обильный всѣми припасами, которые Капитанъ Чириковъ заранѣе тамъ заготовилъ. Просторныя и покойныя казармы ихъ тамъ ожидали; они препровели тамъ зиму. Въ Маїѣ опять перебрались на судно и пошли въ Охотскъ. Откуда Ваксель отправился въ Якутскъ, и тамъ остался на цѣлую зиму. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1744 го года, онъ прибылъ въ Енисейскъ, и нашелъ тамъ Капитана Чирикова, которой, какъ мы видѣли выше, получилъ повелѣнїе оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока Россїйскїй Дворъ принялъ рѣшительное опредѣленїе вразсужденїи Камчатскихъ экспедицїй. Ваксель также почелъ за долгъ дожидаться Сенатскаго повелѣнїя въ семъ городѣ.

Наконецъ Чириковъ въ 1745 году позванъ въ Петербургъ, а Ваксель заступилъ его мѣсто въ правленїи двумя соединенными экипажами. Онъ прибылъ также въ Петербургъ въ Генварѣ 1749 го года. Прїѣздомъ его туда, кончилась вторая Камчатская экспедицїя, продолжавшаяся шестьнадцать лѣтъ.

Академикъ Штеллеръ пережилъ Капитана Беринга, но его жребій былъ довольно нещастенъ. Онъ остался въ Камчаткѣ по отъѣздѣ Вакселя, для учиненія нѣкоторыхъ опытовъ и наблюденій вразсужденіи Натуральной Исторіи. По неосторожности вмѣшался въ дѣла до него не касающіяся, хотя съ наилучшимъ намѣреніемъ. По прибытіи его въ Иркутскъ (6) Провинціальная Канцеллярія задержала его по сему дѣлу и послала рапортъ въ Сенатъ. Между тѣмъ Штеллеръ оправдался передъ Губернаторомъ того города, и сей позволилъ ему отправиться въ путь; но какъ дѣло по Канцелярiи дошло до Петербурга прежде его оправданія, то Сенатъ наслалъ ему повелѣніе, возвратиться въ Иркутскъ. Когда Штеллеръ возвращался въ сей городъ, то другой курьеръ привезъ ему извѣстіе, что онъ можетъ ѣхать въ Петербургъ. Онъ принялъ его съ радостію, но уныніе сдѣлало столь сильное впечатлѣніе на его здоровье, что онъ не могъ уже доѣхать до сего города; будучи въ сильной горячкѣ, бросился въ Тюмень, и тѣмъ кончилъ жизнь свою, 12 Ноября 1745 года. Ученое Общество потеряло въ немъ искуснаго, дѣятельнаго и опытнаго наблюдателя.

Со времен экспедицїи Беринга, Чирикова и Спанберга, еще были предпрїемлемы путешествїя отъ Камчатки къ берегамъ Американскимъ, и сдѣланы нѣкоторыя открытїя на Восточномъ Океанѣ. Но болѣе всего возросло поревнованїе Россїянъ по сему предмету въ царствованїе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Второй.

Въ 1764 году, двадцать человѣкъ Русскихъ богатыхъ купцовъ Московскихъ, Вологодскихъ и проч. согласились завести коммерцїю въ Камчаткѣ, на островѣ Берингѣ, и въ другихъ новооткрытыхъ странахъ. Мореплаватели сей Компанїи во время своего путешествїя открыли острова *Олуторскїй* и *Олкустскїй*, которые вмѣстѣ съ островами Анадырскими, видѣнными Берингомъ и Чириковымъ, составляютъ новой Сѣверной Архипеллагъ между Америкою и Камчаткою.

Примѣчанїя.

1) *Охотскъ*, городъ Россїйской Татарїи въ области Тунгусовъ, не давно построенный, лежащїй подъ 55 мъ градусомъ и 30 ю минутою широты, между двумя устьями рѣки Охоты, почти на берегу моря. Сей городъ, воз-

вышаясь со дня на день, становится центромъ Россійской Коммерціи между Камчаткою и Америкою. Въ немъ построена крѣпость для защищенія. Домы и публичныя зданія въ Охотскѣ выстроены лучше и порядочнѣе, нежели въ другихъ острогахъ или замкахъ Россійскихъ. Камчатка и берега Пенжинскаго моря даже до границъ Китайскихъ состоятъ подъ правленіемъ Охотской Канцелляріи. Отъ таможни сего города зависятъ всѣ товары, вывозимые изъ Камчатки, изъ тамошняго Архипеллага и изъ Америки, такъ какъ и тѣ, которые выходятъ изъ Россіи. Около Охотска совсѣмъ нѣтъ луговъ, и земля также безплодна, какъ и въ Камчаткѣ; однакожъ тамъ всего довольно и все дешево; хлѣбъ, скотина и другіе съѣстные припасы доставляются изъ Якутска.

2) *Якутскъ*, городъ Сибирской въ Татаріи, на рѣкѣ Ленѣ, въ области Якутовъ. Онъ отстоитъ отъ Охотска почти на 250 миль; а отъ сего послѣдняго до Камчатки считается около 300 миль моремъ. Изъ Охотска ходятъ лѣтомъ барки вдоль по берегу, и по открытому морю въ Сабацію, въ Анадырскъ и въ Камчатку. Онѣ тамъ нагружаются нарвалемъ и

китовымъ саломъ. Барки Татарскія чрезвычайно легки на ходу.

3) *Объ*, одна изъ знатнѣйшихъ рѣкъ Азіатскихъ въ Татаріи Россійской. Она выходитъ съ полуденной ея стороны, и течетъ съ Юговостока къ Сѣверовостоку. Принимаетъ въ себя рѣку Иртышъ и Тоболь, двѣ большія рѣки, и втекаетъ потомъ въ Океанъ близь Вайгатскаго пролива и Новой Земли. Объ изобильна хорошею рыбою.

4) *Енисей* и *Лена* суть также большія Азіатскія рѣки въ Россійской Татаріи. Онѣ текутъ съ полудня на сѣверъ и вливаются въ Ледовитое море.

5) *Заливъ Аватской*, на краю Азіи, на восточномъ берегу Камчатскаго мыса. Онъ называется симъ именемъ по рѣкѣ Аваткѣ, которая въ него втекаетъ. Сей заливъ окружаютъ высокія горы, и защищаютъ его отъ сильныхъ вѣтровъ. Онъ видомъ круглъ, и въ діаметрѣ имѣетъ около пяти миль. Въ немъ находятся три пристани разной величины, но всѣ равно хороши. Первая *Гіакинская*, что нынѣ Петропавловская; вторая *Раковинная*, и третья *Тарейнская*. Со временъ Беринговой экспедиціи, тамъ выстроенъ острогъ, которой привелъ въ упадокъ всѣ прочіе, по близости его

находящїеся; онъ возвышается еще со дня на день выгоднымъ своимъ мѣстоположенїемъ, здоровою Аватскою водою, а паче тѣмъ, что всѣ, торгующїе по берегамъ Америки и въ тамошнемъ Архипеллагѣ, удобнѣе тамъ могутъ приставать.

Адмиралтейская Коллегїя приказала выстроить при Петропавловской пристани домы для Офицеровъ, казармы, магазины и множество публичныхъ зданїй. Къ сѣверу отъ Аватскаго залива находятся двѣ высокїя горы, изъ которыхъ одна огнедышущая: съ нѣкоторыхъ временъ безпрестанно выбрасываетъ дымъ, но пламя видно бываетъ только по временамъ.

6) *Иркутскъ.* Городъ Татарїи Россїйской, въ Сибири. Онъ лежитъ въ области Кумитонговъ, на рѣкѣ Ангарѣ, имѣющей свой истокъ въ озерѣ Байкалѣ, почти за восемь миль оттуда. Сей городъ укрѣпленъ высокими башнями; около него много большихъ предмѣстїй. Хлѣбъ, соль, мясо и рыба тамъ очень дешевы. Грунтъ сего города до самаго Верхоленска очень плодороденъ. Въ окружности Иркутска находится около 100 деревень, и тамъ обрабатывается земля съ раченїемъ.

IX.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Англинской бригантины на берегахъ Иль Рояля, *при входѣ въ заливъ Св. Лаврентія, въ Сѣверной Америкѣ, случившееся въ 1780 году.*

Человѣкъ бодрой и неустрашимой, и въ самомъ отчаянномъ положеніи, находитъ въ себѣ самомъ помощь и облегченіе. Журналъ Господина С. В. Прентиса (Англинскаго Офицера въ 84мъ пѣхотномъ полку) представитъ тому разительный примѣръ. Начнемъ повѣствовать его собственными словами.

„Получа депеши отъ Генерала Галдиманда, правителя Канады, которыя надлежало мнѣ доставить Генералу Клинтону, сѣлъ я, 17го Ноября 1780 года, на небольшую бригантину, плывшую изъ Квебека въ Новой Іоркъ. Мы вышли вмѣстѣ съ легкимъ судномъ, которое отправлялось въ то же мѣсто, и на которомъ посланъ былъ дупликатъ депешей. Доплывъ внизъ по рѣкѣ Св. Лаврентія до порта, называемаго мѣ-

стечкомъ Св. Патрикія, были мы задержаны въ сей пристани противнымъ вѣтромъ, которой продолжался шесть дней. Зима уже начиналась, и рѣка отъ жестокой стужи скоро покрылась подлѣ береговъ толстымъ льдомъ. О естьли бы угодно было Небу продолжить сей вѣтръ еще нѣсколько дней! Воспрепятствовавъ совершенно ходу нашему, онъ спасъ бы насъ отъ нещастій, которыхъ повѣствованіе начинается съ исторіею нашего плаванія.

„Не доходя еще до устья рѣки, примѣтили мы, что въ бригантинѣ была небольшая течь. Лишь только вошли въ заливъ, течь сія умножилась; и не смотря на то, что безпрестанно работали двумя насосами, на днѣ бригантины было воды всегда на два фута. Съ другой стороны холодъ усилился, ледъ скоплялся вокругъ нашего корабля, и мы боялись, чтобы онъ совсѣмъ не окружилъ насъ. На кораблѣ было только девятнадцать человѣкъ, изъ которыхъ шестеро были пассажиры, а прочіе худые матросы. Что касается до Капитана, отъ котораго надлежало намъ ожидать помощи въ такомъ опасномъ положеніи, то онъ, вмѣсто попеченія о

сохраненіи корабля, во все время пилъ въ своей каютѣ, нимало не думая о нашемъ спасеніи.

Сильной вѣтръ не утихалъ, и вода поднялась на днѣ корабля уже на четыре фута. Тогда холодъ и усталость отняли надежду у матросовъ. Всѣ согласно рѣшились перестать работать. Они бросили насосы, и показывали великое равнодушіе вразсужденіи своей участи, говоря, что лучше хотятъ потонуть съ кораблемъ, нежели истощать свои силы безполезною работою въ такомъ отчаянномъ положеніи. Надобно признаться, что они нѣсколько дней чрезмѣрно трудились и нимало не отдыхали. Бездѣйственность Капитана довершила ихъ отчаяніе. Однакожъ посредствомъ ободреній и обѣщаній, и давъ имъ весьма кстати по стакану вина, чтобы сколько нибудь согрѣть ихъ, удалось мнѣ преодолѣть ихъ упрямство. Отъ перерыва въ работѣ вода поднялась въ кораблѣ еще на футъ; но дѣятельность ихъ такъ оживлялась жаромъ вина, которое велѣлъ я подносить имъ черезъ полчаса, что они работали съ удивительнымъ напряженіемъ силъ и прилѣжностію, и воды осталось только на три фута.

Тогда было 3 Декабря. Вѣтръ не уменьшался, но еще, казалось, со дня на день усиливался. Щели въ кораблѣ часъ отъ часу увеличивались; а ледъ, прилипавши къ нему по бокамъ, умножалъ его тягость и затруднялъ ходъ его. Надобно было безпрестанно отбивать сей ледяной черепъ, которымъ онъ покрывался. Судно, шедшее за нами, не только не могло намъ подать никакой помощи, но находилось еще въ жалостнѣйшемъ состоянiи, по неискуству кормчаго нашедши на камни противъ Орѣховаго острова (l'île de Coudres). Большой снѣгъ, въ то время выпавшiй, совсѣмъ сокрылъ его отъ глазъ нашихъ. Все наше сообщенiе состояло въ пушечныхъ выстрѣлахъ, которые черезъ полчаса были взаимно дѣлаемы. Скоро къ сожалѣнiю нашему не услышали мы отвѣта на сей сигналъ. Судно потонуло со всѣми людьми, которыхъ было числомъ шестнадцать; а намъ даже не льзя было и видѣть сего нещастiя, чтобы постараться спасти ихъ.

Горесть, произведенная въ сердцахъ нашихъ симъ нещастнымъ случаемъ, скоро обратилась на самихъ насъ отъ новой опасности, намъ представившейся. Море было весьма бурно, снѣгъ шелъ большой, холодъ стано-

вился несносенъ, и всѣ люди пришли въ унынїе. Когда все было въ семъ положенїи, вдругъ ботсманъ закричалъ, что мы не далеко отъ острововъ Магдалины, ужасной громады камней, изъ которыхъ одни возвышаются надъ моремъ, а другїе подъ водами его сокрываютъ острые верьхи свои, погубившїе уже многїе корабли. Менѣе, нежели черезъ два часа, услышали мы сильной шумъ волнъ, разбивающихся о сїи камни; и скоро послѣ того увидѣли главной островъ, называемый *Мертвой Человѣкъ*, которой миновали мы съ великимъ трудомъ. Чувство погибели стало еще живѣе среди множества подводныхъ камней, которыхъ, казалось, не льзя было избѣжать столь же благополучно: ибо снѣгъ шелъ такой сильной, что едва можно было видѣть съ одного конца корабля на другой. Трудно изобразить тотъ страхъ и ужасъ, которымъ мы были обьяты, проходя все пространство сихъ опасныхъ мѣстъ. Но когда совсѣмъ ихъ миновали, лучь надежды блеснулъ въ сердцахъ матросовъ, и они, помышляя о прошедшей опасности, увѣрились, что Провидѣнїе печется о спасенїи ихъ, и съ новою ревностїю принялись за работы.

Во время ночи море пришло въ сильнѣйшее волненіе; а на другой день, около пяти часовъ утра, превеликой валъ ударился о корабль, вышибъ задѣлки въ пушечныхъ окнахъ и наполнилъ водою матросскую каюту. Яростныя волны разбили корму. Мы старались заткнуть щели изрѣзанною ломтями говядиною; но сіе слабое средство оставалось безъ дѣйствія, и вода заливала насъ болѣе прежняго. Устрашенные корабельные служители оставили на минуту насосы; но когда хотѣли опять приняться за нихъ, то они уже такъ замерзли, что впредь совсѣмъ не льзя было ими дѣйствовать.

Съ сей минуты потеряли мы надежду спасти корабль свой, и желали единственно того, чтобы онъ не потонулъ по крайней мѣрѣ до приближенія къ острову Св. Іоанна, или какому нибудь другому острову въ заливѣ, къ которому бы мы могли доплыть на нашей шлюпкѣ. Предавшись совсѣмъ вѣтру, мы не смѣли ничего дѣлать, боясь произвести какое нибудь опасное для корабля движеніе. Новая тягость, которую получалъ онъ каждую минуту отъ входившей въ него воды, дѣлала ходъ его медленнымъ; и быстрѣйшія волны, имъ раз-

сѣкаемыя, съ яростію подымались и заливали палубу. Большая каюта, куда мы укрылись, была для насъ весьма слабою защитою отъ вѣтра, и едва укрывала насъ отъ свирѣпости ледяныхъ валовъ. Всякую минуту боялись мы, чтобы не оторвался у насъ руль и не сломилась мачта. Правда, что рыболовы и дикія утки, вокругъ насъ летавшія, были знакомъ того, что берегъ отъ насъ не далеко; но самое приближеніе его причиняло намъ новой страхъ. Какъ могли мы избѣжать камней, его окружающихъ, будучи не въ состояніи управить бригантину мимо ихъ, ниже видѣть ихъ сквозь густоту снѣга, насъ покрывавшаго? Нѣсколько часовъ были мы въ семъ жалостномъ состояніи; но вдругъ небо прочистилось, и мы увидѣли въ трехъ миляхъ отъ себя землю.

Чувство радости, вдругъ произведенное въ насъ симъ предметомъ, скоро было умѣрено, когда мы яснѣе увидѣли ужасныя скалы, возвышавшіяся вдоль берега какъ бы для того, чтобы насъ до него не допустить. Бригантина вытерпѣла еще нѣсколько сильныхъ ударовъ отъ большихъ валовъ, которые конечно бы потопили ее, естьли бы грузъ ея былъ не такъ легокъ. Мы

думали, что всякая новая волна разобьетъ ее. Наша шлюпка была такъ мала, что мы всѣ не могли въ ней помѣститься; и сверьхъ того море такъ волновалось, что пагубно было предаться ярости его на такомъ слабомъ челночкѣ. Казалось, что мы приплыли къ сей землѣ единственно для того, чтобъ она была свидѣтелемъ нашей погибели.

Однакожъ мы подвигались къ ней безпрестанно ближе, и уже были отъ нея не далѣе мили, какъ вдругъ къ восхищенію нашему увидѣли между сими грозными скалами пологой песчаной берегъ, къ которому по теченію воды плылъ нашъ корабль; притомъ и глубина уменьшалась такъ непримѣтно, что мы могли, не сѣвъ на мѣль, быть отъ него не далѣе пятидесяти или шестидесяти саженей. Судьба жизни нашей должна была рѣшиться черезъ нѣсколько минутъ. Наконецъ бригантина сѣла на песокъ съ сильнымъ потрясеніемъ. Первой ударъ сшибъ большую мачту, но безъ всякаго нещастнаго приключенія; а руль былъ оторванъ съ такою силою, что рукояткою его едва было не убило до смерти одного матроса. Волны, со всѣхъ сторонъ ударявшіяся о корабль, совсѣмъ

разбили корму, такъ что мы, не находя уже въ каютѣ убѣжища, принуждены были вытти на палубу и держаться за снасти, боясь упасть въ море. Черезъ нѣсколько минутъ корабль не много поднялся, но киль изломался, и весь корабль готовъ былъ развалиться. И такъ вся наша надежда была на шлюпку, которую съ великимъ трудомъ спустилъ я на море: такъ она была облѣплена совнѣ и внутри широкими льдинами, которыя надлежало отъ нея отбить. Почти всѣ корабельные служители напились вина, чтобы сколько нибудь освободиться отъ своего ужаса. Я далъ выпить по рюмкѣ водки тѣмъ, которые остались трезвы, и спросилъ, кто хочетъ со мною плыть на шлюпкѣ къ берегу? Море такъ волновалось, что нашей маленькой лодкѣ, казалось, въ минуту потонуть надлежало. Только ботсманъ, двое матросовъ и одинъ молодой пассажиръ отважились на то.

Еще въ самую первую минуту опасности я завернулъ депеши въ платокъ и обвязалъ его вокругъ пояса. Не думая тогда ни о какихъ другихъ вещахъ своихъ, схватилъ я топоръ и пилу, и бросился въ шлюпку; а за мною ботсманъ и слуга мой, которой

будучи благоразумнѣе меня, вынулъ изъ моего сундука сто восемьдесять гвиней. Пассажиръ, хотѣвшій спрыгнуть въ лодку, упалъ въ море, и одѣпенѣвшія отъ холода руки наши едва могли вытащить его. Когда оба матроса сошли къ намъ, то самые тѣ, которые болѣе другихъ не хотѣли плыть къ берегу, стали просить насъ принять ихъ; но боясь, чтобы отъ тягости такого числа людей и отъ безпорядочнаго движенія ихъ всѣмъ намъ не потонуть, велѣлъ я отвалить отъ корабля. Скоро я долженъ былъ хвалить себя, что заглушилъ въ сердцѣ своемъ гласъ сожалѣнія, которое было бы пагубно для нихъ самихъ. Хотя до земли было не далѣе пятидесяти саженей, однакожъ на половинѣ пути большой валъ залилъ до половины нашу шлюпку, и конечно бы опрокинулъ ее, естьли бы она была сколько нибудь грузнѣе. Другой валъ съ силою выбросилъ насъ на берегъ.

Радость, видѣть себя наконецъ освободившимися отъ тѣхъ опасностей, которыя такъ долго насъ ужасали и мучили, заставила насъ на минуту забыть, что мы избавились отъ одного рода смерти только для того,

чтобы по всей вѣроятности подвергнуться другому еще страшнѣйшему и мучительнѣйшему. Обнимая другъ друга въ первыхъ своихъ восторгахъ, и поздравляя себя съ нашимъ спасенїемъ, не могли мы быть нечувствительны къ горести нашихъ товарищей, которые остались на кораблѣ, и которыхъ жалостной вопль слышанъ былъ среди глухаго шума волнъ. Сїе чувство состраданїя увеличивалось отъ того, что намъ не льзя было подать имъ никакой помощи. Наша шлюпка, выкинутая на песокъ яростными волнами, не могла уже разсѣкать ихъ стремленїя и доплыть до корабля.

Ночь наступала поспѣшно, и мы скоро почувствовали, что на семъ льдистомъ мѣстѣ можемъ замерзнуть отъ холода. Надлежало итти по снѣгу, въ которомъ мы вездѣ вязли, до небольшаго лѣску, около двухъ сотъ саженей отъ берегу, гдѣ были мы сколько нибудь защищены отъ пронзительнаго сѣверозападнаго вѣтра. Но у насъ не было огня, чтобы согрѣть охладѣвшїе свои члены, и мы не имѣли никакихъ средствъ развести его. Трутъ, которой мы по осторожности взяли съ собою, былъ вымоченъ послѣднимъ валомъ, насъ облившимъ. Одно только

движенїе, способствуя кругообращенїю крови, могло спасти насъ. Зная лучше товарищей своихъ свойство сего жестокаго климата, совѣтовалъ я имъ ни одной минуты не быть въ бездѣйствїи, чтобъ прогнать сонъ. Но молодой пассажиръ, котораго платье, бывшее въ морской водѣ, обмерзло вокругъ его тѣла, не могъ противиться усыпительному ощущенїю, производимому всегда такимъ чрезвычайнымъ холодомъ, какой онъ чувствовалъ. Напрасно я уговаривалъ и принуждалъ его стоять на ногахъ: наконецъ мнѣ надлежало оставить его въ усыпленїи. Ходивъ около получаса и почувствовавъ самъ такое сильное побужденїе ко сну, что каждую минуту готовъ былъ упасть на землю для удовлетворенїя оному, пришелъ я опять на то мѣсто, гдѣ лежалъ сей молодой человѣкъ. Я положилъ руку на лице его, и чувствуя, что оно совсѣмъ охладѣло, велѣлъ ботсману его пощупать. Мы оба думали, что онъ умеръ. Сей нещастной отвѣчалъ намъ слабымъ голосомъ, что онъ еще живъ, но что конецъ его приближается, и усердно просилъ меня, естьли я останусь живъ, отписать къ отцу его въ Новой Йоркъ о нещастной его судьбѣ.

Через десять минут он испустил дух без всякаго страданія, или по крайней мѣрѣ без великих конвульсій. Сей случай замѣчаю для того, чтобы показать дѣйствіе жестокаго холода над тѣлом человѣческим во время сна, и доказать, что сія смерть не всегда бывает сопряжена с таким живым чувством боли, как обыкновенно полагают.

„Ужасной примѣр не мог заставить других противиться влеченію ко сну. Трое из них легли, не смотря на мои увѣщанія. Видя, что не льзя их удержать на ногах, срѣзал я два прута, из которых один отдал ботсману, и все наше упражненіе состояло в том, чтобы товарищам нашим не давать спать, и бить их прутом, как скоро они смыкали глаза. Сіе упражненіе, предохранив их почти от неизбѣжной смерти, было и для самих нас полезно.

„Дневной свѣт, котораго ждали мы с великим нетерпѣніем, наконец показался. Мы с ботсманом побѣжали к берегу посмотрѣть, не увидим ли каких нибудь слѣдов корабля нашего, хотя едва ли можно было ожидать того. Как же мы уди-

вились и обрадовались, увидѣвъ, что онъ цѣлъ, не смотря на жестокость вѣтра, которому, казалось, надлежало его разбить на мѣлкія части во время ночи! Прежде всего сталъ я думать о томъ, какъ бы оставшихся людей перевезти на берегъ. Корабль послѣ того, какъ мы оставили его, былъ волнами придвинутъ гораздо ближе къ берегу, и пространству, отдѣлявшему его отъ земли, надлежало быть еще менѣе при отливѣ. Когда же онъ сдѣлался, я закричалъ находившимся на кораблѣ товарищамъ, чтобы они привязали къ его краю веревку и спустились по ней одинъ послѣ другаго. Они приняли мое предложеніе. Смотря пристально на движеніе моря, и выбравъ для спуску ту минуту, какъ валъ отливался, они сошли всѣ благополучно, кромѣ одного плотника, которой не почелъ за нужное такимъ образомъ подвергать опасности жизнь свою, или не въ силахъ былъ сойти съ мѣста, попивавъ во время ночи не много неумѣренно. Общее спасеніе соединено было со спасеніемъ каждаго изъ насъ въ особливости, и я вдвое радовался, видя вокругъ себя такое число товарищей своихъ въ нещастіи, которыхъ я за

нѣсколько часовъ передъ тѣмъ почиталъ поглощенными моремъ.

„Капитанъ, не сходя еще съ корабля, къ щастiю нашему, запасся всѣмъ нужнымъ для разведенiя огня. Потомъ всѣ мы пошли въ лѣсъ: одни рубили дрова, а другiе подбирали сухiя вѣтьви, на землѣ лежавшiя. Скоро великое пламя поднялось отъ большаго костра, и радостной крикъ нашъ раздался по лѣсу. Терпѣвъ столь долго чрезвычайной холодъ, ни въ чемъ не могли мы найти такой прiятности, какъ въ огнѣ. Всѣ старались подойти къ нему какъ можно ближе, чтобы оживить свои оцѣпенѣвшiе члены. Но сiе удовольствiе почти для всѣхъ превратилось въ жестокую боль, какъ скоро жаръ огня проникъ въ ознобленныя части. Только ботсманъ и я спаслись отъ того, будучи во всю ночь въ движенiи. Всѣ прочiе, какъ остававшiеся на кораблѣ, такъ и на берегу бывшiе, были прохвачены морозомъ. Страшно описывать тѣ конвульсивныя движенiя, которыя производила въ сихъ нещастныхъ чрезмѣрная боль, ими ощущаемая.

„Когда мы пересмотрѣли всѣхъ своихъ товарищей, то я увидѣлъ, что

не было одного пассажира, Капитана Грина. Мнѣ сказали, что онъ заснулъ на караблѣ и совсѣмъ замерзъ. Мы снова начали безпокоиться о плотникѣ, оставшемся на бригантинѣ. Безпрестанно ярящееся море не позволяло намъ послать за нимъ шлюпки. Мы принуждены были дожидаться отлива, и наконецъ уговорили его сойти на берегъ такимъ же образомъ, какъ и прочіе; что сдѣлалъ онъ съ великимъ трудомъ, будучи въ крайней слабости и ознобивъ почти всѣ части тѣла своего.

„Настала ночь, и мы провели ее немного получше прошедшей. Однакожъ, не смотря на стараніе наше, разводить всегда большой огонь, много терпѣли мы отъ жестокости вѣтра, которой дулъ прямо на насъ. Густота деревъ едва защищала насъ отъ снѣга, сильно валившагося на нашъ огонь, какъ бы для того, чтобы потушить его.

„Вымочивъ платье наше съ той стороны, которая была къ огню, оставался онъ на спинѣ у насъ кучами, и надлежало безпрестанно его сбивать, не давая ему замерзнуть. Пронзительное чувство голода — новое бѣдствіе, до того часа намъ неизвѣст-

ное — присоединилось къ чувству холода, столь для насъ тяжкому.

„Прошли два дня, и всякую минуту мучило насъ воспоминанїе прошедшихъ нашихъ нещастїй и ожиданїе еще ужаснѣйшихъ. Наконецъ вѣтръ и море, совокупно недопускавшїе къ намъ корабль нашъ, снова силились разбить его. Сїе узнали мы по треску, съ которымъ онъ разрушился. Мы побѣжали къ берегу, и увидѣли часть груза плывущую по морю, которую кипящая вода вынесла изъ его отверзтїй. Къ щастїю, волны принесли къ берегу многое изъ сего груза. Взявъ длинные шесты и веслы съ нашей шлюпки, пошли мы вдоль по берегу и вытаскивали все то, что могло быть намъ полезно. Такимъ образомъ удалось намъ спасти нѣсколько кадокъ съ солониною и довольное количество луку, которой взятъ былъ Капитаномъ для продажи. Мы старались ловить и доски, оторвавшїяся отъ корабля; ибо онѣ могли намъ служить для построенїя хижины. Ихъ собрали много, и отнесли въ лѣсъ, чтобы тотчасъ начать строенїе. Сїе предпрїятїе не легко было произвести въ дѣйство. Немногїе изъ насъ были въ состоянїи работать; однакожъ щаст-

ливой успѣхъ того дня оживлялъ нашу бодрость, и пища, которую мы достали, подкрѣпила силы наши такъ, что къ вечеру того же дня могли мы довольно построить. При свѣтѣ огня нашего можно было намъ и ночью продолжать работу свою, и около десяти часовъ вечера была готова хижина наша, длиною въ двадцать футовъ, а шириною въ десять, которая, будучи въ разныхъ мѣстахъ поддерживаема деревами, могла противиться силѣ вѣтра; но была не такъ плотна, чтобы совершенно защитить насъ отъ холода.

„Слѣдующїе два дня были употреблены или на усовершенствованїе нашего строенїя, или на собранїе во время прилива того, что приплывало къ намъ съ корабля, или на опредѣленїе мѣры, по какой намъ употреблять запасъ свой. Не льзя было спасти хлѣба, совершенно размокшаго въ морской водѣ. Положили, чтобы каждому человѣку, больному и здоровому, давать въ день по четверти фунта солонины и по четыре луковицы, пока еще не изойдетъ лукъ. Сїя слабая пища едва могла сохранять насъ отъ смерти; однакожъ не могли мы увеличить своей мѣры, не

зная, какъ долго надлежало намъ жить на семъ пустомъ берегу.

„11 го Декабря, въ шестой день послѣ нашего кораблекрушенія, вѣтръ утихъ и далъ намъ волю спустить на воду шлюпку и ѣхать на корабль посмотрѣть, не осталось ли въ немъ чего нибудь. Большую часть дня надлежало употребить на обрубливаніе толстаго льду, покрывавшаго мостъ и сходы внизъ. На другой день удалось намъ вытащить небольшую кадку, въ которой было сто фунтовъ солонины, два ящика съ лукомъ, три съ бутылками Канадскаго бальзама, одинъ съ пататами, бутылку съ масломъ, весьма полезнымъ для ранъ многихъ матросовъ, другой топоръ, желѣзной горшокъ, два котла, и около двенадцати фунтовъ свѣчь. Сіе драгоцѣнное пріобрѣтеніе привело насъ въ состояніе въ слѣдующій день прибавить четыре луковицы къ нашей ежедневной порціи.

„14 го числа были мы еще на кораблѣ, и взяли парусы, изъ которыхъ одна часть служила намъ для закрытія нашей хижины, чтобы не проходилъ въ нее снѣгъ. Въ самой сей день раны тѣхъ, которые не терлись снѣгомъ, начали гнить. Съ ногъ, рукъ

и съ другихъ больныхъ членовъ сходила кожа съ нестерпимою болью. У плотника, вышедшаго на берегъ послѣ всѣхъ, отвалилась большая часть ногъ; а въ ночи на пятоенадесять число пришелъ онъ въ бѣшенство. Въ семъ состоянiи пробылъ до другаго дня, въ которой смерть избавила его отъ мучительнаго существованiя. Черезъ три дня умеръ нашъ младшiй ботсманъ такимъ же образомъ, лишившись ума за нѣсколько часовъ до смерти; а на другой день случилось то же самое съ матросомъ. Мы покрыли ихъ трупы снѣгомъ и вѣтьвями, не имѣя ни заступа, ни кирки, чтобы вырыть имъ могилу; но хотя бы они и были у насъ, однакожъ земля такъ глубоко промерзла, что и сiи инструменты не могли бы ее взять.

„Всѣ сiи потери, послѣ которыхъ осталось насъ только четырнадцать человѣкъ, были для насъ не весьма горестны, какъ въ разсужденiи умершихъ, такъ и въ разсужденiи самихъ насъ. Въ бѣдственномъ состоянiи своемъ почитали мы смерть болѣе благодѣянiемъ, нежели наказанiемъ; и когда возбуждалась въ насъ столь естественная любовь къ жизни, то каждой изъ

насъ долженъ былъ товарищей своихъ почитать за враговъ, которые, будучи вооружены голодомъ, хотѣли его смерти. Естьли бы въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые не лишились жизни, то скоро были бы мы приведены въ страшную необходимость умереть отъ голода, или умерщвлять и пожирать другъ друга. Но хотя мы и не дошли еще до сего ужаснаго состоянія, однакожъ намъ не льзя было думать, чтобы какой нибудь новой нещастной случай могъ еще умножить наше бѣдствіе. Безпрестанное чувство сильной стужи и мучительнаго голода; боль ранъ, умножаемая теплотою огня; стенаніе страждущихъ, безпорядокъ и нечистота, которые не только другихъ, но и самихъ насъ заставляли собою гнушаться; всѣ сіи картины отчаянія, насъ окружавшія, и ожиданіе медленной и жестокой смерти, въ мѣстахъ пустыхъ, въ удаленіи отъ родственниковъ и друзей, отъ сладостнаго ихъ утѣшенія — вотъ слабое изображеніе бѣдствій, чувствованныхъ сердцемъ нашимъ каждую минуту въ теченіе долгихъ дней и безконечныхъ ночей!

„Часто ходили мы съ ботсманомъ искать въ сей странѣ слѣдовъ чело-

вѣческихъ. Мы не могли ходить далеко, и возвращались всегда безъ успѣха. Однажды рѣшились итти гораздо далѣе по берегу замерзшей рѣки. Отъ времени до времени попадались намъ въ глаза слѣды лося и другихъ звѣрей; почему мы весьма жалѣли, что у насъ не было ружей и пороху для стрѣльбы. Слабая надежда польстила намъ. Шедши по указанію нѣкоторыхъ деревъ, надрубленныхъ съ одной стороны топоромъ, пришли мы на такое мѣсто, гдѣ недавно надлежало быть Индѣйцамъ; для того что ихъ вигвамъ былъ еще тутъ, и кора, на то употребленная, казалась еще свѣжею. Лосинная кожа, развѣшенная на шестѣ, подтвердила наше чаяніе. Мы обходили съ поспѣшностію всѣ окрестности, но тщетно. По крайней мѣрѣ мы съ удовольствіемъ думали, что въ семъ мѣстѣ были тамошніе жители, или путешественники, и что они могли скоро опять притти туда. Занимаясь сею мыслію, вырубилъ я большой шестъ, воткнулъ его на берегу рѣки, и привязалъ къ нему кусокъ березовой коры, обрѣзавъ ее на подобіе руки, указывавшей пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была наша хижина. Я почелъ за нужное взять

съ собою лосинную кожу, чтобы дикіе по своемъ возвращеніи могли понять, что какіе нибудь люди были въ семъ мѣстѣ послѣ ихъ, и узнать, куда они пошли. Приближеніе ночи принудило насъ итти обратно въ жилище наше; и мы удвоили шаги, чтобы товарищамъ нашимъ скорѣе сообщить такія пріятныя вѣсти. Хотя сіе открытіе должно было по справедливости возбудить въ нихъ невеликую надежду, однакожъ разсказанное мною ихъ весьма обрадовало; — такъ благодѣтельное побужденіе Натуры заставляетъ нещастныхъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что можетъ облегчить чувство ихъ страданія!

„Нѣсколько дней безпрестанно ожидали мы Индѣйцовъ. Мало по малу сія сладостная надежда ослабѣвала, а наконецъ и совсѣмъ изчезла. Нѣкоторые изъ нашихъ больныхъ, между прочими и Капитанъ, начинали въ сіе время приходить въ силу, а запасъ нашъ видимо уменьшался. Тогда обьявилъ я свое намѣреніе, отправиться на шлюпкѣ вдоль по берегу со всѣми тѣми, которые могли управлять ею, чтобы искать какой нибудь помощи. Сіе предложеніе было всѣми вообще принято; но когда пришло дѣ-

ло къ исполненію онаго, то представилось новое затрудненіе, а именно: какъ исправить шлюпку, которую волны съ такою жестокостію о песокъ ударяли, что она разсѣлась во всѣхъ смычкахъ? Конопати было довольно для задѣлки щелей; но къ нещастію не было смолы для залитія ихъ. Чѣмъ же замѣнить сей недостатокъ? Долго не могли мы ничего придумать; но вдругъ вздумалъ я употребить на сіе Канадской бальзамъ, нами спасенной. Легко было сдѣлать опытъ. Я влилъ его нѣсколько бутылокъ въ желѣзной горшокъ, и поставилъ на большой огонь. Снимая его часто съ огня и давая ему застывать, сдѣлалъ его довольно густымъ. *Въ сіе время* товарищи мои оборотили шлюпку, и скоро очистили ее отъ песку и льду. Я велѣлъ конопатить всѣ щели, и заливая ихъ бальзамомъ, увидѣлъ, что онъ наилучшимъ образомъ производилъ желанное дѣйствіе.

„Сей первой успѣхъ одушевилъ насъ живѣйшею ревностію къ продолженію нашихъ приготовленій. Кусокъ полотна, прикрѣпленной къ шесту, которой могъ по произволенію подниматься и опускаться, долженъ былъ служить намъ парусомъ, и могъ при

тихомъ и благопріятномъ вѣтрѣ облегчать работу нашихъ гребцовъ. Еще немногіе изъ матросовъ были въ силахъ сносить тѣ трудности, которыя мы предвидѣли въ такой экспедиціи. Для сего выбрали меня путеводителемъ, Капитана, ботсмана, двухъ матросовъ и моего слугу. Оставшійся запасъ раздѣленъ былъ по числу людей, на четырнадцать равныхъ частей, и чрезвычайные труды, нами предпринимаемые для общей пользы, ни мало не могли увеличить части нашей въ разсужденіи тѣхъ, которые покойно оставались въ хижинѣ.

„Съ сею бѣдною порціею, въ день по четверти фунта говядины, которой, по сей мѣрѣ, надлежало стать на шесть недѣль; на слабомъ челночкѣ, залитомъ ненадежною жидкостію, которой малѣйшею волною, легчайшимъ порывомъ вѣтра могъ быть опрокинутъ, и отъ малѣйшаго камня разбиться на мѣлкія части; среди ужасныхъ громадъ плавающихъ льдинъ; вдоль берега неизвѣстнаго, усыпаннаго каменями, и въ самое жесточайшее время года, надлежало пуститься въ море, и производить въ дѣйство такое предпріятіе, которое могло быть

внушено однимъ слѣпымъ отчаянїемъ. Но мы были въ такомъ положенїи, что благоразумнѣе казалось подвергнуться всѣмъ возможнымъ опасностямъ при самомъ слабомъ блескѣ надежды, нежели по слабодушному недѣйствїю предаться почти неизбѣжной погибели въ томъ состоянїи, въ которомъ были мы оставлены всею Натурою.

„Наступилъ 1781 годъ. Мы намѣрены были отправиться на другой день, т. е. втораго числа Генваря. Но сильной сѣверо-западной вѣтръ задержалъ насъ до полудня четвертаго числа. Когда онъ утихъ, мы положили въ шлюпку свой запасъ, нѣсколько фунтовъ свѣчь и всѣ тѣ мѣлочи, которыя могли быть намъ полезны, и простились съ своими товарищами: горестное прощанїе! мы не знали, увидимся ли когда нибудь. Мы отплыли еще не болѣе осьми миль, какъ вѣтръ, обратясь къ юго-востоку, воспрепятствовалъ намъ въ пути и принуждалъ насъ греблею войти въ широкой заливъ, которой казался намъ благопрїятнымъ убѣжищемъ на ночное время.

„Прежде всего вынули мы свой запасъ и вытащили шлюпку на берегъ, чтобы морскїя волны не могли ее повредить. Потомъ развели огонь и на-

рубили дровъ столько, чтобы достало ихъ до утра. Самыя мягчайшія сосновыя вѣтьви употребили мы на постели, а изъ большихъ сдѣлали на скорую руку родъ вигвама, чтобы сколько нибудь укрыться отъ холода и вѣтра.

„Во время нашего бѣднаго ужина примѣтилъ я на берегу нѣсколько отломковъ, принесенныхъ приливомъ, которые, казалось, были обрублены топоромъ; увидѣлъ и довольно длинные шесты, обдѣланные нѣкогда человѣческою рукою. Однакожъ мы не видали никакихъ иныхъ слѣдовъ обитаемости. Въ двухъ миляхъ отъ насъ виденъ былъ пригорокъ безъ лѣсу, гдѣ примѣтны были нѣкоторые знаки обработанности. Я уговорилъ двоихъ изъ товарищей итти туда прежде окончанія дня, чтобы осмотрѣть оттуда большую часть сей земли. Шедши вдоль залива, мы нашли рыбачью лодку, какія употребляются въ Терра-Новѣ; она была до половины сожжена, и остатки ея лежали въ пескѣ. Сей предметъ подалъ намъ новую надежду, и заставилъ насъ поскорѣе добираться до пригорка. Взошедши на вершину его, съ какою радостію увидѣли мы на другой сторонѣ нѣкоторыя зда-

нія, до которыхъ было по крайней мѣрѣ не далѣе мили! Не смотря на нашу усталость, скоро перешли мы сіе разстояніе. Сердца наши сильно бились отъ надежды и радости; но сіи сладостныя чувства скоро исчезли. Тщетно ходили мы по всѣмъ зданіямъ: онѣ были пусты. Сіи зданія были магазины для приготовленія штокфиша, которые по видимому уже нѣсколько лѣтъ были оставлены. Однакожъ печальной плодъ сего поиска былъ тотъ, что мы болѣе утвердились въ надеждѣ, найти какое нибудь человѣческое жилище, продолжая плыть вокругъ острова.

„Вѣтръ, превратившійся въ сѣверозападной, не далъ намъ плыть на другой день; ибо мы боялись, чтобы льдины, несомыя въ волнахъ, не разбили нашей шлюпки. Три дня продолжался онъ съ равною жестокостію. Проснувшись ночью, весьма я удивился, слыша одинъ пронзительной ревъ его, безъ обыкновеннаго глухаго шума морскихъ волнъ. Я разбудилъ ботсмана, и сказалъ ему о семъ. Любопытствуя знать причину того, мы побѣжали къ берегу. Луна освѣщала насъ, и при печальномъ ея свѣтѣ вездѣ увидѣли мы морскія воды неподвижныя въ цѣ-

пяхъ льда, который возвышался по разнымъ мѣстамъ высокими громадами. Какъ изобразить чувство горести, произведенной въ сердцахъ нашихъ симъ видомъ? Намъ не льзя было ни далѣе плыть, ни возвратиться въ свою хижину, которая могла бы насъ лучше защищать отъ увеличившагося холода. Долго ли еще надлежало намъ пробыть въ семъ нещастномъ состоянїи!

„Два дня мучились мы сими горестными мыслями. Наконецъ, девятаго числа, вѣтръ утихъ. На другой день подулъ онъ съ юго-востока, и съ такою силою, что весь ледъ, которой держалъ насъ въ заливѣ какъ въ осадѣ, съ великимъ шумомъ взломался и былъ унесенъ въ море, такъ что въ четыре часа по полудни совсѣмъ его не видно было вдоль берега.

„Разрушивъ цѣпи, насъ удерживавшїя, тиранъ воздуха чрезмѣрною яростїю своею сковалъ для насъ другїя. Черезъ два дни онъ утихъ. Легкой вѣтерокъ повѣялъ вдоль берега. Мы спустили на воду свою шлюпку, распустили парусы, и отплыли уже довольно далеко, какъ увидѣли впереди въ нѣсколькихъ миляхъ весьма возвышенную землю. Казалось, что бе-

регъ составлялъ до того мѣста непрерывной поясъ крутыхъ скалъ, такъ что никакъ не возможно было покуситься пристать къ нему, не доплывъ до сего отдаленнаго мыса. Однакожъ опасно было пуститься такъ далеко, Въ шлюпкѣ показалась течь, и двумъ человѣкамъ надлежало безпрестанно выливать воду. Почему могли мы грести только двумя веслами; а слабость, въ которую мы приведены были своими горестями и недостаткомъ въ пищѣ, едва дозволяла намъ выдерживать и сїю легкую работу. Что бы съ нами сдѣлалось, естьли бы вѣтръ подулъ сѣверо-западной? Шлюпка наша неминуемо разбилась бы о камни.

„Къ щастїю, мы уже не уважали никакой опасности, и вѣтръ такъ помогъ нашей отважности, что около одиннадцати часовъ ночи приплыли мы къ мысу. Но какъ мѣсто для пристани было не удобно, то мы принуждены были плыть вдоль у берега до двухъ часовъ утра; въ которое время вѣтръ усилился, и отнялъ у насъ свободу искать лучшаго мѣста. Надобно было сойти, или лучше сказать, взлѣзть съ великимъ трудомъ на каменистой берегъ, и мы не могли

шлюпки своей укрыть отъ волнъ, грозившихъ разбить ее о камни.

„Мы пристали въ мѣлкомъ заливѣ, заключенномъ со стороны земли чрезвычайно высокими горами, а съ моря открытомъ сѣверо-западному вѣтру, отъ котораго ничто не могло насъ защитить. Вѣтръ, поднявшійся 13 числа, бросилъ нашу шлюпку на каменной бугоръ, и разбилъ ее во многихъ частяхъ. Сіе приключеніе было только началомъ новыхъ бѣдствій. Будучи окружены скалами, по которымъ никакъ не льзя было пробраться въ лѣсъ, чтобы искать тамъ убѣжища; не находя никакого покрова, кромѣ паруса, совсѣмъ обмерзшаго, и будучи нѣсколько дней заваливаемы снѣгомъ, которой вокругъ насъ выпалъ глубиною на три фута, не имѣли мы для разведенія огня ничего, кромѣ вѣтьвей и отломковъ, выброшенныхъ по случаю на берегъ. Въ семъ жалостномъ состояніи пробыли мы до 21 числа. Тогда погода стала лучше; но мы не могли уже ею воспользоватися. Какъ починить шлюпку, совсѣмъ разбитую? Размысливъ о разныхъ средствахъ, приходившихъ намъ на умъ, и отвергнувъ ихъ за невозможностію,

рѣшились мы искать своего спасенія другою дорогою.

„Хотя не возможно было перелѣзть через скалы, со всѣхъ сторонъ насъ окружавшія, однакожъ, будучи принуждены совсѣмъ оставить шлюпку, вздумали мы итти покрайней мѣрѣ вдоль берега по льду, которой былъ довольно крѣпокъ и могъ насъ держать. Мы съ ботсманомъ рѣшились сдѣлать опытъ, и тотчасъ пошли. Прошедши нѣсколько миль, пришли къ устью рѣки, окруженной песчанымъ берегомъ, гдѣ бы мы могли спасти свою шлюпку и жить гораздо лучше, естьли бы намъ удалось прежде тутъ пристать. Сіе открытіе, возбудивъ въ насъ сожалѣніе, мало умножило надежду нашу. Правда, что оттуда легко было пройти въ лѣсъ; но надлежало ли наудачу далеко заходить въ дикихъ мѣстахъ, чтобы сыскать какое нибудь жилище? Какъ проходить сквозь мрачную густоту лѣса? а особливо, какъ итти по снѣгу, которымъ земля была покрыта на шесть футовъ, и которой могъ быть размягченъ самомалѣйшею оттепелью?

„По возвращеніи нашемъ стали мы совѣтоваться, и признано за единственное средство то, чтобы взять и не-

сти на себѣ запасъ нашъ и всѣ полезныя намъ вещи, и итти вдоль по берегу, гдѣ лучше можно было надѣяться найти наконецъ нѣкоторыя семейства рыбаковъ, или дикихъ. Казалось, судя по времени, что надлежало еще быть морозамъ; и какъ вѣтръ свѣялъ большую часть снѣга, лежавшаго на льду подлѣ берега, то мы могли надѣяться идти въ день по осьми или по десяти (Англинскихъ) миль, какъ ни были истощены силы наши.

„Сіе рѣшеніе было утверждено единогласно. Мы совсѣмъ приготовились къ путешествію, и намѣрены были отправиться поутру 24 числа, но въ предшедшей ночи вѣтръ вдругъ оборотился къ юго-востоку, и пошелъ притомъ сильной дождь, такъ что черезъ нѣсколько часовъ сей снѣжной черепъ, которой наканунѣ казался столь твердымъ, совсѣмъ растаялъ, и ледъ вездѣ отсталъ отъ береговъ. Открылось болѣе дорогъ къ выходу изъ сего нещастнаго мѣста, гдѣ мы заключены были. Среди горестныхъ своихъ размышленій, иногда посматривали мы на шлюпку, которую часто покушались изрубить на дрова, не ожидая отъ нее никакой болѣе пользы. У насъ было еще столько конопати, что мо-

жно было задѣлать всѣ новыя щели; но бальзамъ Канадской весь изошелъ на ежедневныя наши починки, и намъ совсѣмъ не приходило на умъ, чемъ бы замѣнить его.

„Между тѣмъ на третій день опять стало холодно. Жестокость стужи ночью вселила мнѣ въ голову мысль, которую по наступленіи дня спѣшилъ я произвести въ дѣйство; а именно, лить въ законопаченныя щели воду, и давать ей тутъ замерзать до нѣкоторой толщины. Товарищи мои смѣялись моей выдумкѣ, и съ трудомъ согласились помогать мнѣ. Но сіе простое средство удалось мнѣ сверьхъ моего чаянія. Всѣ щели были симъ образомъ такъ крѣпко задѣланы, что водѣ, казалось, никакъ не льзя было пройти, пока морозы будутъ продолжаться.

„На другой день, 27 числа, сдѣлали мы въ томъ щастливой опытъ. Хотя шлюпка стала очень тяжела, и весьма трудно было править ею отъ большаго количества льду, которымъ она была облѣплена, однакожъ въ день отплыли мы около десяти миль. Почему она стала намъ драгоцѣннѣе, и мы постарались перенесть ее на безопаснѣйшее мѣсто. Большой лѣсъ,

бывшій не далеко отъ берега, доставлялъ намъ двѣ выгоды, которыхъ мы уже столько ночей не имѣли: слабое убѣжище отъ холоднаго вѣтра, и изобильное количество дровъ для разведенія большаго огня, согрѣвавшаго насъ во время сна. Сіе двоякое удовольствіе было тогда для насъ верховнымъ щастіемъ. У насъ изошелъ почти весь трутъ; и такъ чтобы замѣнить его, сжегъ я часть своей рубашки, которую не перемѣнялъ съ самаго того времени, какъ сошелъ съ корабля.

„На другой день пошелъ сильной дождь, и ледъ на нашей шлюпкѣ весь растаялъ. Такимъ образомъ, къ горести нашей, *потеряли мы цѣлой день*, въ которой могли бы отплыть нѣсколько миль. Надлежало дожидаться мороза; а нетерпѣніе и горесть нашу умножало то, что говядины оставалось у насъ на каждаго человѣка только по два фунта съ половиною.

„Морозить стало не прежде 29 го, и то послѣ полудня; а приготовленія наши были такъ продолжительны, что до ночи не могли мы отплыть болѣе семи миль. Сильной вѣтръ, захватившій насъ на другой день, при самомъ началѣ нашего пути, прину-

дилъ насъ остановиться, не давъ отплыть болѣе двухъ миль. Оттепель продержала насъ на берегу еще сутки, т. е. до 1 го Февраля. Въ сей день холодъ былъ такъ великъ, что мы могли снова починить свою шлюпку; но плавающихъ льдинъ было такое множество, что одному изъ насъ надлежало безпрестанно разбивать ихъ шестомъ, и съ великимъ трудомъ и усталостію могли мы до ночи переплыть пять миль.

„Плаваніе наше было гораздо щастливѣе 3 го числа. Вѣтръ дулъ для насъ самой попутной. Хотя въ шлюпкѣ отъ теплоты была течь, и намъ надлежало заняться выливаніемъ воды, однакожъ сперва плыли мы съ помощію веселъ въ часъ по четыре мили, а потомъ и по пяти съ помощію одного паруса. Около двухъ часовъ по полудни, открылся намъ весьма высокой мысъ, которой, казалось, былъ отъ насъ не далѣе трехъ миль. Чрезвычайная его вышина обманула насъ въ разсужденіи разстоянія: почти уже ночью доплыли мы до него. Проѣжжая оной, увидѣли мы, что шлюпка наша перемѣнила ходъ свой, такъ что мы принуждены были опустить парусъ и приняться за веслы. Вѣтръ

дулъ съ берега. По слабымъ силамъ нашимъ не могли мы ему противиться; и естьли бы не помогъ намъ приливъ отъ сѣверо-востока, которой нѣсколько выдерживалъ его усиліе, то онъ могъ бы насъ унести навсегда въ открытое море.

„Опасно было пристать къ берегу, окруженному скалами. Надобно было съ великимъ страхомъ въ ночи греблею плыть вдоль берега подлѣ камней до пяти часовъ утра. Тогда уже силы наши совсѣмъ истощились, и не могши далѣе гресть, забыли мы весь страхъ и рѣшились пристать. Самъ Богъ помогъ намъ въ семъ, и не случилось ничего нещастнаго, кромѣ того, что шлюпка наша, до половины водою наполненная, была выброшена на берегъ. Лѣсъ былъ не далеко; однакожъ мы съ трудомъ дошли до него, и расклали огонь, чтобы согрѣться и высушить свое платье. Усталость и безсонница привели насъ въ такое разслабленіе, что мы не могли удержаться отъ сна, когда разгорѣлся нашъ огонь. Мы принуждены были по очереди будить другъ друга, боясь, чтобы онъ не угасъ, когда бы мы всѣ вдругъ уснули, и чтобы въ семъ усыпленіи намъ не замерзнуть.

„Проснувшись и примѣчая мѣста, могъ я увѣриться въ томъ, что думалъ во время пути; а именно, что сїе острое возвышенїе земли, до коего мы доплыли, есть сѣверной мысъ Королевскаго острова (l'Isle Royale), которой съ Королевскимъ мысомъ на островѣ Терра-Нова находятся у входа въ заливъ Св. Лаврентїя.

„Радостная увѣренность, что мы находимся на обитаемомъ островѣ, могла бы намъ подать надежду найти наконецъ помощь, естьли бы мы, продолжая свое путешествїе, могли пропитаться во все сїе время; но запасъ нашъ почти весь изошелъ, а сїе приводило насъ въ отчаянїе. Намъ представлялась только одна близкая смерть, или ужасныя средства къ ея отдаленїю. Мы съ горестїю обращали глаза другъ на друга, и казалось, что каждой готовъ былъ назначить жертву въ удовлетворенїе своему голоду. Уже нѣкоторые изъ насъ согласились поручить сей выборъ рѣшенїю слѣпаго жребїя; но, къ щастїю, произведенїе въ дѣйство сего ужаснаго замысла было отложено до самой крайности.

„Между тѣмъ какъ мои товарищи выбрасывали изъ лодки песокъ, которымъ волны наполнили ее, и ко-

нопатили въ ней скважины, поливая ихъ водою и давая ей замерзать, пошли мы съ ботсманомъ вдоль по берегу искать устрицъ, которыхъ раковины валялись по разнымъ мѣстамъ. Къ нещастїю онѣ были всѣ пустыя. Мы почли бы себя весьма благополучными, естьли бы нашли какїе нибудь трупы звѣрей, не совсѣмъ съѣденныхъ хищными птицами; но всѣ сїи остатки были покрыты снѣгомъ. Мы не могли найти для себя ни самой грубѣйшей пищи. Не довольно того, что судьба привела насъ на пустой берегъ; но къ умноженїю нашего злощастїя случилось сїе въ самое жестокое время года, когда не только земля не производила ничего въ пищу намъ, но и животныя, населяющїя тѣ двѣ стихїи, которыя питаютъ человѣка, спрятались въ свои пещеры или норы, чтобы укрыться отъ сильнаго холода, опустошающаго сїи жестокїе климаты.

„Я боялся бы произвести мучительное чувство въ тѣхъ сердцахъ, которыя до сего времени нѣжно сожалѣли о нашей участи, естьли бы изобразилъ всѣ ужасы бѣдствїй, какїя терпѣли мы въ слѣдующїе дни. Питаясь одними сухими плодами шипов-

ника, найденными подъ снѣгомъ, и сальными свѣчами, которыя сохранили мы для самой крайности; томимые усталостію при самомъ малѣйшемъ напряженіи силъ; удерживаемые въ пути нашемъ или льдомъ, или дождемъ, или вѣтрами; ободряемые иногда слабою надеждою, и потомъ опять приходившіе въ жестокое отчаяніе; терзаемые горестнымъ чувствомъ всѣхъ сихъ бѣдствій, угнетавшихъ насъ ежеминутно и днемъ и ночью: — вотъ то положеніе, въ которомъ были мы до 17 числа! Въ сей день, пришедши въ крайнюю слабость, вышли мы на берегъ въ послѣдній разъ, рѣшася умереть въ семъ мѣстѣ, естьли Небо не пошлетъ намъ какой нибудь нечаянной помощи. Мы не въ силахъ были поставить шлюпку свою въ безопасномъ мѣстѣ. Вынувъ изъ нея всѣ свои инструменты и парусъ, служившій намъ кровомъ, мы предали ее ярости волнъ. Собравъ послѣднія силы свои, гребли мы снѣгъ съ того мѣста, на которомъ рѣшились расположиться, и обклались имъ вокругъ, чтобы посадить тутъ сосновыя вѣтьви, которыя бы могли намъ служить защитою; а потомъ нарубили дровъ столько, сколько могли, чтобы было

что жечь, боясь скоро притти въ несостоянїе работать топоромъ.

„Нѣсколько горстей шиповныхъ ягодъ, раззаренныхъ въ снѣжной водѣ, составляли всю нашу пищу въ теченїе первыхъ дней. Наконецъ и онѣ всѣ изошли; и мы были рады тому, что могли замѣнить ихъ морскими травами, росшими на берегу. Варя ихъ нѣсколько часовъ, чтобы онѣ сколько нибудь стали помягче, положилъ я въ сїю похлебку одну изъ двухъ оставшихся у насъ свѣчь. Сей отвратительной бульйонъ и жесткїя травы сперва утолили нашъ голодъ; но черезъ нѣсколько минутъ почувствовали мы ужасную рвоту, не могши однако очистить своего желудка. Сїя тошнота продолжалась около четырехъ часовъ; послѣ чего почувствовали мы облегченїе, но пришли притомъ въ совершенное разслабленїе.

„Однакожъ на другой день надлежало прибѣгнуть опять къ той же пищѣ, которая произвела такое же дѣйствїе, но только не съ такою силою. Истративъ на то послѣднюю свѣчу, мы должны были черезъ три дня довольствоваться жесткими и грубыми травами, которыя всегда съ великимъ отвращенїемъ подносили ко

рту. Въ сїе время ноги наши стали пухнуть. Сїя опухоль распространилась по всему тѣлу, такъ что, не смотря на сухость нашу, можно было при малѣйшемъ гнетенїи вдавливать палецъ въ кожу глубиною на дюймъ и болѣе, и впадина видна была еще черезъ часъ. Казалось, что глаза наши впали въ глубокїя ямы. Безпорядочное состоянїе крови нашей и холодные инеи привели насъ въ такую недвижимость, что мы едва могли по очереди доползать до огня, почти угасшаго, и раздувать его, или собирать нѣкоторыя сухїя вѣтьви, по снѣгу разсѣянныя.

„Тогда-то помышленїе о моемъ отцѣ, *сопровождавшее меня среди величайшихъ* опасностей, еще живѣе тронуло сердце мое, соединясь съ помышленїемъ о моей погибели. Я воображалъ себѣ, какъ сей нѣжной родитель сперва ожидаетъ отъ меня писемъ и безпокоится; потомъ, не получая обо мнѣ извѣстїя, терзается горестїю; а наконецъ во всѣ дни старости своей проливаетъ горестныя слезы о смерти своего сына. Я самъ плакалъ о томъ, что умираю не въ объятїяхъ его, и не получаю отъ него послѣдняго благословенїя. Послѣ

сихъ трогательныхъ мыслей, прерванныхъ стенанїемъ окружавшихъ меня товарищей, пришли мнѣ въ голову мысли варварскїя, вдохнутыя въ меня естественнымъ побужденїемъ къ сохраненїю жизни. Сїи нещастные соучастники моего бѣдствїя, которые трудами своими до того времени мнѣ помогали, казались теперь мнѣ добычею, могшею утолить мой голодъ. Такїя же чувства читалъ я и въ ихъ алчныхъ взорахъ.

„Не знаю, до чего бы довело насъ сїе свирѣпое расположенїе, какъ вдругъ голосъ человѣческой раздался по лѣсу. Въ ту же минуту увидѣли мы двоихъ Индѣйцовъ съ ружьями, которые, казалось, еще не примѣтили насъ. Сїе внезапное явленїе оживило нашу бодрость, и подало намъ столько силъ, что мы встали, и пошли къ нимъ со всею возможною для насъ поспѣшностїю.

„Увидя насъ, стали они какъ вкопанные. Они пристально на насъ смотрѣли, будучи неподвижны отъ удивленїя и ужаса. Кромѣ того узумленїя, въ которое должно было имъ притти, нашедши на семъ пустомъ берегу острова шестерыхъ иностранцевъ, одинъ нашъ видъ могъ устрашить са-

маго смѣлѣйшаго. Платье наше, лоскутьями висящее; глаза, едва видимые подъ опухолью желтыхъ щекъ; ужасная надутость всѣхъ нашихъ членовъ; наши щетинныя и кудрявыя бороды; волосы безпорядочно висѣвшія по плечамъ — все сіе представляло страшное зрѣлище. Однакожъ чѣмъ болѣе мы приближались къ Индѣйцамъ, тѣмъ болѣе восхитительныя чувства изображались на лицахъ нашихъ. Иные проливали радостныя слезы, другіе улыбались отъ радости. Хотя сіи мирные знаки должны были немного успокоить Индѣйцовъ, однакожъ они не показывали ни малой охоты къ намъ приближиться; и подлинно, гнусной образъ нашъ могъ извинить ихъ холодность. И такъ я подошелъ къ тому, которой былъ ко мнѣ ближе, и съ видомъ покорности протянулъ ему руку. Онъ взялъ и потрясъ ее отъ всего сердца: образъ привѣтствія у сихъ дикихъ людей.

„Потомъ начали они разными тѣлодвиженіями показывать намъ, что принимаютъ участіе въ нашей жалостной судьбѣ. Я сдѣлалъ знакъ, чтобы они подошли къ нашему огню. Въ молчаніи шли они за нами и сѣли подлѣ насъ. Одинъ изъ нихъ, гово-

ривш҇ій испорченнымъ Французскимъ языкомъ, просилъ насъ увѣдомить ихъ, откуда мы, и какой случай привелъ насъ въ сіе мѣсто. Я разсказалъ ему коротко все наше нещастіе и бѣдствія, нами претерпѣнныя. Примѣтивъ, что повѣсть моя довольно тронула его, спросилъ я у него, не можетъ ли онъ сыскать намъ чего нибудь для утоленія нашего голода. Могу, отвѣчалъ онъ; но увидя, что огонь нашъ почти погасъ, вдругъ всталъ, схватилъ нашъ топоръ, посмотрѣлъ на него и улыбнулся — думаю, для того, что онъ былъ весьма плохъ. Бросивъ его съ презрѣніемъ, взялъ въ руки свой топоръ, бывшій у него за поясомъ. Въ минуту срубилъ онъ множество вѣтвей и бросилъ ихъ въ огонь; потомъ взялъ свое ружье, и, не сказавъ ни слова, ушелъ отъ насъ съ своимъ товарищемъ.

„Такой внезапной уходъ могъ бы привесть въ безпокойство тѣхъ, которые не знаютъ нрава Индѣйцовъ; но мнѣ извѣстно было, что сіи люди безъ крайней нужды рѣдко говорятъ. И такъ я увѣренъ былъ, что они пошли искать намъ пищи, и успокоивалъ устрашенныхъ товарищей своихъ, говоря, что они къ намъ скоро

Англичане, мучимы голодомъ, холодомъ и болѣзнями на пустомъ островѣ, получаютъ помощь отъ Индѣйцевъ.

возвратятся. Не смотря на великую нашу нужду въ пищѣ, голодъ не былъ для насъ, или по крайней мѣрѣ для меня, самою величайшею нуждою. Хорошій огонь, которой развели намъ дикіе, въ сію минуту удовольствовалъ всѣ мои желанія: и терпѣвъ долгое время жестокой холодъ подлѣ нашего огня, погасавшаго всякой часъ, грѣлся я теперь съ неописаннымъ удовольствіемъ.

„Прошло около трехъ часовъ послѣ ухода Индѣйцовъ, и огорченные товарищи мои начали терять надежду увидѣть ихъ; но наконецъ показались они плывущіе въ лодкѣ, сдѣланной изъ коры, мимо вдавшейся въ море косы. Скоро вышли они на берегъ, неся большую часть копченаго мяса и пузырь съ рыбьимъ жиромъ. Они взяли нашъ горшокъ, и растопивши снѣгъ, стали варить мясо; когда же оно сварилось, то они изъ осторожности давали намъ его весьма по немногу съ небольшимъ количествомъ жиру, чтобы предохранить насъ отъ опасныхъ слѣдствій пресыщенія при слабомъ состояніи нашего желудка.

„По окончаніи небольшаго сего обѣда, они велѣли мнѣ и двоимъ изъ моихъ товарищей сѣсть съ ними въ ихъ

маленькую лодку, въ которой всѣ мы не могли помѣститься. До жилища ихъ было не далѣе пяти миль. На берегу встрѣтили насъ трое Индѣйцовъ и около двенадцати женщинъ и дѣтей, насъ ожидавшихъ. Привезшіе насъ воротились за товарищами нашими, а другіе повели насъ въ свои хижины, или вигвамы, построенные подлѣ лѣса. Хижинъ было только три, по числу семействъ. Сіи добрые люди приняли насъ весьма ласково. Они дали намъ нѣкоторой родъ похлебки; но не смотря на нашу прозьбу, не позволяли намъ ѣсть мяса и никакой другой тяжелой пищи.

„Я былъ весьма обрадованъ, когда лодка возвратилась и пришли къ намъ трое товарищей нашихъ. Увидясь въ хижинѣ дикихъ, послѣ самой короткой разлуки, мы чувствовали то, что ощущаютъ старинные друзья, которые, вздыхавъ долгое время въ разлукѣ, наконецъ имѣютъ щастіе обнять другъ друга въ своемъ отечествѣ. Сей шалашъ казался намъ самымъ пріятнѣйшимъ мѣстомъ. Восхищеніе наше тронуло одну старуху, которая оказывала великое любопытство знать наши приключенія. Я разсказалъ ихъ гораздо подробнѣе тому Индѣйцу, ко-

торой зналъ по Французски; а онъ перевелъ слышанное отъ меня на свой языкъ для прочихъ дикихъ. Во время его повѣствованія имѣлъ я случай примѣтить, что женщины были онымъ весьма тронуты; а по сему живому впечатлѣнію могъ я думать, что съ нами будутъ хорошо обходиться во все время нашего у нихъ пребыванія.

„Удовлетворя первымъ нашимъ нуждамъ, стали мы помышлять о тѣхъ нещастныхъ, которые остались на мѣстѣ нашего кораблекрушенія. Судя по тѣмъ бѣдствіямъ, въ которыхъ мы едва-было совсѣмъ не погибли, я думалъ, что судьба ихъ могла быть еще ужаснѣе нашей. Но естьли хотя одинъ изъ нихъ остался живъ, то я готовъ былъ употребить всѣ средства къ его спасенію. Стараясь описать дикимъ то мѣсто острова, къ которому мы принесены были, спрашивалъ я у нихъ, не льзя ли подать помощи оставшимся тамъ товарищамъ нашимъ.

„Когда я описалъ имъ теченіе ближайшей рѣки и небольшой островъ, находящійся въ недальнемъ отстояніи отъ ея устья, то дикіе отвѣчали, что имъ сіе мѣсто весьма извѣстно; что до него будетъ около ста миль;

что дороги къ нему черезъ лѣса весьма трудны; что надобно перейти многія рѣки и горы; и что естьли они отправятся въ сей путь, то имъ надлежитъ ожидать какого нибудь награжденія за свои труды. Не благоразумно было требовать, чтобы они оставили свою ловлю, единственное средство къ прокормленію своихъ женъ и дѣтей, предпринявъ такое трудное путешествіе изъ одной любви къ незнакомымъ. Что касается до опредѣленнаго ими разстоянія, то я вѣрилъ имъ, что они его не увеличили, почитая по собственному своему счету, что вдоль берега отплыли мы не менѣе 150 миль.

„Я имъ сказалъ тогда (чего прежде совсѣмъ не приходило мнѣ въ голову), что у меня есть деньги, и что естьли они почитаютъ ихъ за что нибудь, то я заплачу имъ за труды ихъ. Казалось, что они были весьма довольны симъ предложеніемъ, и просили меня, чтобы я показалъ имъ деньги свои. Я взялъ кошелекъ у слуги моего, и высыпалъ изъ него сто восемдесять гвиней. Сіе золото произвело въ нихъ такія движенія, какихъ я совсѣмъ не ожидалъ отъ народа дикаго; а особливо женщины смот-

рѣли на него съ чрезмѣрною алчностію: и когда я подарилъ каждому человѣку по гвинеѣ, то они всѣ начали громко хохотать, что означаетъ у Индѣйцовъ необыкновенную радость.

„Какъ бы велики ни были ихъ требованія, но я ничего бы не пожалѣлъ для спасенія моихъ соотечественниковъ, естьли хотя одинъ изъ нихъ былъ еще въ живыхъ. Мы уговорились, чтобы имъ на другой день отправиться въ дорогу, а мнѣ дать имъ двадцать пять гвиней впередъ, и по возвращеніи ихъ заплатить такую же сумму. Тотчасъ стали они приготовлять обувь, для удобной ходьбы по снѣгу, какъ для нашихъ матросовъ, которыхъ надлежало имъ привести съ собою, такъ и для самихъ себя; а въ слѣдующій день поутру они пошли въ путь, получивъ отъ меня назначенную сумму денегъ.

„Съ самой той минуты, какъ дикіе увидѣли у меня въ рукахъ золото, лишился я всѣхъ тѣхъ пріятностей, которыми обязанъ былъ ихъ гостепріимству. Они стали вдругъ такъ корыстолюбивы, какъ прежде были щедры; и всякую бездѣлицу, нами отъ нихъ получаемую, цѣнили въ десять разъ дороже надлежащаго. Я

страшился того, чтобы чрезмѣрная страсть къ деньгамъ, которою они заразились въ сообщенiи своемъ съ Европейцами, не побудила ихъ ограбить насъ и оставить въ томъ жалостномъ положенiи, изъ котораго вышли мы по ихъ помощи. У меня была одна надежда, что они не поступятъ съ нами столь безчеловѣчно, а именно на религiю, которую они приняли, бывъ обращены въ Христiанство Французскими Iезуитами, прежде нежели сей островъ былъ намъ отданъ съ Канадою. Они оказывали живѣйшую привязанность къ новой своей вѣрѣ; и часто по вечерамъ оглушали насъ своимъ нестройнымъ псалмопѣнiемъ. *Они болѣе всѣхъ полюбили* слугу моего, для того что онъ былъ Ирландской Католикъ и вмѣстѣ съ ними молился, хотя въ сихъ молитвахъ не разумѣлъ ни одного слова. Сомнѣваюсь, чтобы они и сами себя разумѣли; ибо ихъ пѣсни, или лучше сказать, ихъ вой состоялъ изъ безпонятной смѣси худаго Французскаго и собственнаго ихъ варварскаго языка, и нѣкоторыхъ Латинскихъ рѣчей, которыя они заняли отъ Миссiонеровъ.

„Сїи дикїе видомъ и нравомъ своимъ вообще сходствуютъ съ тѣми, которые живутъ на твердой землѣ въ Америкѣ; однакожъ языкъ ихъ весьма отличенъ отъ языка всѣхъ иныхъ народовъ, мнѣ извѣстныхъ. Они отличаются отъ нихъ также и обыкновенїемъ отращивать волосы, что у жителей твердой земли прилично только однѣмъ женщинамъ. Впрочемъ ко всѣмъ крѣпкимъ напиткамъ имѣютъ они такую же чрезвычайную страсть, какъ и всѣ прочїе дикїе народы.

„Не скоро пришли мы въ силу и могли употреблять жирную пищу. У Индѣйцовъ было одно лосиное мясо и жиръ *морскихъ телятъ*, чемъ они обыкновенно питались во время ловли.

„Хотя помышленїе о прошедшихъ бѣдствїяхъ нашихъ должно было заставить насъ благословлять перемѣну въ нашемъ положенїи и сдѣлать прїятнымъ пребыванїе наше у сихъ дикихъ людей, однакожъ мнѣ весьма хотѣлось поскорѣе оставить ихъ, по причинѣ повѣренныхъ мнѣ депешей, которыя могли быть весьма важны для пользы государственной; мнѣ же извѣстно было, что судно съ дупликатомъ потонуло; однакожъ я былъ

еще въ такой слабости, что нѣсколько времени не способенъ былъ ни къ какому движенію, и чувствовалъ, вмѣстѣ съ товарищами своего нещастія, что весьма трудно поправить въ тѣлѣ своемъ такую великую разстройку.

„Черезъ пятнадцать дней Индѣйцы возвратились только съ тремя изъ товарищей нашихъ, которые остались въ живыхъ изъ осьми человѣкъ, покинутыхъ нами въ шалашѣ. Они разсказали намъ, что издержавъ весь свой запасъ, нѣсколько дней питались лосиною кожею, которую мы погнушались раздѣлить съ ними; что послѣ сего, когда истощилась и сія бѣдная пища, трое умерли отъ голода, а прочіе были въ ужасной необходимости питаться ихъ трупами, до самаго прихода Индѣйцовъ; что одинъ изъ пяти оставшихся съ такою алчностію ѣлъ, что черезъ нѣсколько часовъ испустилъ духъ въ страшномъ мученіи; и что другой, поворачивая ружье дикаго, нечаянно застрѣлился. Такимъ образомъ изъ девятнадцати человѣкъ осталось насъ только девять, и я еще удивляюсь, какъ мы всѣ не померли, боровшись цѣлые три мѣсяца со всѣми ужасами холода, трудовъ и голода.

„Недостатокъ въ силахъ продержалъ насъ еще пятнадцать дней въ семъ скучномъ мѣстѣ, и я по прежнему долженъ былъ платить весьма дорого за пищу и за самыя малыя потребности. Послѣ сего времени, ставъ нѣсколько поздоровѣе, и видя, что деньги мои исходятъ, почелъ я за долгъ пожертвовать личными своими выгодами обязанностямъ моей службы, и рѣшился отнести свои депеши къ Генералу Клинтону со всею возможною поспѣшностїю, хотя время тогда было самое неудобное для путешествїя. Почему нанялъ я двухъ Индѣйцовъ, проводить меня въ Галлифаксъ за сорокъ гвиней, которыя мнѣ должно было заплатить имъ по прибытїи въ сїе мѣсто. Я обязался еще доставлять имъ въ пути всякой запасъ и пищу въ тѣхъ обитаемыхъ мѣстахъ, которыя надлежало намъ проходить. Другїе Индѣйцы должны были проводить товарищей моихъ въ селенїе, находящееся на Гишпанской рѣкѣ, гдѣ имъ надлежало остаться до весны, чтобы при случаѣ доѣхать до Галлифакса моремъ. Я далъ Капитану столько денегъ, чтобы онъ могъ пропитать себя и матросовъ своихъ, взявъ съ него вексель на его корабельщика въ но-

вомъ Іоркѣ. Сей человѣкъ не постыдился послѣ не заплатить мнѣ денегъ подъ предлогомъ, что когда корабль пропалъ, то ни Капитанъ, ни матросы не могутъ ничего съ него требовать.

„Я отправился въ путь 2 го Апрѣля съ двумя Индѣйцами, своимъ слугою и господиномъ Винсло, молодымъ пассажиромъ, однимъ изъ тѣхъ троихъ, которые не умерли въ шалашѣ. Каждой изъ насъ взялъ по четыре пары Индѣйскихъ башмаковъ, лыжи и запасу на пятнадцать дней. Въ вечеру пришли мы въ то мѣсто, которое Англичане называютъ Broad-Oar, *т. е. широкое весло*, гдѣ по причинѣ поднявшейся вьюги намъ должно было пробыть весь слѣдующій день. Мы продолжали путь четвертаго числа, и отошедши около пятнадцати миль, пришли на берегъ весьма хорошаго соленаго озера, называемаго озеромъ Св. Петра, которое однимъ концомъ сообщается съ моремъ. Въ семъ мѣстѣ нашли мы два семейства Индѣйцовъ, которые тутъ ловили звѣрей. За четыре гвинеи купилъ я у нихъ маленькой челночокъ, сдѣланной изъ коры; ибо проводники мои сказали, что онъ будетъ намъ часто нуженъ

для переправы через тѣ мѣста озера, которыя никогда не замерзають. А какъ въ другихъ мѣстахъ надлежало намъ итти по льду, то я принужденъ былъ купить еще сани, чтобъ тащить за собою лодку.

„Отдохнувъ два дни, и запастись новою провизїею, отправились мы въ путь седьмаго числа, и шли нѣсколько миль вдоль по берегу озера; но какъ ледъ былъ худъ, то намъ надлежало оставить сїю дорогу и итти лѣсомъ. Снѣгъ былъ тамъ глубиною въ шесть футовъ; оттепель и дождь, пошедшїй на другой день, такъ его размягчилъ, что намъ не льзя было итти по его поверхности. И такъ мы были принуждены остановиться. Большой огонь, покойной вигвамъ и изобильная пища, утѣшали насъ въ сїе худое время; однакожъ мы не совсѣмъ были спокойны. Зима была уже въ концѣ; почему мы не могли надѣяться долго итти по снѣгу, естьли не случится сильнаго мороза. А естьли его совсѣмъ бы не было, то намъ надлежало бы дожидаться того времени, когда бы озеро совершенно очистилось ото льду: а это продержало бы насъ еще двѣ, или три недѣли. Въ такомъ случаѣ положенїе наше сдѣлалось бы столь же жалостно,

какъ и то, въ которое мы ввержены были нашимъ кораблекрушенїемъ, развѣ съ тою только выгодою, что время теперь было сноснѣе, что мы имѣли поболѣе запасу, и что, въ случаѣ недостатка, могли ружьями своими настрѣлять для пищи разной дичи.

„Къ щастїю нашему, 12 го числа сдѣлался морозъ, и мы рѣшились на другой день симъ воспользоваться. Въ сей день прошли мы шесть миль; иногда перебирались по плывущимъ льдинамъ, а иногда плыли въ своемъ челночкѣ. На другой день, видя что запасъ нашъ почти весь изошелъ, предложилъ я своимъ товарищамъ стрѣлять птицъ и звѣрей, которыхъ, казалось, довольно было въ семъ мѣстѣ. Всѣ дикїе вообще думаютъ только о потребностяхъ настоящаго дня, не заботясь о слѣдующемъ. Сїя предосторожность была весьма нужна, для того что сильная оттепель могла вдругъ воспрепятствовать нашему пути. Я пошелъ въ лѣсъ съ однимъ изъ моихъ проводниковъ, и мы скоро нашли слѣды лося, котораго мой дикой тотчасъ нашелъ и застрѣлилъ. Онъ разрѣзалъ его весьма искусно, собралъ кровь въ пузырь, и рознялъ тѣло на четыре части, изъ которыхъ

одну отнесли мы на плечахъ въ свою лодку, а за прочими послали другаго Индѣйца, слугу моего и господина Винсло. Такимъ образомъ стало у насъ довольно запасу; и въ случаѣ оттепели, которая могла бы намъ помѣшать итти лѣсомъ или озеромъ, не могло быть у насъ недостатка въ пищѣ.

„Пятаго-надесять отправились мы въ путь весьма рано, и въ тотъ день прошли шесть миль; но сей переходъ такъ истощилъ силы наши, бывшїя уже и безъ того въ великой слабости, что на другой день не могли мы продолжать своего путешествїя. Мы должны были за усталостїю пробыть тутъ до осьмагонадесять числа. Въ сей день продолжали мы путешествїе свое по прежнему, т. е. или шли по плывущимъ льдинамъ, или плыли на лодкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на озерѣ не было льду.

„Тутъ имѣлъ я случай замѣтить красоты сего озера, одного изъ лучшихъ извѣстныхъ мнѣ въ Америкѣ, хотя въ сїе время года еще и не льзя было видѣть всѣхъ его прїятностей. Оно покрыто безчисленнымъ множествомъ небольшихъ острововъ, разсѣянныхъ по его поверхности; по чему подобно оно славному Килларнецкому

озеру и другимъ Ирландскимъ прѣснымъ озерамъ. На сихъ островахъ никогда не было селенiй; но кажется, что земля тамъ плодородна, и лѣтомъ было бы весьма прiятно жить тутъ; естьли бы можно было доставать прѣсную воду, которой въ сихъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ. Безъ сомнѣнiя по сей самой причинѣ остаются они ненаселенными.

Естьли бы все озеро было покрыто крѣпкимъ льдомъ, то мы могли бы итти гораздо поспѣшнѣе и съ меньшимъ трудомъ, переходя отъ одного мыса къ другому, и съ одного острова на другой, вмѣсто того, что мы при всякомъ заливѣ принуждены были сворачивать далеко всторону.

„Двадцатаго числа пришли мы въ мѣстечко святаго Петра, гдѣ есть селенiе нѣсколькихъ Англiйскихъ и Французскихъ семействъ. Изъ благодарности долженъ я здѣсь упомянуть о господинѣ *Кававафѣ*, Англiйскомъ купцѣ, которой принялъ насъ весьма ласково, и которой, выслушавъ исторiю нещастiй моихъ, повѣрилъ мнѣ двѣсти фунтовъ стерлинговъ на вексель, написанной на имя моего отца, хотя фамилiя наша была ему совсѣмъ неизвѣстна.

„Я могъ бы отъ мѣстечка Св. Петра доплыть до Галлифакса на рыбачьемъ суднѣ, естьли бы не боялся попасться въ руки Американскимъ корсарамъ, которые тогда въ сихъ мѣстахъ разъѣзжали. Озеро отдѣлялось въ семъ мѣстѣ отъ моря однимъ лѣсомъ, простирающимся въ ширину шаговъ на тысячу; и такъ мы рѣшились дотащить нашу лодку до берега, и плыть на ней по морю. Приставая въ слѣдующіе дни къ мѣстамъ мало примѣчанія достойнымъ, приплыли мы въ Наррашокъ, гдѣ приняли насъ съ такою же ласкою, какъ и въ мѣстечкѣ Св. Петра. Оттуда отправились 26 го числа къ острову, называемому Мадамъ, которой находится въ срединѣ пролива Касно, отдѣляющаго островъ Капъ-Бретонъ отъ Акадіи, или новой Шотландіи. Но приплывая къ сему острову, увидѣли такое великое множество плавающихъ льдинъ, что мы бы весьма безразсудно поступили, естьли бы отважились плыть между оными на маленькомъ своемъ челночкѣ. И такъ мы возвратились въ Наррашокъ, гдѣ я нанялъ безопаснѣйшее судно, въ которое положили мы свою лодку; и 27 го числа,

съ помощїю благопрїятнѣйшаго вѣтра, въ три часа переплыли мы проливъ и пристали къ берегу въ Кансо, котораго именемъ названъ сей проливъ. Потомъ, плывъ на лодкѣ своей все вдоль берега, черезъ десять дней вошли мы въ пристань Галлифакскую.

„Индѣйцы, получивъ отъ меня договорную сумму и подарки, въ знакъ моей благодарности къ спасшимъ мою жизнь, черезъ нѣсколько дней насъ оставили и отправились назадъ на свой островъ. А какъ мнѣ надлежало долго дожидаться отплытїя кораблей, то я имѣлъ удовольствїе дождаться своихъ товарищей, которыхъ Индѣйцы должны были проводить до селенїя на *Гишпанской рѣкѣ*. Наконецъ, черезъ два мѣсяца, сѣлъ я на корабль, называемой Chéne Royal, и прибылъ въ Новой Йоркъ, гдѣ вручилъ депеши свои, такъ давно отправленныя, Генералу Клинтону, будучи самъ въ жалостномъ положенїи.„ —

Чувствительному читателю безъ сомнѣнїя прїятно будетъ знать, что, по свидѣтельству Лорда Далримфа, Адъютанта Генерала Клинтона, и по старанїю Гна. Фишера, бывшаго тогда Вицъ - Секретаря въ Американскомъ

Департаментѣ, Гнъ. *Прентисъ* получилъ всѣ вознагражденія, какихъ только онъ могъ ожидать за претерпѣнныя имъ бѣдствія и убытки.

ОПИСАНІЕ

и

Историческое извѣстіе о Иль - Роялѣ, или Калъ - Бретонѣ.

Иль - Рояль, или Калъ - Бретонъ, было, прежде войны 1756 года, однимъ изъ главныхъ селеній Французскихъ въ Сѣверной Америкѣ, и оно служило ключемъ къ Канадѣ. Сей островъ лежитъ при входѣ въ заливъ Св. Лаврентія, на 18 миль къ юго - западу отъ Терра - Новы. Длина его около 45 миль, а ширина различна, отъ осьми до двадцати миль; на немъ находятся множество заливовъ и гаваней. Поверьхность Иль - Рояля изрыта озерами и рѣками. Всѣ его гавани открываются на востокъ, а послѣ простираются къ югу; почти всѣ онѣ чрезвычайно опасны, по причинѣ большихъ скалъ, находящихся возлѣ береговъ. Сѣверные его берега весьма возвышенны; но западные почти неприступны.

Гавань *Луисбургъ*, знатнѣйшая изъ всѣхъ на семъ островѣ, и ее можно почитать одною изъ лучшихъ во всей Америкѣ, въ окружности имѣетъ три мили, и глубина ея повсюду не менѣе пяти или шести саженей. *Портъ - Дофенъ* и *Портъ - Тулузъ* также немаловажны. Сіи гавани служатъ вѣрнымъ и безопаснымъ убѣжищемъ для кораблей, гонимыхъ бурею на морѣ опасномъ, окружающемъ сей островъ.

Почва земли въ Капъ - Бретонѣ довольно плодородна: тамъ растутъ дубы величины чрезвычайной, сосны и всякаго роду строевой лѣсъ. Есть также много плодовитыхъ деревъ, особливо яблоней. Всякіе овощи, пшеница и другія сѣмена, потребныя для жизни, родятся тамъ въ изобиліи. Ленъ и конопли такой же доброты, какъ и въ Канадѣ, только въ меньшемъ количествѣ. Всѣ домашнія животныя, лошади, коровы, свиньи, овцы, козы и ручныя птицы, находятъ на семъ острову обильную для себя пищу. Охота и рыбная ловля питаютъ тамошнихъ жителей большую часть года. Важнѣйшая выгода, какую находятъ въ Иль - Роялѣ, есть та, что нѣтъ другаго берега, гдѣ бы ловили

треску превосходнѣйшей доброты, и гдѣ бы удобнѣе было ее сушить, какъ на семъ острову. На немъ находятъ также земляные уголья и гипсовыя каменоломни.

Въ Иль-Роялѣ одинъ только городъ *Луисбургъ* посредственной величины; однако, по свидѣтельству Дона Антонія Уллоа, бывшаго въ немъ 1745 году, онъ прежде былъ хорошо выстроенъ и укрѣпленъ по хорошему плану: въ немъ считалось жителей до 4000 человѣкъ; но нынѣ представляетъ болѣе однѣ развалины домовъ, а не жилища обитаемыя, и едва ли находится въ немъ пять или шесть сотъ человѣкъ жителей, занимающихся рыбною ловлею и продажею запрещенныхъ товаровъ.

Французы владѣли Иль-Роялемъ съ 1714 года. Англичане заняли его въ 1745 году; но онъ опять возвращенъ былъ Франціи по Вестфальскому миру. Въ 1758 году, былъ сей островъ снова взятъ Генераломъ Амгерстомъ и Адмираломъ Боскевеномъ. Осада Луисбурга была продолжительна, и защищеніе упорное; оно дѣлало честь гарнизону и Комменданту. Границы, кои мы себѣ предписали, не позволя-

ютъ намъ пространно описывать здѣсь сего предмета: мы сообщимъ только краткое о томъ извѣстіе.

2 го Іюня 1758 года, Англинской флотъ, состоявшій изъ 23 линейныхъ кораблей и 18 фрегатовъ, на коихъ находилось 16 тысячь отборнаго войска, бросилъ якорь въ заливѣ *Габарскомъ*, за полмили отъ Луисбурга. Часть укрѣпленій была уже разрушена; оставалась только каземата и небольшой магазинъ неповрежденной бомбами; весь гарнизонъ состоялъ изъ 2900 человѣкъ.

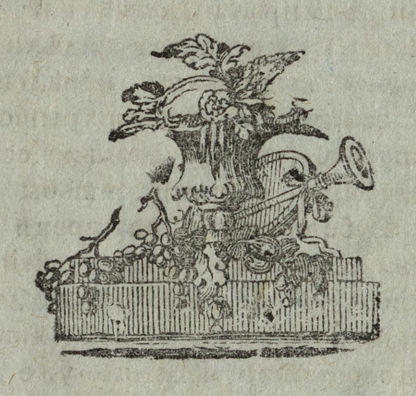
Не смотря на всѣ сіи невыгодности, осажденные рѣшились защищаться до самой крайности. Какъ скоро они увидѣли непріятеля укрѣпившагося на берегу; то оставалось имъ единое средство, запереться въ Луисбургѣ. Баронъ *Дрюкуръ*, Капитанъ корабля, былъ тогда Губернаторомъ; онъ защищался съ великимъ мужествомъ и благоразуміемъ, какъ того всякой могъ отъ него ожидать. Но при семъ случаѣ любопытно знать анекдотъ, которой оставленъ намъ Англинскимъ Историкомъ, и двумя вѣрными Писателями Французскими: а именно, что Госпожа *Дрюкуръ*, столь знаменитая въ

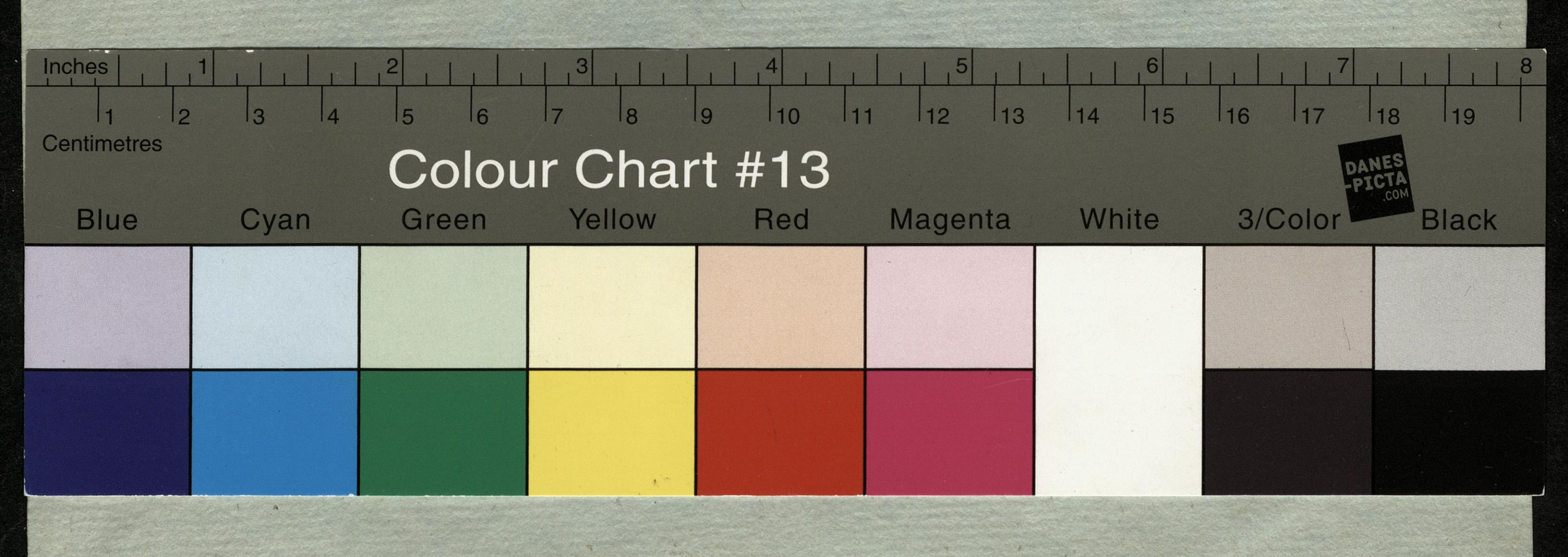
лѣтописяхъ Французской нацїи, своею храбростїю ободряла и помогала своему мужу. Будучи безпрестанно на шанцахъ, сама каждой день дѣлала три пушечные выстрѣла, и какъ будто оспоривала славу мужа въ отправленїи его должности. Такое упорное сопротивленїе могло бы спасти колонїю, естьли бы подоспѣла обѣщанная помощь изъ Канады, или изъ Европы. Семь недѣль защищались осажденные съ величайшимъ мужествомъ, и ничто не умаляло ихъ бодрости, ни неудачныя вылазки, которыя они многократно покушались дѣлать, ни искуство и согласное устремленїе Генерала Амгерста и Адмирала Боскевена. Тогда уже наконецъ, когда всѣ видѣли, что не возможно выдержать нападенїй въ городѣ, зажженномъ и открытомъ со всѣхъ сторонъ, тогда только осмѣлились говорить о томъ, чтобы сдать городъ. Губернаторъ намѣренъ былъ твердо защищаться до послѣдней крайности, и упорно отрекался дѣлать какїе-либо переговоры съ непрїятелемъ. Такой его отвѣтъ посланъ уже былъ къ Генераламъ Англинскимъ; но наконецъ, тронутъ слезами жителей, рѣшился принять капитуляцїю, ко-

торая и была подписана 27 Іюля: она дѣлаетъ ему честь. Аббатъ *Рейналь* говоритъ: „Побѣдитель столько уважалъ своего непріятеля, столько уважалъ самого себя, что не захотѣлъ запятнать славы своей какою-либо жестокостію, или сребролюбіемъ.„

Островъ Капъ-Бретонъ остался за Англіею, и утвержденъ за нею миромъ 1763 года. Укрѣпленія города Луисбурга срыты; онъ сдѣлался нынѣ мѣстомъ открытымъ. Весь островъ зависитъ отъ острова Сентъ-Жана.

Конецъ первой Части.

Inches
Centimetres
Colour Chart #13
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES PICTA .COM

